С. АТАВА

ЖОРЖ и К°

ЭБ

СЕРГѢЙ АТАВА (Н. С. Терпигоревъ).

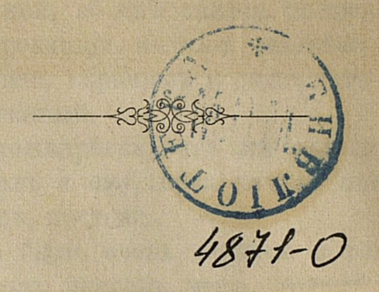
ЖОРЖЪ и Ко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1888.

СЕРГѢЙ АТАВА (Н. С. Терпигоревъ).

ЖОРЖЪ и К⁰.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Я. И. Либермана, Вознесенскій пр. 30—4.
1888.

ЖОРЖЪ.

I.

Однажды весной, ко мнѣ явился съ письмомъ отъ дяди, изъ провинціи, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, очень скромный и даже какъ будто немного запуганный.

— Садитесь пожалуйста, что жъ вы стоите? нѣсколько разъ сказалъ я ему, пока читалъ письмо.

— Я, ничего-съ, постою...

Письмо дядино было очень длинное и заключалось все въ томъ, что онъ просилъ меня „опредѣлить этого молодца вольноопредѣляющимся“ и притомъ такъ, чтобы онъ былъ и у меня на виду постоянно и въ такой полкъ, гдѣ бы онъ былъ „въ хорошемъ обществѣ и такимъ образомъ восполнилъ бы недостатки своего воспитанія и образованія“...

— Вы въ какой же полкъ хотите поступить? спросилъ я его, прочитавъ письмо.

— Все равно-съ.

— Дядя, по крайней мѣрѣ, что же говорилъ?

— Онъ сказалъ: какой вы назначите.

— „Назначите!“ Вѣдь, это не отъ меня зависитъ васъ назначать. Я могу только просить, хлопотать...

Короче, его назначили.

Начались путешествія ко мнѣ по субботамъ и праздничнымъ днямъ.

— Жоржъ, что же вы дѣлаете? читаете?

— Читаемъ.

— Что же вы читаете?

Называетъ какіе-то переводные романы.

— А еще?

Смѣется. Осклабился и не говоритъ.

— Еще что-же?

— Курсъ акушерства...

И была у него удивительная способность спать. Чуть только придетъ, глядишь, ужъ спитъ. Сидитъ гдѣ-нибудь въ углу въ креслѣ и спитъ: глаза закрыты, лицо потное, круглое и улыбающееся... Я помню, я по долгу на него смотрѣлъ тогда и думалъ, что изъ него выйдетъ?

— Жоржъ, а Жоржъ?

— А? что? Встрепенется и вскочитъ:—А? Что?

— Обѣдать готово.

— А я заснулъ, скажетъ онъ, радостно улыбающійся и, идя въ столовую, потянетъ носомъ воздухъ: — Ахъ, пирогъ сегодня съ капустой...

И кушаетъ такъ аппетитно, такъ чисто, безъ жадности, безъ торопливости: съѣстъ до тла одинъ кусокъ, улыбнется и возьметъ другой. И этотъ ѣстъ также съ любовью и съ увѣренностью. Съѣстъ и опять улыбнется.

— Да кушайте, Жоржъ.

— Я ужъ третій...

— Что за счеты? Хочется кушать, и кушайте.

Первое время онъ, послѣ обѣда, всякій разъ меня цѣловалъ, но вскорѣ этотъ обычай мнѣ удалось замѣнить простымъ рукопожатіемъ.

— Жоржъ, вѣдь вы курите? курите пожалуйста, говорилъ я, закуривая послѣ обѣда сигарку.

— Нѣтъ-съ, я не курю.

— Можетъ папироски вы курите?

— Нѣтъ-съ, я не курю.

— Жоржъ, вы можетъ хотите вмѣсто кофе чаю?

— Нѣтъ-съ.

Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ дяди письмо, въ которомъ онъ меня Богъ знаетъ какъ благодарилъ за сына, что я и опредѣлилъ его и что вотъ онъ ходитъ ко мнѣ по праздникамъ.

— Папашенька благодаритъ васъ, сказалъ мнѣ Жоржъ, придя ко мнѣ въ субботу.

— Да, я получилъ тоже отъ него письмо. Очень радъ.

— А мнѣ съѣздить туда... можно будетъ? Въ деревню? помолчавъ немного, продолжалъ онъ.

— Т. е. какъ это? Зачѣмъ же это вамъ? спросилъ я его не безъ удивленія.

— А на свадьбу...

— На какую?

— Сестра Агнія замужъ выходитъ... Папашенька вамъ развѣ не писалъ?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ я. Это вамъ надо ужъ у вашего начальства спросить разрѣшенія... А у батюшки вашего вы спрашивали позволѣнія пріѣхать?

— Нѣтъ.

— Такъ какъ же? Можетъ онъ не желаетъ, чтобъ вы пріѣхали?

— Я сюрпризомъ...

— Ну, смотрите, это ужъ ваше дѣло.

— А вы можете попросить, чтобы меня отпустили?

— Вы спросили бы прежде батюшку, это лучше бы было.

— Да что же ихъ спрашивать? какъ-то странно улыбнувшись отвѣтилъ мнѣ Жоржъ.

Настаивать, чтобы онъ спросилъ предварительно отца я не сталъ, но также отказался хлопотать и объ отпускѣ его. Старикъ мнѣ ничего о свадьбѣ дочери своей не писалъ и мнѣ не хотѣлось въ эту исторію ввязываться.

Черезъ три дня Жоржъ пришелъ и сказалъ, что отпускъ онъ получилъ и на недѣлю можетъ ѣхать. — Позвольте мнѣ на дорогу.

У меня были его деньги, онъ получилъ ихъ и росписался въ нихъ въ книжкѣ.

— Какой же вамъ отпускъ дали? Покажите-ка.

— Мнѣ на словахъ...

— Смотрите. Такъ ли это?

— Честное слово.

— Ну, ваше дѣло. Вы не маленькій сами.

— Нѣтъ, помилуйте, какъ же можно?!..

Жоржъ уѣхалъ. На второй или на третій день послѣ его отъѣзда кто-то позвонилъ у меня, прислуги не было дома и я самъ отворилъ дверь. Какая-то горничная съ запиской.

— Георгій Васильевичъ здѣсь?

— Нѣтъ.

— А гдѣ же они?

— Въ деревнѣ.

— Скоро они будутъ?

— Скоро, черезъ пять дней. Вы отъ кого? спросилъ я.

— Это секретъ. Я не могу сказать...

— Такъ вотъ приходите... Черезъ пять дней онъ долженъ пріѣхать.

Горничная ушла. На другой день опять звонокъ и опять горничная, но ужъ другая.

— Георгій Васильевичъ здѣсь живутъ?

Ей сказали, что здѣсь, но что теперь онъ уѣхалъ и черезъ нѣсколько дней будетъ обратно.

— А куда они уѣхали?

— Въ деревню...

Я слышалъ этотъ разговоръ изъ моей комнаты и вышелъ въ переднюю.

— Онъ будетъ черезъ четыре дня. Вы отъ кого? спросилъ я.

Горничная замялась:

— Отъ барыни...

— Вчера это она же присылала?

— Кого? Нѣтъ... удивилась горничная. Они сегодня должны были быть у насъ и не были. Въ полку ихъ тоже нѣтъ. Барыня меня сюда и послали.

И такихъ горничныхъ съ записками въ его отсутствіи являлось штукъ пять. И все разныя, несомнѣнно отъ разныхъ барынь: — „Вотъ, думалъ я, ходокъ-то какой этотъ тихоня“.

— Жоржъ, къ вамъ все какія-то горничныя приходили безъ васъ съ записками, сказалъ я ему, когда поздоровавшись со мною и передавъ мнѣ поклонъ отъ дяди, онъ принялся разсказывать мнѣ подробности свадьбы своей сестры.

— Ахъ, это я знаю отъ кого, нѣсколько смутившись какъ будто, отвѣчалъ онъ.

— Все отъ разныхъ, сказалъ я.

— Я знаю.

Жоржъ былъ здоровый, бѣлобрысый малый, съ розовыми щеками, съ изумительно бѣлыми зубами и совершенно безъ всякаго выраженія свѣтлыми глазами; высокаго роста и сложенъ удивительно.

Вскорѣ я получилъ отъ дяди опять благодарственное письмо и деньги для Жоржа.

„Ты, мой другъ, меня понимаешь — писалъ онъ — если я не могъ устроить партію для Агніи, какую бы я хотѣлъ и какой она достойна, то, по крайней мѣрѣ, хотѣлось бы вывести въ люди хотя Жоржа. Онъ мальчикъ добрый и при надзорѣ изъ него можетъ выйдти человѣкъ. Главное, не давай ему на пустяки тратить

деньги. Я это говорю тебѣ не изъ жадности, а для его же пользы“.

Когда Жоржъ слѣдующій разъ пришелъ ко мнѣ, я ему показалъ это письмо.

Онъ только улыбнулся.

— Самое лучшее вы вотъ что сдѣлайте, сказалъ я ему: — Вотъ вамъ тутъ вашъ батюшка сто рублей прислалъ на два мѣсяца, — берите каждую недѣлю по двѣнадцати съ полтиной, вамъ и хватитъ ихъ. Хотите, получите сейчасъ за недѣлю?

— Хорошо-съ.

Онъ росписался въ книжкѣ, получилъ деньги и когда сталъ класть ихъ въ кошелекъ я замѣтилъ, что у него тамъ нѣсколько красненькихъ скомкано въ комокъ.

— Вотъ видите, еще у васъ есть, сказалъ я.

Онъ по обыкновенію широко улыбнулся, показавъ зубы и ничего не отвѣтилъ.

Я подумалъ: „чудакъ старикъ: проситъ, чтобы я не давалъ ему много денегъ, а самъ что дѣлаетъ?“

— Вамъ батюшка много далъ при отъѣздѣ? спросилъ я.

Жоржъ нѣсколько замялся и отвѣтилъ:

— Пятьдесятъ рублей.

Слѣдующую субботу Жоржъ пришелъ позже обыкновеннаго и мнѣ показался онъ какимъ-то страннымъ.

— Отчего вы такъ поздно сегодня? спросилъ я его.

— Мм... Такъ, я тутъ къ товарищу одному заходилъ...

За обѣдомъ я замѣтилъ у него на правой рукѣ, на

мизинцѣ, кольцо съ бриллiантами. Камни были большiе и такъ и сверкали.

— Жоржъ, чье это у васъ кольцо? спросилъ я.

— Это одного товарища.

— Смотрите, не потеряйте какъ-нибудь.

Въ передней послышался звонокъ и вскорѣ человѣкъ сказалъ, что швейцаръ спрашиваетъ: можно ли извозчику ѣхать чай пить, такъ какъ онъ съ утра еще ничего не ѣлъ?

Жоржъ опять смутился, но сказалъ, чтобы онъ ждалъ, такъ какъ ему сейчасъ надо будетъ ѣхать: — Скажи ему, что я его за это сегодня рано отпущу, добавилъ онъ.

— Жоржъ, а вы развѣ постоянно извозчика держите?

— Нѣтъ, отвѣтитъ онъ, это товарища одного моего... Впрочемъ, вотъ что, отдайте ему лучше, сказалъ онъ человѣку.

Онъ вынулъ кошелекъ и когда раскрылъ его, я ужъ увидалъ тамъ скомканныя не десятирублевки, а одну или двѣ радужныя. И онъ ужъ нисколько не стѣсняясь при мнѣ вынулъ этотъ комокъ смятыхъ бумажекъ, отдѣлилъ отъ него пятирублевку и отдалъ лакею, чтобы тотъ передалъ извозчику.

Я посмотрѣлъ на него серьезно.

— Жоржъ, это откуда у васъ деньги?

— Товарища одного моего...

Онъ довольно небрежно сунулъ кошелекъ въ карманъ и какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за супъ.

Мы пообѣдали, перешли въ кабинетъ; Жоржъ началъ мнѣ что-то разсказывать про деревню, какъ тамъ

мужики обманываютъ его отца и сказалъ: — уморительный старикъ...

— Кто это? переспросилъ я его.

— Отецъ, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Три мѣсяца назадъ онъ называлъ его „папашенькой" и говорилъ объ немъ не иначе, какъ „они" и проч.

Мнѣ, кажется, Жоржъ, знаете что? Онъ напрасно васъ отдалъ сюда, прислалъ въ Петербургъ, сказалъ я.

— А что? спросилъ онъ.

— Такъ, мнѣ кажется, онъ сдѣлалъ ошибку.

— Вы думаете, тамъ-бы въ армейскомъ какомъ-нибудь полку мнѣ было бы лучше служить?

— Гораздо.

— А тутъ чтожъ?

— Тамъ вы были бы у него постоянно на глазахъ и онъ видѣлъ бы, что изъ васъ выходитъ... Нравится ему это, онъ бы оставилъ васъ дальше идти по этой дорогѣ, нѣтъ — повелъ бы по другой.

— По какой же?

— Ну мало ли.

— А чтоже тутъ?... Я не знаю... сказалъ, смущаясь и краснѣя Жоржъ и кашлянулъ.

— Тутъ что? А вотъ что тутъ. Если вы вотъ сейчасъ мнѣ не скажете откуда у васъ этотъ перстень и эти деньги и не докажете, что они вашего товарища, то я завтра же напишу вашему батюшкѣ, что я отказываюсь отъ васъ, снимаю съ себя всякую за васъ отвѣтственность, а васъ попрошу ужъ больше ко мнѣ не являться... Вотъ, что тутъ. Поняли вы?

Онъ никакъ не ожидалъ подобной постановки вопроса, ужасно смутился, и растерялся, покраснѣлъ, всталъ передо мной и началъ что-то безсвязно болтать: что если я думаю, или, что если мнѣ сказали, что это все неправда, что онъ никогда ничего ни у кого не укралъ и т. д. и въ концѣ концевъ сказалъ, что этотъ перстень и эти деньги ему подарили.

— Кто же это вамъ подарилъ?

Онъ покраснѣлъ еще больше и сказалъ:

— Одна дама...

— И вы взяли?

— Она сказала : „на память..."

— А деньги? На память тоже?

— Деньги, — она сказала, если можетъ быть вамъ нужны?

Онъ до того растерялся, испугался даже, что стоялъ передо мною совершенно какъ семи, восьми лѣтній мальчикъ, котораго поймали на мѣстѣ его шалости и онъ знаетъ, что за это его сейчасъ же, тутъ же будутъ наказывать.

— Я ихъ отдамъ ей, проговорилъ онъ наконецъ. Я ихъ сегодня только получилъ...

— А тѣ, тогда, раньше какія у васъ были деньги? Тѣ отъ кого же?

— Тѣ?

— Да. Десяти-рублевки? Помните?

— Тѣ отъ другой...

— Да чтожъ вы... чтожъ вы такое послѣ этого?!

Онъ молчалъ и стоялъ, какъ истуканъ. Поднималъ на меня и опускалъ глаза. Я ясно видѣлъ, что онъ и

на половину — куда на половину! на сотую долю не понимаетъ мерзости своего дѣла.

Вотъ что, сказалъ я: — завтра я поѣду и буду хлопотать, чтобъ васъ перевели въ тотъ полкъ, который стоитъ тамъ у васъ. А если вы не согласны на это, я поступлю, какъ вамъ сказалъ — все напишу отцу вашему и вы ужъ избавьте меня отъ вашихъ посѣщеній.

— Я согласенъ, проговорилъ онъ.

— Мерзость какая! Вѣдь вы убьете старика, если онъ узнаетъ объ этомъ...

— Я долго его стыдилъ и мнѣ показалось даже, что у него на глазахъ навернулись слезы. Онъ часто моргалъ и раза два высморкался.

Вечеромъ ко мнѣ кто-то пріѣхалъ и я занялся съ гостемъ. Послышался слабый, робкій звонокъ. Я его слышалъ, но, такъ какъ никто не входилъ, то вскорѣ и забылъ объ немъ. Когда я проводилъ гостя, я вспомнилъ и спросилъ по поводу звонка.

— Это за Георгіемъ Васильевымъ пріѣзжали, сказали мнѣ.

— Кто пріѣзжалъ?

— Опять какая то горничная.

— И онъ гдѣ же? Уѣхалъ?

— Уѣхали...

Я сѣлъ и написалъ письмо къ его отцу, а его самого не велѣлъ принимать.

II.

Прошло съ мѣсяцъ. Я шелъ по Гагаринской набережной и на встрѣчу мнѣ попалась высокая, красивая

женщина, очень хорошо еще сохранившаяся, хотя повидимому ей было ужъ подъ сорокъ. Поравнявшись со мною, она, мнѣ показалось, сдѣлала какое-то движеніе, какъ бы желая что-то спросить у меня или сказать мнѣ. Я тоже, съ своей стороны, замедлилъ шагъ, приготовляясь ее выслушать; но — она ничего не сказала и я прошелъ. Немного отойдя, я оглянулся. Она стояла и смотрѣла очевидно мнѣ вслѣдъ. Теперь она пошла ужъ прямо ко мнѣ съ несомнѣннымъ намѣреніемъ что-то сказать мнѣ. Я остановился въ ожиданіи ея.

— Если не ошибаюсь, сказала она и назвала мою фамилію.

— Да-съ. Что прикажете?

— Мнѣ нужно съ вами переговорить. Когда вы мнѣ можете удѣлить часъ времени?

— Хоть сейчасъ, отвѣчалъ я.

— Здѣсь неудобно, улыбнулась она.

— Гдѣ прикажете?

— Можно къ вамъ пріѣхать?... А еще лучше, если бы вы были такъ любезны, пріѣхали бы ко мнѣ. Моя фамилія...

Она назвала свою фамилію и сказала свой адресъ.

— Да что такое? Какое дѣло? спросилъ я.

— Я не могу вамъ сейчасъ сказать.

Я посмотрѣлъ на нее, пожалъ плечами, поклонился и сказалъ, что завтра, въ назначенномъ ею часу буду.

— И я могу быть увѣрена? Вы не забудете? У васъ столько занятій.

— Нѣтъ-съ, не забуду.

Я пошелъ дальше и когда, отойдя шаговъ двадцать оглянулся, на набережной ея ужъ не было,

Эта странная встрѣча меня заинтересовала: — „что бы это могло быть?“ думалъ я, и рѣшилъ, что это, что нибудь навѣрно по части писательства — написала какую нибудь повѣсть, какой нибудь романъ и вотъ теперь „рѣшилась, наконецъ, обратиться“. Я зналъ даже эту обычную фразу, потому, что ужъ много разъ слыхалъ ее.

Вечеромъ, по приходѣ домой, мнѣ сказали, что у меня были, безъ меня, двѣ дамы. Спросили дома ли я, когда онѣ могутъ меня застать и уѣхали не сказавъ своихъ фамилій.

— Одна была такъ часовъ въ пять, а другая...

— Какъ? А не вмѣстѣ?

— Нѣтъ, разныя.

— Я распросилъ человѣка, но ни одна изъ нихъ по его описанію не походила на ту, которая остановила меня на набережной.

Онъ только повторялъ: такія обѣ изъ себя видныя и одной должно быть эдакъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, солидная, одѣта такъ, вся въ черномъ... А другая моло-денькая еще и горе у нее должно быть какое, вся въ слезахъ...

Я ничего не понималъ—что это за нашествіе дамъ на меня?...

Утромъ, только что я проснулся, не было еще и десяти часовъ,—звонокъ.

— Барыня эта опять, вчерашняя, которая постарше, сказалъ мнѣ человѣкъ.

Я наскоро одѣлся и вышелъ къ ней.

Въ гостиной у меня сидѣла вся въ черномъ полная дама, брюнетка лѣтъ подъ пятьдесятъ: „огненные“ глаза, широкія ноздри, по угламъ рта не усики, а настоящіе почти усы; на бородѣ и на нижней части лѣвой щеки родинки съ волосами.

Я ее никогда не видывалъ и невольно пріостановился, всматриваясь ей въ лицо.

— М-г такой-то? проговорила она, холодно, дѣланно улыбаясь.

— Да-съ. Что прикажете?

— Я ужъ у васъ была вчера... продолжала она все съ той же холодной, злой улыбкой: — я могу надѣяться, что мы здѣсь одни?

Я посмотрѣлъ на нее.

— Одни, сказалъ я.

— Это дѣло близко касается васъ... хотя конечно, добавила она раздраженно, нервно пожимаясь—конечно и меня... Ужъ изъ того, что вы видите меня здѣсь у себя, у неизвѣстнаго мнѣ мужчины... въ эдакій часъ... вы можете себѣ представить...

— Ваша фамилія, сударыня? спросилъ я.

— Еще и фамилію вы хотите знать! почти воскликнула она.

— Да какъ же вы хотите, чтобы я говорилъ съ вами по какому-то дѣлу и не хотите даже сказать фамиліи своей?

Она остановилась немного, посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и сказала:

— Княгиня Тильдѣева... И тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, скоро-скоро заговорила, путая и перебивая сама себя: — позвольте, по крайней мѣрѣ... я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что я имѣю дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ... что для васъ священны имена матери, жены... Я надѣюсь, что самое даже несчастіе мое — я не могу иначе назвать этого увлеченія, какъ несчастіемъ, — что самое даже мое несчастіе обязываетъ васъ быть скромнымъ... И все, что мы будемъ говорить здѣсь, останется между нами?..

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Позвольте мнѣ воды... Я не знаю, что со мной дѣлается... проговорила она.

Она прикладывала руки то къ шеѣ, то къ своему высокому, широкому и полному бюсту, туго затянутому въ черное шелковой матеріи платье.

Я поспѣшилъ за водой и принесъ ей стаканъ.

Я все еще не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Благодарю васъ... вотъ такъ... теперь мнѣ легче...

— Вѣдь вы, вдругъ заговорила она: — конечно знаете этотъ несчастный эпизодъ со мной... „Онъ" говорилъ мнѣ, что во всемъ признался вамъ и все разсказалъ...

— Вы про кого это говорите! „онъ"? Про Жоржа, что-ли? спросилъ я.

Мнѣ почему-то, глядя на нее теперь, вдругъ пришелъ онъ въ голову и я былъ почти увѣренъ, что это она говоритъ именно объ немъ, а не о комъ другомъ.

— Да, отвѣтила она. „Онъ" мнѣ сказалъ, что во всемъ вамъ признался...

Я смотрѣлъ ей въ лицо, на ея усы, родинки съ кустами курчавыхъ волосъ, на смуглыя, ужъ дряблыя щеки, на которыхъ видны были полосы плохо стертой пудры, на неестественно ярко-пунцовыя губы, на дѣтски розоваго цвѣта уши и думалъ: „Старая ты дура“: „покупала эдакаго болвана“...

— Что же вамъ угодно? проговорилъ я.

— Я вамъ уже сказала: я жена и я мать...

— Вы хотите, чтобы я не говорилъ никому объ этомъ? Но я и не зналъ до сихъ поръ вашей фамиліи. Онъ мнѣ сказалъ только, что деньги, которыя я у него увидалъ и кольцо подарены ему „дамами“, но какими — я его не спрашивалъ, онъ тоже не говорилъ.

— Я жена, повторила она: мой мужъ больной старикъ и это бы еще... Но я мать: мой сынъ этой осенью поступаетъ вольноопредѣляющимся въ тотъ же полкъ... онъ будетъ товарищемъ его...

Я пожалъ плечами:

— Что жъ тутъ я могу сдѣлать?

— Я перервала эту связь, продолжала она... Но у него мои письма, записки мои есть.

— И онъ вамъ ихъ не отдаетъ?

— Я не знаю, гдѣ онъ.

— Изволите видѣть, сказалъ я, съ того дня, какъ я узналъ, откуда у него деньги, я не велѣлъ его пускать къ себѣ и написалъ его отцу, что я снимаю съ себя всякую отвѣтственность за него передъ нимъ. И теперь я самъ не знаю, гдѣ онъ.

— Онъ въ деревнѣ. Я посылала узнать въ полкъ и тамъ сказали, что онъ отпущенъ...

— Не знаю. Я не знаю даже, заходилъ ли онъ послѣ того ко мнѣ. Во всякомъ случаѣ, мои отношенія съ нимъ совершенно кончены и навсегда.

— Вы отказываетесь, значитъ, помочь мнѣ... получить обратно мои письма отъ него.

— Я молча пожалъ плечами.

— Но вы можете же написать отцу его объ этомъ.

— Вы сдѣлайте вотъ что: вы лучше ужъ дождитесь его, когда онъ пріѣдетъ: съ нимъ самимъ переговорите... Онъ глупъ... Онъ эти мерзости дѣлалъ безсознательно... бралъ съ васъ деньги...

— Я ему сама давала... Я видѣла, что это его утѣшаетъ—коляски, лихачи, ужины съ товарищами... Мнѣ казалось все, что у него мало денегъ...

— Такъ вотъ переговорите съ нимъ, когда онъ пріѣдетъ... Можетъ это все кончится еще и благополучно.

— Но если онъ не согласится?... Вы мнѣ посовѣтуйте, помогите мнѣ... Спасите меня, наконецъ!... Изъ увлеченія... изъ каприза... изъ шалости...

Ея крашеныя губы, дряблыя щеки распустились въ плаксивую гримасу, глаза часто, часто заморгали и она поднесла къ нимъ своей старческой, но все еще красивой, рукой маленькій кружевной платокъ.

— Я не знаю, что же теперь сдѣлаешь? Одно— ждать его, повторилъ я.

— Вѣдь это вѣчно быть подъ страхомъ! всхлипывая говорила она. Писать къ нему, просить, чтобы онъ возвратилъ мнѣ мои письма?... Это будетъ только но-

вое доказательство у него въ рукахъ... Онъ можетъ ничего не отвѣтить мнѣ... Когда еще онъ пріѣдетъ!... И опять: помогите же мнѣ, посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать...

— Чтожъ я могу!?... Я сказалъ ужъ вамъ.

— Ну, а если онъ долго еще не пріѣдетъ?

— Не знаю.

— А если онъ совсѣмъ не пріѣдетъ?

— Тѣмъ лучше. Тогда чтожъ вамъ?

Мнѣ наконецъ надоѣдать это стало. Я не зналъ какъ ее выпроводить.

— Ждать. Мой совѣтъ вамъ, ждать его, сказалъ я еще разъ. Пошлите въ полкъ узнать, когда онъ долженъ вернуться? Тамъ должны знать.

Она умоляюще посмотрѣла на меня:

— А вы не можете этого узнать?.... Горничную, которая это все знала, я отпустила... Я не могла ее держать дольше... Новую посвящать?... Вы войдите въ мое положеніе...

— Хорошо-съ, сказалъ я, я узнаю... пошлю узнать и извѣщу васъ.

Я всталъ. Она тоже поднялась съ своего мѣста. Опять повторила, что она надѣется, увѣрена и проч., что „этотъ весь эпизодъ, вся эта исторія" останутся никому неизвѣстными, кромѣ ея и меня:

— Ахъ, m-er Т., что я перенесла, сказала опять она, впадая вдругъ въ слащавый тонъ. Ахъ, если бы вы знали.

Я стоялъ и молчалъ, думая только: когда бы она наконецъ ушла отъ меня.

Въ передней она, я видѣлъ, сунула что-то моему человѣку въ руку, когда онъ ей подавалъ какую-то накидку и любезно обращаясь ко мнѣ сказала:

— Такъ я послѣ завтра заѣду къ вамъ... узнать.

Я поклонился ей.

— Степанъ, вотъ что: дойди въ полкъ***, узнай, до какихъ поръ отпущенъ Егоръ Васильевичъ. А когда эта барыня опять пріѣдетъ,—скажешь ей.

— Вчера пять рублей дала и сейчасъ вотъ опять, смѣялся лакей. Это должно быть ея горничная - то къ намъ все бѣгала...

Въ три часа я поѣхалъ на Кирочную по адресу, который мнѣ дала вчера на Гагаринской набережной г-жа К., такъ загадочно таинственно остановившая меня во время прогулки.

— Дома, принимаютъ-съ, сказалъ мнѣ швейцаръ.

— Дома, пожалуйте, сказалъ мнѣ въ квартирѣ лакей.

Я вошелъ въ просторный залъ-гостиную. Отдавало чѣмъ-то холоднымъ, не жилымъ. Минутъ черезъ пять ко мнѣ вышла та дама, которую я встрѣтилъ вчера на набережной.

— Мы здѣсь одни, сказала она, и можемъ говорить совершенно свободно. Пойдемте сюда, ко мнѣ.

Она пошла впередъ, я за ней. Мы пришли въ комнату что-то въ родѣ будуара или кабинета. Уютная будуарная мебель, письменный столикъ, весь уставленный фарфоровыми письменными принадлежностями, длинная кушетка, послѣднія книжки журналовъ, двѣ три газеты, большой, въ золоченой ризѣ образъ въ углу; подъ

образомъ, въ углу же, столикъ, на немъ книги въ старинныхъ коженныхъ переплетахъ; рядомъ, на окнѣ, бюстъ Вольтера изъ терра-коты и статуэтка голой женщины съ закинутыми назадъ руками. По всѣмъ угламъ пепельницы и на нихъ окурки папиросъ и сигаръ—чортъ знаетъ, что за комната.

— Пожалуйста, сказала она, указывая мнѣ на кресло у письменнаго стола и сѣла сама спиной къ свѣту, тутъ же не далеко.

Я сѣлъ и приготовился ее слушать.

— Вы допускаете къ женщинѣ увлеченіе? сказала она.

— Конечно.

— Я могу разсчитывать, что этотъ разговоръ останется между нами?

— Можете.

— Какъ вы назовете, если женщина увлеклась... Ну... хоть по капризу, изъ шалости?

— Шалуньей—такъ ее и назову.

— Нѣтъ, я васъ серьезно спрашиваю.

— Да какъ же серьезно, когда вы говорите: изъ шалости?

— Ну, я не такъ можетъ выразилась... Ну, однимъ словомъ, если она легкомысленно отдалась... Необдуманно?

— Вы меня извините, это исторія съ Жоржемъ? сказалъ я.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Вы почемъ знаете? Онъ вамъ говорилъ?

— Нѣтъ „онъ“ мнѣ ничего не говорилъ, но вы ужъ вторая сегодня и вечеромъ сегодня же вѣроятно ко мнѣ пріѣдетъ третья...

Она презрительно усмѣхнулась.

— Если по этому дѣлу, сказалъ я вставая, то я тутъ ничего не могу сдѣлать. Я съ нимъ всѣ отношенія кончилъ.

Она этого видимо не ожидала и начала просить, чтобы я сѣлъ опять.

— Погодите пять минутъ...

Я сѣлъ и ждалъ что она скажетъ.

— Вы какъ же кончили съ нимъ отношенія? проговорила она.

— Не велѣлъ его принимать.

— Но если бы вы... если бы къ вамъ обратилась порядочная женщина, которая... которую онъ увлекъ...

— Я бы не впутался въ эту исторію, сказалъ я.

— Да?

— Да.

— Почему?

— Потому, что я такихъ увлеченій Жоржемъ со стороны порядочныхъ женщинъ не допускаю. Жоржъ—дуракъ, олухъ, животное, ничего. Тутъ нѣтъ мѣста для того, что мы называемъ увлеченіемъ и нѣтъ мѣста для женщины, которую мы называемъ порядочной женщиной.

— Позвольте... Но если эта женщина... я не о себѣ говорю... если эта женщина—она не монахиня, она была замужемъ... Но если она почему нибудь не хочетъ связывать свою жизнь второй разъ замужествомъ?..

— Я не знаю, какое же мнѣ-то дѣло? Мнѣ-то зачѣмъ разбираться въ этомъ ея положеніи?

— Но если она проситъ вашего совѣта...

— Въ чемъ?

— Какъ ей поступить, если она обманута?

— Ей? повторилъ я.—Бросить все и заняться дѣломъ. Она молчала. Я посидѣлъ около минуты и всталъ.

— Погодите... Онъ вернется?

— Не знаю...

— Онъ мнѣ говорилъ, что это отъ васъ зависитъ.

— Отъ меня? удивился я... Отъ меня-то это какимъ же образомъ?

— Вы настаиваете, чтобы отецъ взялъ его изъ полка.

— Я просто не велѣлъ его принимать и написалъ его отцу, чтобы онъ избавилъ меня отъ него и только; мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ онъ, въ какомъ полку...

— Вотъ видите, помолчавъ немного и задумчиво начала она:—если его воспитаніемъ заняться—онъ сирота—если взять его въ руки... пріучить его къ порядочной жизни... Образовать его сколько нибудь—онъ совершенный дикарь—приласкать его, открыть для него этотъ новый...

Она искала выраженія.

— Я то тутъ все-таки не при чемъ? Лично я не могу только допускать, чтобы подобный господинъ жилъ у меня, бывалъ у меня. А кто хочетъ перевоспитывать его, заниматься имъ, мнѣ какое дѣло?—я никому не мѣшаю.

— Онъ тутъ сдѣлалъ одну маленькую неловкость... Ну, да это пустяки... Это все пустяки... не въ этомъ дѣло... Вы не будете противодѣйствовать его возвращенію?

— Да ужъ сказалъ я вамъ, что не буду.

— Еще одинъ вопросъ: ну, это, конечно, вамъ можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ съ моей стороны... слишкомъ самонадѣяннымъ... но если бы я достигла, если бы вы увидѣли и убѣдились сами... что... что онъ переродился, такъ сказать, къ лучшему?...

Мнѣ было смѣшно и она это замѣтила.

— Ну—все равно—нелѣпость это, глупость, фантазія моя, но если бы вы сами потомъ убѣдились?..

— Осьмое чудо бы вы совершили.

— Нѣтъ, а вы примирились бы съ нимъ? Простили бы ему?..

— Отчего же, съ удовольствіемъ...

— Вотъ видите, начала она было и запнулась.— У него неиспорченная натура, но дикая. Изъ него можно сдѣлать человѣка... въ нашемъ смыслѣ слова, какъ мы его понимаемъ!.. Вѣдь это одно и тоже: сколько мы знаемъ примѣровъ: развитые, образованные люди женились на самыхъ невоспитанныхъ, пустыхъ, неграмотныхъ даже дѣвушкахъ и...

— И никогда почти изъ этого ничего путнаго не выходило, сказалъ я.

— Отчего?

— Много причинъ. Это долго разсказывать.

— Мнѣ, кажется, вотъ это отчего происходило: мужчина слишкомъ занятъ дѣлами, эгоистъ слишкомъ и нетерпѣливъ. Женщины эту задачу скорѣй могутъ исполнить и разрѣшить удачнѣе.

— Я знаю и эдакіе опыты—у нихъ выходило толку еще меньше. Я знаю нѣсколькихъ барынь, которыя вы-

ходили даже замужъ за своихъ кучеровъ и лакеевъ и... они потомъ ихъ били только, таскали за косы и пьянствовали...

— Но ужь вы какой же примѣръ берете!

— Такой же точно — дикари. То „дикарки“, то „дикари“...

Она смотрѣла на меня какими-то странными не то сонными, не то блаженными глазами и, выслушавъ меня, сказала:

— Я много читала—она посмотрѣла на разбросанныя по кресламъ книжки журналовъ—но я не встрѣтила что-то ни одного романа, гдѣ бы выставлялась любовь образованной, развитой женщины къ дикарю мужчинѣ... Я хочу попробовать написать именно такой романъ... знаете, гдѣ бы эта борьба, это вліяніе женщины постепенно укрощало бы его, смягчало...

— Благодарная тема, сказалъ я.

— Нѣтъ, серьезно?

— Серьезно, благодарная тема.

— Вы смѣетесь.

— Только я бы вамъ не совѣтывалъ пробовать ее, дѣлать этихъ испытаній въ жизни... это все очень можетъ быть хорошо на бумагѣ, но въ жизни это иногда, охъ, какъ дорого обходится...

— А я все-таки попробую... я сдѣлаю еще нѣсколько испытаній... Скучно, знаете, все вѣдь одно и тоже, одно и тоже... И въ основѣ никакой мысли, никакой идеи... Для меня чувство безъ идеи немыслимо. Оно непремѣнно должно преслѣдовать какую-нибудь идею.

У насъ нѣтъ политической жизни... Но если бы она была, я бы, мнѣ кажется...

— Ну-съ, а пока я имѣю честь вамъ кланяться, сказалъ я, вставая и собираясь уходить.

— Такъ вы намъ, еще разъ, даете слово, не будете мѣшать? спросила она.

— Даю. Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно.

Меня однако заинтересовало—чѣмъ это могъ эдакій дуракъ, какъ Жоржъ, такъ перепутать столько барынь нашихъ: — „Ну, молодость, свѣжесть, разсуждалъ я, а дальше-то что-жъ?“ И дальше я не находилъ ничего, рѣшительно ничего въ объясненіе... Праздность, пресыщеніе?.. Но пресыщеніе и Жоржъ—двѣ вещи, сколько мнѣ извѣстно, сколько удавалось мнѣ наблюдать, несовмѣстимыя: для этого существуютъ у нашихъ дамъ всѣ вотъ эти давленыши съ моноклями, съ испитыми лицами, въ штанахъ въ обтяжку, на тоненькихъ ножкахъ, всѣ однимъ словомъ „эти“, про которыхъ еще Некрасовъ сказалъ:

....Стаканомъ можно каждаго споить,
И каждаго не трудно удавить
На узкой ленточкѣ, которой онъ повязанъ“...

Вотъ типъ для этихъ пресыщенныхъ и скучающихъ барынь, а не Жоржъ. Какой же онъ имъ подходящій!..

III.

Черезъ нѣсколько дней я сидѣлъ въ театрѣ. Не далеко отъ меня, въ бенуарѣ, сидѣли двѣ дамы и одна изъ нихъ мнѣ показалась что-то какъ будто знакомой. Но я близорукъ и чтобы убѣдиться не ошибаюсь ли, въ антрактѣ прошелъ нарочно мимо ложъ. „Она", та, первая, которая явилась ко мнѣ, съ усами и крашенными старческими щеками. Я быстро отвернулся и прошелъ какъ будто и не замѣтилъ ее. Въ буфетѣ я встрѣтилъ одного знакомаго офицера, который вездѣ бываетъ и всѣхъ знаетъ. Съ нимъ стояло еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ и они о чемъ-то говорили и смѣялись.

— Ты знаешь, сказалъ мой знакомый одному изъ разговаривавшихъ съ нимъ, я замѣтилъ, онъ туда тоже на эти прогулки ходитъ...

— Да-а?..

— Я его по крайней мѣрѣ видѣлъ тамъ. Знаешь, отъ угла казармъ налѣво, тамъ по...

Онъ назвалъ улицу. Я ничего не понималъ, про что они говорятъ, про какія такія прогулки. Мой пріятель разсмѣялся и сказалъ мнѣ:

— А вы вотъ, я увѣренъ, не знаете этого мѣста, т. е. не знаете, что на этомъ мѣстѣ за прогулки бываютъ по вечерамъ.

— Нѣтъ, а что?

— Любопытная вещь.

— Да что такое?

— А то, что... Тамъ бываетъ сближеніе сословій... Вы видите иногда, идетъ по тротуару простой солдатъ, вдругъ останавливается карета, солдатъ оглядывается, подходитъ, отворяетъ дверку и исчезаетъ въ каретѣ. Карета куда-то мчится. Или и такъ бываетъ: вы вдругъ видите закутанную всю въ черномъ даму, которая торопливо идетъ по тротуару, а гдѣ нибудь на углу дожидается извозчичья карета. Если вы прослѣдите эту даму, тоже навѣрно увидите трогательную сцену.

— Нда... это „сближеніе сословій"?... Мнѣ стали нѣкоторыя мои недоумѣнія относительно Жоржа теперь выясняться. А когда это можно видѣть, когда это удобнѣе наблюдать?

— Да когда хотите.

— И днемъ и вечеромъ?

— Мм., днемъ меньше, остерегаются... Но и днемъ.

— Я завтра поѣду, сказалъ я. Это прелюбопытно.

— Пріѣзжайте обѣдать, сказалъ мой пріятель, — я не далеко тамъ живу, пообѣдаемъ и пойдемъ — прелюбопытная штука. А ужъ особенно теперь: весна, пробужденіе природы... Всѣ старушки даже пробуждаются...

Я видѣлъ во французскихъ и нѣмецкихъ сатирическихъ листкахъ рисунки и каррикатуры, какъ солдаты гуляютъ съ мамками и нянками въ скверахъ, а дѣти все это время орутъ и дурачатся. Но это обыкновенное явленіе, это все одного, такъ сказать, уровня люди, одного положенія; здѣсь же совсѣмъ новое было для меня явленіе—„сближеніе сословій"... Завтра, я рѣшилъ, не-

премѣнно поѣхать и посмотрѣть хоть одинъ случай похищенія „дикаря“ барыней „культурнаго слоя“...

Изъ театра я поѣхалъ куда-то ужинать, такъ что домой я попалъ никакъ не ранѣе двухъ или трехъ часовъ ночи.

— Егоръ Васильевичъ съ этой дамой у насъ, сказалъ мнѣ въ передней человѣкъ.

Я невольно остановился: когда же это кончится?

— Зачѣмъ же ты его пускалъ? Вѣдь я сказалъ не принимать его.

— Да они, говорятъ, письмо привезли отъ дяденьки... И дама эта просятся, чтобы ихъ пустили.

— Какая дама?

— А какая вотъ съ ними пріѣхали... Намедни что была. Вы ее не видали еще... Она обѣщала тогда пріѣхать, да такъ и не пріѣхала тогда. Молоденькая...

— Гдѣ же они?

— Въ гостиной.

Я прошелъ къ нимъ. Въ „гостиной“, маленькой комнатѣ, освѣщенной лампой со стѣны, стоялъ Жоржъ, огромный дѣтина, чуть-чуть головой не касаясь этой лампы, и держалъ наготовѣ въ рукахъ письмо. Лицо испуганно-глупое, весь затянутый, въ перехватахъ: мундиръ въ обтяжку, штаны въ обтяжку, перепоясанъ какими-то ремнями...

Сзади его, нѣсколько въ сторонѣ, въ скромной, немного дѣланной позѣ стояла молодая, стройная, изящная женщина вся въ черномъ.

Я обратился прямо къ ней и просилъ ее садиться.

Потомъ взялъ письмо отъ Жоржа. Онъ какъ-то зычно каплянулъ, поднеся руку ко рту и переступивъ съ ноги на ногу.

„Не могу достаточно найдти словъ, писалъ дядя, чтобы благодарить тебя за твое попеченіе о Жоржѣ, а также и выразить тебѣ мое огорченіе, которое я перенесъ читая твое письмо объ немъ. Но спрашиваю я самъ себя: лучше ли будетъ, если мы будемъ дальше противиться его желаніямъ и откажемъ ему вступить въ бракъ съ особой, по его словамъ во всѣхъ отношеніяхъ достойной и кромѣ того имѣющей обезпеченіе, вполнѣ достаточное для приличнаго содержанія его на службѣ въ обществѣ блестящаго и богатаго товарищества, особенно когда онъ будетъ находиться въ офицерскихъ чинахъ? Не буду, мой другъ, спорить съ тобой, что возрастъ его еще ранній и по настоящему вступать въ бракъ ему еще рано; но могу ли я, какъ отецъ, положа руку на сердце, противиться его счастью и гнать его отъ него прочь? Разстроенное здоровье мое и преклонный уже возрастъ мой къ тому же едвали позволятъ мнѣ, какъ того хотѣлось бы, самому руководить его карьерой; ты же, мой другъ, какъ видно это изъ письма твоего, отказываешься отъ этого. Что же его ожидаетъ? Въ то время, когда предоставленный самому себѣ, онъ такимъ образомъ, можетъ, по неопытности и по малому знанію жизни, надѣлать ошибокъ, которыя впослѣдствіи могутъ быть гибельны для его карьеры,—съ женитьбой на богатой и достойной особѣ онъ пріобрѣтаетъ и друга, который его привяжетъ къ себѣ, и связи, безъ которыхъ, нельзя не

согласиться съ этимъ, въ наше время трудно достичь чего-либо молодому человѣку... Поэтому одна у меня, мой другъ, къ тебѣ просьба—такъ какъ къ кому же я могу еще обратиться?—узнай хорошенько, что эта за особа, которая такъ великодушно соглашается отдать свою руку Жоржу и въ самомъ ли дѣлѣ она обладаетъ такимъ состояніемъ, какъ увѣряетъ онъ. По неопытности и малому знанію людей онъ можетъ быть вовлеченъ въ обманъ и это гибельно отразится на его карьерѣ. Прости твоему старику, что онъ"... и т. д., и т. д.

„Карьера", „карьера" и „карьера"... Все о „карьерѣ" и ничего больше:—„Ну, твое дѣло, голубчикъ", подумалъ я и спросилъ:

— Вы это письмо, конечно, читали Жоржъ?

Онъ опять кашлянулъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, я не читалъ.

— Ну, все равно, знаете его содержаніе? Знаете въ чемъ оно заключается?

— Насчетъ женитьбы...

— Ну, да.

— Знаю-съ...

Я вашему батюшкѣ вѣдь не объ этомъ писалъ, сказалъ я. Я ему писалъ о томъ, что вы получаете подарки и даже деньги отъ женщинъ. Послѣ вашего отвѣта, нѣкоторыя изъ нихъ были у меня.

Онъ стоялъ совершенно истуканомъ.

— Что же я долженъ теперь сдѣлать? спросилъ я его.

— Написать... проговорилъ онъ, наконецъ.

— Т. е., чтоже написать?

— Что вотъ... Онъ запнулся, но потомъ вдругъ, точно вспомнилъ урокъ, который выучилъ наизусть, заговорилъ, глупо улыбаясь и все косясь и поворачиваясь въ сторону, гдѣ сидѣла молодая женщина:—Что вотъ и я, и она являлись къ вамъ и вы сами знаете, что у нея домъ на Гагаринской и потомъ имѣнія въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ, что она согласна на бракъ... А этой она за меня все заплатитъ...

При послѣднемъ словѣ онъ совсѣмъ обернулся въ сторону ея и замолчалъ.

— Кто это, про кого вы говорите: „эта", „этой"? „Эта" заплатитъ „этой". Я ничего не понимаю сказалъ я.

— А эти деньги вотъ, которыя я тогда отъ той то получалъ... сказалъ Жоржъ, по прежнему глупо и безстыже какъ-то улыбаясь.

Молодая женщина, сидѣвшая все время въ креслѣ и слушавшая насъ, подперши голову двумя пальцами, сдѣлала нетерпѣливое движеніе и сказала:

— Я заплачу той старухѣ, княгинѣ, которая ссужала деньги и брала за это съ него векселя. Жоржъ завтра привезетъ ихъ вамъ.

— Зачѣмъ же мнѣ-то они нужны?

— Чтобы вы видѣли сами и убѣдились.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что она не дарила ему деньги, а брала за нихъ векселя.

— Ни на что мнѣ этого не нужно, сказалъ я и за

тѣмъ спросилъ: Это вы та женщина, которая хочетъ выйти за него—я указалъ головой на Жоржа—замужъ.

— Да, я.

— Стало быть вы его знаете? Вамъ все извѣстно? Мнѣ то зачѣмъ это все надо теперь?.. Вы, конечно, знаете содержаніе этого письма—я показалъ ей на письмо, которое держалъ въ рукахъ—его отецъ въ немъ пишетъ мнѣ, чтобы я узналъ, въ самомъ ли дѣлѣ у васъ есть домъ на Гагаринской и имѣнія гдѣ-то тамъ, въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ. Онъ, повидимому, смотритъ такъ же на это, какъ и его сынъ, вотъ Жоржъ—такъ что же послѣ этого мнѣ!?.. Нѣтъ-съ, вы ужъ увольте меня, пожалуйста, отъ всего этого.

— Но, Боже мой, что же я стану дѣлать! воскликнула она.

Я пожалъ плечами:

— Во всякомъ случаѣ, я-то тутъ не при чемъ.

— Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это все прилично, тихо, безъ исторій, безъ огласки... опять начала она.

— Никто вамъ и не будетъ мѣшать, сказалъ я.

— Какъ никто! Помилуйте!..

— Т. е. я, по крайней мѣрѣ, про себя говорю. Я не буду вамъ мѣшать, въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Тогда она начала говорить, что она—называйте это какъ знаете, ну, несчастіемъ, глупостью, ну какъ хотите—встрѣтясь случайно, на улицѣ съ Жоржемъ, почувствовала вдругъ такую необъяснимую къ нему страсть, что рѣшилась, закрывши глаза, на все. Разсудкомъ она

знаетъ, понимаетъ отлично, что изъ этого можетъ быть ничего не выйдетъ кромѣ глупости, но,—что дѣлать!—она не можетъ пересилить себя, не можетъ разсудкомъ побѣдить въ себѣ этого чувства...

Жоржъ по прежнему улыбался. Я нѣсколько разъ взглядывалъ на нее во время этого горячаго ея признанія и видно было, что ей тяжело признаваться во всемъ этомъ мнѣ, постороннему человѣку, что ей большихъ усилій стоило рѣшиться на эти признанія, что они вызваны у нея увѣренностью въ ихъ необходимости, что безъ этого она не достигнетъ цѣли.... А онъ, какъ истуканъ совсѣмъ, ему, мнѣ казалось, даже пріятно было это слушать: „Каковъ дескать я?

Она потомъ начала говорить, что ей теперь все равно, конечно, она ужъ пожертвовала для него всѣмъ, что есть самаго дорогого у женщины, что всѣ ужъ знаютъ объ ихъ отношеніяхъ, но по крайней мѣрѣ ей хотѣлось бѣ поскорѣе покончить съ этимъ фальшивымъ положеніемъ.

Мнѣ жалко ее было и я сказалъ:

— Позвольте, да кто же вамъ мѣшаетъ?

— Какъ кто? Да вѣдь еще разводъ прежде нужно...

Я такъ и ахнулъ.

— Вы развѣ замужемъ?

— Я не живу съ мужемъ, но это все равно. Я не могу же выйти за него—она подняла глаза на Жоржа—замужъ, не разведяся прежде съ моимъ мужемъ. Это ужасная исторія, ужасная процедура...

— Братецъ, вдругъ сказалъ Жоржъ—позвольте мнѣ называть васъ этимъ именемъ?

Я обернулся къ нему:—Что, вы хотите сказать мнѣ что нибудь?

— „Онъ“ проситъ за разводъ сто тысячъ и чтобы вина не его была, проговорилъ Жоржъ, и что-то хотѣлъ еще сказать, но она не дала ему докончить и воскликнула:

— Ахъ Боже мой, развѣ объ этомъ? Я все ему готова отдать, но эта процедура, что за письма онъ мнѣ пишетъ, грозитъ мнѣ...

— Это-то что!.. сказалъ Жоржъ. Что онъ можетъ сдѣлать? Попробуй, покажись-ка онъ только... И расхохотался, и такъ громко, и такъ глупо.

Сцена была непріятная, даже тяжелая для меня, но онъ такъ глупо расмѣялся, что я едва удержался, чтобы не улыбнуться. Онъ должно быть замѣтилъ это и продолжалъ.

— Двухъ солдатъ если взять, такъ „его“ можно такъ...

Она замахала рукой.

— Ахъ, нѣтъ, этого еще недоставало!.. Господи, все ужасы какіе: этого разнести, этого искалѣчить...

— Да что же съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ? Онъ будетъ...

— Нѣтъ, оставьте, перебила она его.

— Вотъ что... ваше имя и отчество? спросилъ я.

— Лизавета Михайловна.

— Вотъ что, Лизавета Михайловна. По моему, не спѣшите, сказалъ я. Вы говорите, что всѣ уже знаютъ, стало быть большаго вамъ нечего ужъ бояться, ничего

худшаго въ этомъ положеніи для васъ ужъ не можетъ быть--повремените, посмотрите, узнайте въ это время лучше другъ друга, можетъ эта страсть у васъ пройдетъ.

— Ахъ, какъ вы легко судите! воскликнула она.

Жоржъ кашлянулъ въ это время и хотѣлъ что-то сказать, такъ что я приготовился было его слушать, но онъ ничего не сказалъ.

— И вы, Жоржъ, тоже подумайте, сказалъ я ему.

— Я ужъ сказалъ.

— Что вы сказали?

— Я не могу ждать...

И вдругъ на этомъ розовомъ, кругломъ, глупомъ лицѣ выразилось столько злобы и рѣшительности, что я даже никакъ не ожидалъ отъ него. Я невольно уставился и смотрѣлъ на него.

— Что жъ тянуть? Пока это—разводъ, вся эта исторія... Что нибудь ужъ одно... говорилъ онъ, входя въ роль и начиная вдругъ занимать какое-то положеніе.

Я замѣтилъ, она смотрѣла на него и какъ будто съ боязнью, что вотъ-вотъ еще одна, двѣ такихъ фразы и она можетъ потерять его, лишиться этого сокровища...

Я вотъ что, Жоржъ, долженъ вамъ сказать, началъ я:—женитесь вы, пойдутъ за васъ замужъ или нѣтъ—это дѣло ваше, но, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы предварительно свести счеты и покончить ихъ съ другими еще женщинами, съ которыми вы состоите или, еще очень недавно состояли въ связи... Вотъ эта старуха княгиня жалуется, что вы не возвращаете ей ея писемъ къ вамъ...

— А она пускай мнѣ векселя возвратитъ! живо воскликнулъ онъ.

— Все, все это я завтра же кончу, замахала руками несчастная женщина.—Все я заплачу. И той, что въ Кирочной живетъ, я все знаю. Это ужасъ!...

— Ну, если вы все знаете и все-таки... Я не договорилъ: „идете или хотите идти замужъ за эдакаго господина“—что-жъ мнѣ остается?..

Я всталъ. Она тоже встала подавленная, усталая, съ какимъ-то страннымъ, разсѣяннымъ взглядомъ въ большихъ, красивыхъ, но, мнѣ показалось, точно полоумныхъ глазахъ.

— Подумайте, повторилъ я еще разъ.

Она ничего не отвѣтила.

Жоржъ стоялъ съ недовольной миной, нервно—если только можно такъ про него выразиться—переступая съ ноги на ногу и звякая при этомъ шпорами. Прощаясь, я взялъ ея руку: она была холодна, какъ у мертвой. Въ передней Жоржъ съ ловкостью настоящаго военнаго подалъ ей ея верхнее платье, зонтикъ, ловко накинулъ себѣ на плечи юнкерскую шинель и нетерпѣливо дожидался, пока она застегивалась.

— Прощайте, проговорила она.

Я еще разъ пожалъ ея руку.

— Такъ какъ же-съ... насчетъ?.. заговорилъ Жоржъ.

— Насчетъ чего?

— Папашѣ напишете?

— Нѣтъ съ, ужъ вы меня увольте, пожалуйста...

Онъ звякнулъ шпорами, откланиваясь мнѣ, и со

всѣмъ шикомъ казарменной молодцоватости вышелъ въ дверь.

— Никогда и не подъ какимъ предлогомъ не принимай его, сказалъ я лакею.

— Да вѣдь просятся, отъ дяденьки, говоритъ, письмо... И барыня эта съ ними тоже...

Я прошелъ къ себѣ, легъ спать и долго думалъ опять и объ этой барынѣ. Что это за чувство? Чисто физическое, животное? Но неужели онъ въ такой степени вызываетъ его у женщинъ? И потомъ, неужели чисто физическое, животное чувство можетъ ужъ быть такъ сильно?.. Но что же другое, если не это? Какое же другое чувство онъ можетъ внушить—этотъ откормленный, затянутый въ форму болванъ?.. Удивительная исторія. Я въ первый разъ встрѣчался съ женщинами этого сорта и ничего не могъ тутъ понять,—что ихъ притягиваетъ къ нему, чѣмъ онъ ихъ такъ очаровываетъ, отчего онѣ такъ оболдѣваютъ передъ нимъ?..

IV.

На другой день я обѣдалъ у моего знакомаго, тамъ было еще трое, кромѣ меня, и мы всѣ, какъ стемнѣло, пошли въ ту улицу, идущую около сада, гдѣ происходятъ эти встрѣчи „сближающихся сословій“. Было холодно, дулъ сухой, пронзительный вѣтеръ. Улица была совсѣмъ пуста и, повидимому, вовсе неудобна нисколько для такихъ цѣлей. Вдали фонарщики зажигали фонари и огоньки одинъ за другимъ вспыхивали, хотя сколько-нибудь оживляя скучную, сѣрую, холодную картину.

— Да никого нѣтъ тутъ, сказалъ я.

— Погодите. Надо подождать. Вы ужъ хотите такъ сразу. Вѣдь не десятками же онѣ сюда пріѣзжеютъ.

Мы прошли почти всю улицу и намъ попался одинъ или два какихъ-то мастеровыхъ—и только.

— Ну, видите: вѣдь это тоже болтаютъ такъ иногда, сказалъ еще кто-то изъ насъ.

— Нѣтъ, я самъ видѣлъ, стоялъ на своемъ мой знакомый.

Мы дошли до угла, гдѣ эта улица кончается и начинается ужъ пустырь или площадь. На площади въ кучкѣ бѣгало нѣсколько собакъ. Стояли лужи грязи. Издали гдѣ-то слышалась гармоника.

— Ну, что-жъ, назадъ теперь?

— Пойдемте назадъ.

Въ это время вдругъ вдали, на томъ концѣ улицы, съ котораго мы начали нашу экскурсію, послышался стукъ колесъ кареты. Мы невольно всѣ переглянулись и разсмѣялись:

— Неужели?

— Погодите, ужъ увидимъ, увѣренно говорилъ мой знакомый.—По крайней мѣрѣ, я разъ пять сюда приходилъ и всякій разъ видѣлъ,—одну-двѣ пары, но ужъ видѣлъ.

— Пойдемте же на встрѣчу.

— А если она сюда ѣдетъ, карета?

Стукъ колесъ въ это время вдругъ замолкъ впереди. Карета, очевидно, подъѣхала къ какому-нибудь подъѣзду и остановилась.

— Пойдемте, вы слышите, она остановилась, мы ничего не увидимъ, торопилъ всѣхъ одинъ изъ насъ.

Мы пошли. Въ темной, безлюдной почти улицѣ съ рѣдко разставленными фонарями, вдали посрединѣ ея что-то темнѣло.

— Вонъ видите? сказалъ мой знакомый:—Видите карету? Посреди улицы стоитъ?

Мы ускорили шаги. Карета шагомъ, съ ноги на ногу тащилась намъ на встрѣчу.

— Смотрите впередъ... по тротуару... Видите?

— Гдѣ?

— По той сторонѣ... Да впереди кареты-то...

Мы увидѣли дѣйствительно женскую фигуру, всю въ черномъ, одиноко проходившую по тротуару.

— Ну, что? сказалъ мой пріятель. Теперь вѣрите?

— Да можетъ она не за этимъ совсѣмъ, такъ идетъ, возразилъ ему кто-то.

— Ахъ, да: для прогулки! Гулять сюда пріѣхала? Скажите пожалуйста, какое мѣсто нашла!..

Мы остановились и смотрѣли на нее съ этой стороны тротуара.

— Что-жъ, повернемъ опять, за нею пойдемъ.

Мы повернули и пошли, не спуская ее съ глазъ.

Но она должно быть замѣтила или догадалась, что за ней мы слѣдили, остановилась, потомъ подошла къ каретѣ, сѣла въ нее, дверка хлопнула и извозчичья карета загромыхала, что есть духу.

— Испугалась. И должно быть это не опытная еще какая, сказалъ мой знакомый. Опытныя по этой всегда сторонѣ ходятъ, вотъ гдѣ мы теперь идемъ.

Вдали опять раздался стукъ колесъ и на встрѣчу

намъ, мы увидѣли, несется благимъ матомъ карета. Извозчикъ хлещетъ лошадей, гонитъ точно на пожаръ.

— Вотъ этихъ упустили—это жаль. Эти навѣрно съ удачей. Экая досада! Надо раньше приходить, въ сумерки. Теперь поздно, ихъ не увидишь. Подъѣдетъ шагомъ, а потомъ, какъ встрѣтитъ, посадитъ и удираетъ, какъ съумашедшая, говорилъ съ досадой мой пріятель:—Надо раньше.

— Да вѣдь вы же говорили вечеромъ лучше.

— Да, но раньше, въ сумерки надо приходить. Ну, что вы теперь увидите?

Дѣйствительно, надо было въ этомъ глухомъ, темномъ пустырѣ ужъ совсѣмъ наткнуться, чтобы увидѣть что нибудь, а то слышишь только вдали стукъ кареты или видишь, какъ она стоитъ посреди улицы, а лишь только сталъ подходить посторонній, не тотъ кого ждутъ и кого нужно—фигура въ черномъ ныряетъ сейчасъ въ карету и она мчится, какъ угорѣлая.

Мы проходили такъ съ часъ. Видѣли нѣсколько такихъ, загадочно стоявшихъ посреди пустынной улицы каретъ и какъ онѣ потомъ мчались отъ насъ куда-то; но того, что намъ-то именно нужно было видѣть, такъ-таки и не видѣли.

— Но вы по крайней мѣрѣ убѣждены теперь, что это правда? спрашивалъ насъ мой пріятель.

— Да это-то что-жъ!

— Понятно, зачѣмъ же онѣ тутъ?

— Экая досада! говорили мы.

— Одинъ способъ поправить дѣло—завтра опять

съѣдемся сюда. Я непремѣнно опять пріѣду, сказалъ кто-то изъ насъ; мы всѣ разсмѣялись.

— Нѣтъ, это прелюбопытно.

— Что тутъ любопытнаго!

— А, нѣтъ, не говорите. Это, знаете, я вамъ скажу...

— Ну, а вы какъ? Убѣдились? спросилъ меня мой знакомый.

— Убѣдился, проговорилъ я.

— Да неужели вы этого раньше не знали?

— Не зналъ.

— Хотите я вамъ назову даже фамиліи нѣкоторыхъ изъ этихъ барынь, что пріѣзжаютъ сюда.

— Назовите.

Онъ началъ называть и я услыхалъ между ними фамилію Тильдѣевой княгини.

— Вы знаете ее? Вы сами ее видѣли здѣсь? спросилъ я.

— Знаю и самъ видѣлъ. Я вамъ скажу даже съ кѣмъ я ее здѣсь видѣлъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Жоржемъ К—мъ, вольноопредѣляющимся, здоровый эдакій болванъ...

Я промолчалъ, не сказалъ ему, что и я его знаю.

— Ну, такъ какъ же, продолжалъ онъ: — завтра пріѣдете?

— Нѣтъ-съ, довольно съ меня ужъ и этого.

— Напрасно. А то пріѣзжайте? Завтра пораньше пойдемъ, такъ на полчаса надо раньше, и все увидимъ,

да еще какъ... И потомъ не надо всѣмъ въ кучѣ — издали бросается въ глаза...

V.

Прошелъ годъ или съ чѣмъ-то годъ послѣ всего этого. О Жоржѣ постоянныхъ и точныхъ свѣдѣній я не имѣлъ, но зналъ, что онъ все еще здѣсь. Нѣсколько разъ за это время я и самъ встрѣчалъ его на улицѣ— скачетъ на лихачѣ или идетъ весь въ обтяжку, весь перетянутый, гремитъ, звенитъ. Вдругъ я получилъ отъ него странное письмо. Полудѣтскимъ почеркомъ, совсѣмъ не выписаннымъ, съ маленькими, неувѣренными, сомнительными запятыми, онъ писалъ, что я будто бы совершенно напрасно разсердился на него тогда, что онъ вовсе ужъ не такой дурной человѣкъ, какъ я объ немъ думаю, и проситъ, въ виду того, что я не велѣлъ его принимать, позволенія пріѣхать ко мнѣ: „Разводъ Лизы, писалъ онъ, наконецъ, окончился и мы на дняхъ уѣзжаемъ въ деревню — тамъ будетъ и свадьба". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что онъ переходитъ въ другой полкъ, такъ какъ ему нельзя будетъ оставаться въ томъ же полку по той причинѣ, что онъ женится на женщинѣ, съ которой всѣ знаютъ, что онъ раньше жилъ...

Въ письмѣ была и „ея" приписка, въ которой и она отъ себя выражала желаніе видѣться со мною и проститься.

Я написалъ имъ, что я радъ буду ихъ видѣть.

На другой или на третій денъ они явились. Я былъ дома и ихъ приняли.

Она была блѣдна и, мнѣ показалось, ужасно постарѣла и похудѣла. Я, конечно, встрѣтилъ ее очень любезно. Но я должно быть плохо скрылъ мое изумленіе при первомъ взглядѣ на нее и она вскорѣ спросила меня:

— Что вы такъ смотрите на меня? я очень постарѣла за это время? Неправда ли?

— Да, очень.

Она разсмѣялась и сказала:

— Ну, ничего. Поправлюсь тамъ. А онъ?

Я взглянулъ на Жоржа. Онъ былъ все такой же, только еще раздался и какъ-то особенно, совсѣмъ особеннымъ maнеромъ сталъ улыбаться — какъ лошадь дѣлаетъ это передъ тѣмъ, что ей хочется чихнуть. И потомъ, явился еще какой-то тоже особенный апломбъ, котораго у него тоже прежде не было: „я", „у меня въ домѣ", „у меня въ Саратовѣ"... и проч.

„Откуда это у тебя взялось это „у меня"? подумалъ я, но, разумѣется, не сказалъ, а отвѣтилъ:

— Онъ? — Онъ такой же...

— Вотъ, братецъ, пріѣзжайте къ намъ въ Симбирскъ. Какая у насъ тамъ охота. Я вѣдь знаю, вы охотникъ.

— Благодарю васъ, Жоржъ, сказалъ я.

Жоржъ сидѣлъ и улыбался, куря тоненькую-претоненькую папироску.

— Гдѣ же свадьба ваша будетъ? Тамъ, у его отца? спросилъ я.

— Да, я хочу тамъ, отвѣтила она, и потомъ хочетъ этого же и его отецъ... И добавила: какое письмо онъ написалъ мнѣ...

— Такъ и должно быть, сказалъ я: чтожъ васъ тутъ удивляетъ.

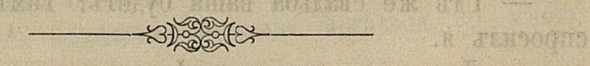
— Нѣтъ, ну, а все таки....

Она и не только что лицомъ постарѣла, но я замѣтилъ, она притихла и принизилась какъ-то духомъ. Она, мнѣ показалось, потеряла, въ своихъ глазахъ всякую цѣну себѣ и считала кажется и не вѣсть какимъ счастьемъ, что выходитъ теперь за него замужъ. Но это и счастье ея теперь было не то, что тогда. Тогда она боялась потерять его, какъ самое что ни на есть дорогое сокровище свое, а теперь выходило какъ-то такъ, что она, такая, сякая, недостойная, удостоивается вдругъ эдакой чести...

Я мысленно удивлялся, глядя на нее и слушалъ ее: Боже мой, что это за народъ эти женщины и на что только, на какое только самоуниженіе и самопожертвованіе онѣ не способны!...

— Послѣ свадьбы Жоржъ вскорѣ поѣдетъ въ Симбирскъ, а я останусь въ Васильевскомъ съ его отцомъ, продолжала она: мнѣ хочется, чтобы онъ лучше узналъ меня и тогда я увѣрена — онъ меня полюбитъ.

Они просидѣли у меня часа полтора и уѣхали. Проводивъ ихъ, я только и могъ, что развести руками...

Соничкинъ сынъ.

Недавно я началъ писать дневникъ. Я ужъ давно собирался начать его, но по свойственной мнѣ лѣни и безпорядочности никакъ не могъ положить прочнаго ему основанія. Теперь такое основаніе я положилъ, написавъ въ одну ночь что-то около печатнаго листа. Надо будетъ къ этому только время отъ времени прибавлять: совершилось что нибудь — сѣлъ и прибавилъ; опять совершилось — опять сѣлъ и прибавилъ... Современемъ это будетъ, я убѣжденъ, очень живая и интересная хроника нашего времени, которая съ жадностью прочтется недоумѣвающими потомками нашими. Предвидя, впрочемъ, это недоумѣніе ихъ, я на первой же страницѣ обращаюсь къ нимъ, предупреждая не только не обижаться на меня за отсутствіе логики въ моемъ сочиненіи, но совѣтую совершенно упразднить ее на все время чтенія...

Записки мои, конечно, будутъ напечатаны еще не скоро — пройдетъ можетъ быть лѣтъ двадцать, тридцать до тѣхъ поръ. Онѣ утратятъ отъ этого, конечно, весь интересъ минуты, сдѣлаются матеріаломъ, вещественнымъ доказательствомъ на судѣ исторіи, но это не моя вина и онѣ не однѣ раздѣлятъ эту участь.

Мнѣ, впрочемъ, хочется начать знакомить теперь же читателей съ нѣкоторыми (разумѣется, наименѣе предосудительными) отрывками изъ этихъ моихъ воспоминаній. Для начала я приведу краткое жизнеописаніе и воспоминаніе мое о человѣкѣ, которому несомнѣнно принадлежитъ будущее, ибо я замѣчаю уже, что люди этого типа начинаютъ скопляться и челюсти у нихъ постукиваютъ, что несомнѣнно обѣщаетъ событія съ ихъ участіемъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ...

„Сережу (нынѣ Сергѣй Дмитріевичъ, состоящій по особымъ порученіямъ при его сіятельствѣ и т. д.) Совѣсдралова я зналъ еще мальчикомъ и видѣлъ его можно сказать еще до рожденія его, потому что часто встрѣчался съ матерью его, моей кузиной Соничкой, которая въ то время была имъ беременна.

Соничка, ты, душа моя, въ эту беременность свою отягощена какъ будто болѣе обыкновеннаго, бывало говорили мы всѣ ей.

И она не скрывала отъ насъ этого.

— Да, отвѣчала она, почему — этого я не знаю, но тяготу чувствую дѣйствительно особенную.

— Но не имѣла ли ты за это время какихъ-нибудь объяснительныхъ сновидѣній?

— Кажется, никакихъ, отвѣчала она, дѣлая усиліе припомнить сновидѣнія послѣднихъ дней. Вскорѣ затѣмъ она (къ удивленію) съ необыкновенной легкостью разрѣшилась отъ бремени младенцемъ мужскаго пола, который и былъ Сережа. И хотя крѣпостное право въ то время было ужъ устранено, тѣмъ не менне, однакожъ, при любезномъ участіи мироваго посредника и становаго пристава представилось возможнымъ сдѣлать выборъ лучшей бабы изъ всей деревни ему въ кормилицы. За все это время слѣдуетъ отмѣтить, какъ нѣчто необыкновенное развѣ только то, что вскорѣ одной кормилицы для него оказалось недостаточно и въ подмогу ей пришлось, опять, конечно, при содѣйствіи посредника и становаго пристава, взять съ деревни еще другую бабу. Ими двумя онъ и ограничивался въ теченіи цѣлаго года, а потомъ ему стали прибавлять къ молоку кормилицъ ежедневно еще по одной тарелкѣ манной каши, которую онъ кушалъ всегда съ аппетитомъ, отъ нетерпѣнія даже мыча при этомъ и хватаясь ручонками за ложку.

— У, ненасытный какой, говорила кормившая его баба, ударяя ложкой по лбу, но онъ отъ этого начиналъ вертѣть головой и мычать только еще пуще.

Говорить не начиналъ онъ до трехлѣтняго возраста, хотя и понималъ все, даже и то, что по настоящему ему не слѣдовало бы понимать и впослѣдствіи. Такъ, однажды, бывъ случайнымъ свидѣтелемъ интриги одной изъ кормилицъ своихъ, онъ потомъ весьма понятными

пантомимами объяснилъ это матери, вызвавъ непріятную семейную сцену. Время отъ трехъ до семилѣтняго возраста онъ провелъ вмѣстѣ съ родителями въ пензенскомъ имѣніи, а потомъ, когда оно было продано, съ ними же переѣхалъ въ воронежское имѣніе. Когда же черезъ годъ было продано и это имѣніе, то всѣ переѣхали въ тамбовское, куда были приглашены для преподаванія необходимые гувернантки и гувернеры. Въ это время я видѣлъ его часто, навѣщая и утѣшая его мать, любимую мою кузину Соничку, лишившуюся въ то время мужа... Потерю отца, не смотря на то, что ему было тогда ужъ девять лѣтъ и онъ понималъ все, Сережа перенесъ совершенно спокойно, и, можно даже сказать, съ благоразуміемъ.

— Жаль тебѣ папу? спрашивали его.

— И да, и нѣтъ, отвѣчалъ онъ и при этомъ подмигнувъ на мать, а потомъ на гувернера, прищелкнулъ языкомъ...

Ему было тогда ровно девять лѣтъ... И въ это время уже, я помню, онъ отличался какой-то не дѣтской смѣлостью и рѣшительностью. Такъ, не было того одушевленнаго или неодушевленнаго предмета, на который онъ побоялся бы сѣсть верхомъ.

— Смотри, ужъ ты когда нибудь налетишь, говорилъ я ему.

— Э, вздоръ какой! и тутъ же садился на кого попало—на корову, на проходившую мимо бабу съ ведрами, на заборъ, на собаку и проч.

По этому поводу я даже имѣлъ объясненіе съ Соничкой:

— Мальчикъ... вѣдь всѣ они скачутъ...

— Но все-таки, душа моя, съ разборомъ.

— А онъ развѣ безъ разбора?

— Про то-то я тебѣ и говорю. Еслибъ онъ скакалъ съ разборомъ—еще ничего, а то вѣдь онъ и знать ничего не хочетъ... Вѣдь онъ и на меня, и на тебя, на кого угодно вскочитъ.

— На кого же еще-то?

— Не знаю. Я такъ говорю только...

Такимъ образомъ, съ самаго ранняго возраста въ немъ ужъ замѣчалось призваніе къ власти, тогда не вѣрно нами понятое и вызывавшее наше осужденіе.

Черезъ годъ потомъ онъ былъ уже въ „Лошадиномъ училищѣ“, а еще спустя два года, когда ему пошелъ всего только пятнадцатый годъ, имѣлъ уже двухъ любовницъ и около двадцати тысячъ рублей долга.

Однажды, когда онъ былъ въ отпуску у меня, я спросилъ его, правда-ли это?

— Такъ чтожъ?

— Какъ что, мой другъ?... А что скажетъ маменька, если узнаетъ про это?...

Но онъ только засмѣялся и засвисталъ:

— Маменька!.. а я развѣ про маменьку ничего не знаю?

— Сережа! Что ты говоришь!..

— Ничего не говорю. Правду говорю...

И, сѣвъ верхомъ на стулъ, тутъ же началъ припоминать изъ своего дѣтства такіе случаи и сцены, что было бы гораздо лучше, если бы онъ и по слуху не

зналъ объ нихъ, а не только видѣлъ бы ихъ своими глазами.

— Я, впрочемъ, заключилъ онъ, нисколько не хочу ставить этого въ вину maman... Если этого требовалъ ея темпераментъ, то не все ли равно, кто—papa, гувернеръ...

— Однако, позволь же, мой другъ. Неужели это тебѣ пріятно?

— Мнѣ?—ей Богу, все равно.

— Но если ты такъ смотришь на вещи, то маменька въ отношеніи тебя можетъ быть взглянетъ иначе и ей будетъ непріятно?

— Такъ по вашему что же тогда мнѣ?...

И онъ, какъ бы оболдѣвъ, сказалъ мнѣ при этомъ такую гадость, что я счелъ необходимымъ остановить его, замѣтивъ, что я все-таки ему дядя, и чтобъ онъ при мнѣ выражался болѣе прилично...

Относительно его поведенія за это время въ училищѣ и успѣховъ въ наукахъ, сказать что либо достовѣрное и опредѣленное, я весьма затрудняюсь, такъ какъ и науки, и поведеніе понимаются и цѣнятся тамъ совсѣмъ какъ - то особенно... Но достигнувъ безъ малаго восемнадцати - лѣтняго возраста, онъ окончилъ курсъ наукъ и былъ выпущенъ въ полкъ... Это случилось весной третьяго года. Я, какъ сейчасъ гляжу на него, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ новомъ своемъ мундирѣ, полный, даже по годамъ нѣсколько излишне, румяный, съ бѣлыми зубами... Взошелъ и вся комната наполнилась звономъ и звяканьемъ... Помню, мнѣ показалось тогда нѣсколько страннымъ частое употребленіе имъ

словъ: лихой и молодецъ. Онъ употреблялъ ихъ, мнѣ показалось, какъ-то даже безсмысленно. Такъ, въ разговорѣ объ нашемъ архіереѣ онъ назвалъ и его тоже сперва „молодцомъ", а потомъ „лихимъ".

— Ну, вотъ, сказалъ я: — какъ же это архіерей можетъ быть молодцомъ и лихимъ.

— Каждый человѣкъ долженъ быть и молодцомъ и лихимъ. И этихъ, что вотъ размазываютъ, какъ братъ Петинька (его двоюродный братъ отъ кузины Манички), терпѣть я не могу. Ну, что тутъ размазывать, когда надо дѣйствовать.

Тогда я не понялъ этого намека и отнесъ просто къ увлеченію его собственнымъ молодцоватымъ и лихимъ видомъ...

— Ну, поѣдемъ съ тобой куда нибудь обѣдать, сказалъ я. Позволь и мнѣ, старику, спрыснутъ твой мундиръ.

— Очень охотно, дядя. Только я долженъ васъ предупредить: вы или позвольте привести мнѣ съ собой какую нибудь Амалію, или я тотчасъ же послѣ обѣда покину васъ... Я не могу безъ этого... Въ этомъ отношеніи я весь въ maman... шутя сказалъ онъ и звякнувъ шпорами, оскалилъ зубы.

— Нѣтъ ужъ зачѣмъ же ее вести. Ты ужъ лучше поѣзжай къ ней потомъ, сказалъ я...

За обѣдомъ, хотя и заходила у насъ рѣчь о вопросахъ какъ внутренней, такъ равно и внѣшней политики, но тогда, я помню, онъ этимъ мало интересовался и даже какъ бы неохотно выслушивалъ мои замѣчанія. Одно его замѣчаніе, впрочемъ, осталось у

меня въ памяти. Разсматривая только-что зародившуюся тогда идею объ урядникахъ, я высказалъ предположеніе, что не будутъ ли они обременительны для сельскаго населенія?

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, будетъ лишній свободный конный человѣкъ, котораго всегда можно будетъ послать на станцію за виномъ и закусками...

Это соображеніе его памятно мнѣ потому, что показало на сколько просто и трезво смотрѣлъ онъ и тогда уже на вещи. Пріѣхавъ черезъ годъ къ себѣ въ имѣніе, онъ дѣйствительно пріучилъ урядника, сломя голову, какъ бы по казенной надобности, скакать на ближайшую станцію и за закусками, и за виномъ...

Послѣдовавшія вскорѣ событія дали ему возможность выдвинуться довольно быстро. Черезъ годъ онъ былъ уже въ числѣ состоявшихъ для особыхъ порученій при предсѣдательствовавшемъ въ коммисіи объ общемъ упорядоченіи. Это время онъ неоднократно вспоминалъ со мною потомъ, какъ лучшее время въ жизни.

— Ахъ, что мы дѣлали бывало. Ну, повѣрьте, дядя, въ одинъ день мы ужинали по три раза. Начнешь ужинать въ Самаркандѣ, потомъ оттуда съ цыганками въ городъ къ Борелю, отъ Бореля опять или въ Самаркандъ, или еще куда нибудь... Нѣтъ, такого времени теперь ужъ не будетъ...

— Почемъ знать. Унывать не слѣдуетъ.

— Да я не унываю... А все что-то не то...

— Чего-жъ тебѣ надо?

— Жизни... Вотъ чего.

— Гм. Это, мой другъ, какъ понимать?

— Очень просто. Вся эта путаница и идетъ-то у насъ потому, что вмѣсто пробужденія жизни занимаются лишь размазываніемъ. Всѣ только размазываютъ...

Я не хорошо уяснилъ себѣ его идею о жизни и попросилъ, чтобы онъ высказался опредѣленнѣе и точнѣе.

— Жизнь, сказалъ онъ, должна быть доступна для всѣхъ. Тогда не будетъ и недовольныхъ. Не будетъ, значитъ, и никакихъ этихъ приключеній и проч.

— Да, но какъ этого достичь? Это то и сами мы понимаемъ,—ты укажи на мѣры...

— Мѣры для этого должны быть соотвѣтствующія.

— Напримѣръ?

— М... м... чтобы вамъ, дядя, было понятнѣе это, я объясню примѣромъ. Уподобимъ жизнь увеселительному заведенію съ даровымъ входомъ. Какъ бы оно ни было обширно, но всѣхъ желающихъ попасть въ него оно вмѣстить никогда пе можетъ. Слѣдовательно надо сдѣлать такъ, чтобы не было толкотни. Сперва пусть одни будутъ жуировать, а потомъ когда-нибудь придетъ очередъ и другимъ...

Я улыбнулся.

— Въ этомъ-то „когда-нибудь“ эти „другіе“ и видятъ нѣкоторую для себя обиду... Всѣмъ, душа моя, хочется поскорѣе въ заведеніе...

Но это вызвало въ немъ даже раздраженіе.

— Мало ли, что хотятъ!.. Могутъ подождать.

— Не ждутъ.

— Заставить ждать!

Я помню, этотъ разговоръ мы имѣли съ нимъ въ прошломъ году, лѣтомъ. Въ теченіи зимы я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ и всегда спрашивалъ его, не перемѣнилъ ли онъ своего взгляда.

— Нѣтъ, дядя. И не перемѣню. Увѣряю васъ, придетъ время, согласятся со мною...

Онъ говорилъ это такъ увѣренно, что я начиналъ даже опасаться—а ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ такое время придетъ?

— А какъ ты думаешь, скоро твое время придетъ?

— Ну этого я не могу сказать, хотя, конечно, по моему чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Такъ что можетъ быть года два, три, мы еще проживемъ по старому?

— Не знаю, не знаю... Я ничего не знаю...

Но онъ какъ-то скверно началъ улыбаться.

— Ты ужъ лучше скажи прямо. Ты знаешь что нибудь?..

— Ни-че-го я не знаю проговорилъ онъ и уставился на меня...

СЪ ПРОСТЫМЪ ВЗГЛЯДОМЪ.

I.

Какъ сейчасъ, точно, все это было...

Стоитъ „ихъ“ конюшій Ермилъ и докладываетъ:

— Барыня изволили разрѣшиться... Баринъ изволили сказать: писать имъ некогда, а приказали такъ, на словахъ передать: просятъ пожаловать послѣ завтра къ намъ, крестины будутъ.

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Мальчикъ-съ...

Я помню, какъ и крестили его...

Потомъ я помню его „пузыремъ“, когда ему было должно быть лѣтъ пять или шесть. Розовый былъ, такой толстый, губы красныя и онъ все ихъ облизывалъ почему-то. А то такъ, когда сидитъ, задумается, слушаетъ, что старшіе говорятъ, и высунетъ кончикъ языка между губами.

— Митенька, что ты! Ты ужъ не маленькій, останавливаетъ бывало его мать и тутъ же объясняетъ намъ происхожденіе у него этой привычки:—Это все отъ кормилицы. Ребенокъ, когда сосетъ, языкъ эдакъ трубочкой держитъ, ну и потомъ такъ и заснетъ, отвалится отъ груди и заснетъ. Кормилица должна поправить ему языкъ, ну, а баба простая, что же она понимаетъ,— онъ такъ и привыкъ.

Но я думаю, что и кромѣ этого были другія какія нибудь еще причины, почему онъ высовывалъ языкъ, потому что и впослѣдствіи, когда ему было ужъ лѣтъ десять и даже болѣе, и когда ужъ онъ долженъ былъ совсѣмъ забыть, какъ онъ когда-то сосалъ — онъ, все равно, бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и высунетъ кончикъ языка.

— Митенька, даже и я ему говорилъ, покачивая головой.

Онъ сейчасъ же спрячетъ языкъ и улыбнется.

— Что это у васъ привычка, Митенька?

— У насъ въ гимназіи (онъ былъ въ военной гимназіи. Тогда онѣ только-что были переименованы изъ корпусовъ) восемь человѣкъ языки высовываютъ, отвѣтитъ, бывало, онъ и опять разсмѣется.

— Да отчего это? Привычка это что ли?

— Это долго сосали, которые... у всѣхъ это...

Онъ немного пришептывалъ и это сохранилось у него и до сихъ поръ.

Одна дама, когда я ей сказалъ, что Митенька, когда былъ еще маленькій, высовывалъ языкъ, — нашла, что это должно быть очень мило было:

— Правда, онъ такой славный?..

— Да вы его попросите, онъ можетъ и теперь вамъ высунетъ.

— Вы все смѣетесь... А мнѣ вотъ нравится, какъ онъ пришепетываетъ...

Цвѣтъ лица у него былъ и тогда точно такой же розовый, т. е., правильнѣе сказать, цвѣтъ лица у него и теперь такой же розовый, какъ былъ и тогда. Я помню, тогда всѣ удивлялись, какія у него были круглыя и твердыя щеки и какой на нихъ былъ румянецъ.

— Митенька, пойди-ка, манитъ его, бывало, къ себѣ кто нибудь изъ сосѣдей.

— Да вы опять будете...

— Что?

— Щипаться?

— Нѣтъ, не буду.

— Митенька подходилъ, сосѣдъ обхватывалъ его ногами и ну хоть немножко, а все ужъ ущипнетъ за щеку.

— Василій Ивановичъ, заступалась за него мать, вы посмотрите, ему и такъ ужъ нащипали...

Сосѣдъ выпускалъ его, Митенька убѣгалъ, а въ слѣдъ ему сосѣдъ говорилъ: славный онъ у васъ мальчикъ будетъ, Марья Дмитріевна.

Недавно одна дама, которой вниманіе я обратилъ на его щеки, сказала:—Да, цвѣтъ лица удивительный, и при этомъ откинувшись въ кресло, устремила на него долгій и задумчивый взоръ не безъ нѣкотораго къ нему расположенія.

— Хорошъ? спросилъ я ее, давъ ей вдосталь налюбоваться на него.

Она вздрогнула даже какъ бы испугавшись, и, пробуждаясь отъ забытья, проговорила:

— Хорошъ, и вздохнула...

Когда Митенька, явившись въ Петербургъ „для окончательнаго окончанія курса", какъ выражалась Марья Дмитріевна, показался первый разъ въ „благородномъ собраніи", всѣ завсегдательницы дамы этого собранія такъ и ахнули отъ удивленія: ничего подобнаго даже по свѣжести ему давно онѣ ужъ не видали...

Но онъ вскорѣ произвелъ впечатлѣніе не только на дамъ „благороднаго собранія", но и повыше, которыя въ „благородномъ собраніи" считаютъ позволительнымъ для себя бывать только въ дни устраиваемыхъ ими тамъ благотворительныхъ спектаклей „съ литературными" чтеніями и „живыми картинами".

Попавъ однажды на такой „литературно-музыкальный" вечеръ, послѣ второго-третьяго спектакля, Митенька прямо и сразу попалъ въ ихъ кругъ.

Особенно замѣтила и рѣшила приблизить его къ себѣ одна благотворительница-патронесса.

— О чемъ вы съ нею, Митенька, говорите? спрашивалъ я тогда его.

— Съ Катериной Павловной?

— Ну, да.

— Да она... я ее не люблю... Она такая какая-то.

— Какая?

— Да такъ... она все... идеальничаетъ...

— Т. е. это какъ же такъ идеальничаетъ?..

— Ну, такъ...

— Разскажите.

— Ну, чтобъ я все сидѣлъ у нея...

— Такъ что-жъ тутъ идеальнаго?

— Ну, а она чтобы все на меня смотрѣла...

Около этого же времени на Митеньку обратила также вниманіе другая патронесса - благотворительница и рѣшила тоже приблизить его къ себѣ.

Бывая въ этомъ же домѣ (наши-же съ нимъ земляки), гдѣ Митенька встрѣчался съ этими благотворительницами-патронессами, я не упустилъ замѣтить и этой новой за нимъ угонки. Подошелъ какъ-то случай и я его спросилъ:

— Ну, а эта какъ?

— Какая?

— Ну, вотъ Ольга Петровна. И эта тоже идеальная?

— Нѣтъ, эта...

Митенька разсмѣялся и даже покраснѣлъ.

— Эта не идеальная?

— Нѣтъ, эта...

Мнѣ до Митеньки, конечно, не было никакого дѣла, но я за нимъ наблюдалъ, какъ за любопытнымъ субъектомъ, носящимъ на себѣ какой-то особенный оттѣнокъ, дѣлающимъ его отличнымъ отъ всѣхъ прочихъ Митенекъ, которые, какъ извѣстно, въ послѣднее время, благодаря наступившему ихъ сезону, заполонили всѣхъ и все...

Митенекъ корыстныхъ и злобныхъ я зналъ; зналъ

также Митенекъ аккуратныхъ и разсчетливыхъ, не злыхъ и не добрыхъ; зналъ Митенекъ беззавѣтныхъ, которые выпуча глаза лазали на батареи и потомъ простреленные и проколотые возвращались назадъ и, вылечившись, нисколько отъ того не теряли своей „беззавѣтности“, оставались все такими же.

Но мнѣ никогда еще не приходилось наблюдать Митенекъ, такъ сказать съ непосредственнымъ взглядомъ.

Онъ что чувствуетъ, то и говоритъ. Понятія о человѣкѣ, о нравственности—въ немъ совершенно отсутствуютъ. Онъ никогда надъ ними не задумывался и даже, кажется, не подозриваетъ ихъ существованія.

— Митенька, а вѣдь это вы скверно сдѣлали, бывало говорилъ я ему, когда онъ еще мододъ былъ.

— Это что?

— Да вотъ съ Машей.

— Это вы про горничную?

Ну, да. А что же горничная, по вашему, развѣ не человѣкъ?

И на лицѣ его замѣчалось какое-то усиліе, дѣлаемое имъ надъ мыслію. Но изъ этого ничего, все равно, не выходило, усилія ни къ чему его не приводили. Завтра ему представится точно такой же случай и онъ поступитъ и завтра точно также.

— Это вырожденіе расы, говорили мнѣ мои знакомые изъ получившихъ „естественное образованіе“, которымъ я указывалъ на Митеньку.

— А какъ же при этомъ такое цвѣтущее здоровье?

— Это ничего не значитъ...

Я не знаю: значивъ это или ничего не значитъ, но Митенька, тѣмъ не менѣе, продолжалъ меня занимать.

Однажды, идя по Невскому, я встрѣтилъ его. Онъ всегда обращался ко мнѣ съ какой-то радостью на лицѣ — точно и Богъ знаетъ какіе мы были друзья съ нимъ и долго не видались — теперь же онъ взялъ меня за обѣ руки, и смотря въ лицо съ выраженіемъ человѣка только-что разговѣвшагося, сказалъ — поздравьте меня.

— Съ чѣмъ? спросилъ я.

— Я женюсь.

Я невольно изумился.

Я, конечно, понималъ, что такой молодецъ, рано или поздно, долженъ жениться, не можетъ не жениться; но такъ все-таки рано, мнѣ казалось, онъ продѣлывалъ это.

— На комъ-же? спросилъ я его.

— На m-lle Младенцевой.

— Здѣшняя? Купчиха?

— Здѣшняя. Съ Калашниковой пристани.

— А-а... Большое приданое берете?

— Триста тысячъ, лабазъ и домъ на Пескахъ... Ну, домъ, впрочемъ, дрянь, замѣтилъ онъ.

— Все равно, отличное состояніе. Свадьба когдо же?

Онъ сказалъ какое-то число — тоже что-то очень скоро — и сталъ просить быть у него на свадьбѣ. Я обѣщалъ. Мы поговорили еще сколько-то и разошлись. Онъ спѣшилъ за чѣмъ-то къ себѣ въ полкъ, тоже по поводу какихъ-то формальностей относительно предстоящей свадьбы.

Я былъ на этой свадьбѣ.

Меня, разумѣется, не поразили ни бриллiанты молодой, ни громадныхъ размѣровъ дюшесы „отъ Елисѣева“ — предметъ разговора гостей — меня поразилъ самъ Митенька.

Онъ подошелъ ко мнѣ и ударивъ себя по лѣвому боку, тихо, шепотомъ сказалъ:

— Тутъ...

— Получили ранѣе свадьбы?

— Въ самый послѣднiй моментъ...

Затѣмъ глубоко, прерывисто вздохнувъ, какъ-бы говоря: — „спасъ Богъ, а насилу-насилу ужъ...“, и весело взявъ меня подъ руку, подвелъ къ одному изъ столовъ, нагруженныхъ горами грушъ, яблокъ, винограду, конфектъ и проч.

Пожалуйста. Ну, чего нибудь.

Я что-то взялъ.

— А отчего же Марья Дмитрiевна не прiѣхала на свадьбу? спросилъ я его про его мать.

— Больна старушка...

Въ это время, шурша безконечнымъ шлейфомъ, окруженная толпой молодыхъ купчиковъ во фракахъ, съ закрученными усиками, къ намъ приближалась „молодая“. Митенька поспѣшилъ къ ней на встрѣчу.

— Вотъ, мой другъ, нашъ сосѣдъ, говорилъ онъ ей, подходя ко мнѣ и указывая ей на меня. Ты полюби, проси бывать у насъ... да почаще, запросто...

Молодая что-то бормотала: — „пожалуйста, милости просимъ“...

И едва она, постоявъ немного, отошла отъ насъ, какъ Митенька вновъ обратился ко мнѣ съ признаніемъ.

— Вы можетъ быть слышали что нибудь?... Ну, да мнѣ какое дѣло до того, что было до меня? Вѣдь женятся же на вдовахъ? До ребенка мнѣ никакого дѣла нѣтъ. Отецъ ея на его имя отдѣльно пятьдесятъ тысячъ положилъ.

Ничего я этого не зналъ, ни дочего этого, мнѣ, конечно, никакого дѣла не было, но эта легкость съ его стороны въ признаніи такого факта меня просто поразила.

— Для чего вы это все мнѣ разсказываете? спросилъ я его.

Онъ опять вздохнулъ и проговорилъ.

— Вотъ видите, Сергѣй Николаевичъ, есть люди, которые на это, по моему, странно какъ-то смотрятъ...

— Вы знали это и до свадьбы? спросилъ я его.

— Зналъ...

Онъ разсмѣялся и хитро хихикая нагнулся ко мнѣ и добавилъ:—„въ этомъ-то вся и штука была... А то развѣ за меня ее, съ такимъ-то капиталомъ выдали-бы?...

— Ну, однимъ словомъ, вы помирились съ этимъ фактомъ?

— То есть какъ?

Онъ смотрѣлъ на меня и видимо старался угадать мои мысли; но это ему было трудно. Я повторилъ свой вопросъ и объяснилъ его.

— О, да. Ну, да что-жъ...

— Тогда зачѣмъ же вы разсказываете объ этомъ мнѣ?

Онъ опять началъ смотрѣть на меня и дѣлать усиліе понять меня.

— Для чего это вы такимъ тономъ говорите мнѣ, точно вы хвастаете, что обдѣлали какое-то дѣло...

Тутъ только, кажется, онъ понялъ меня и, слегка улыбнувшись, но уже иначе, съ оттѣнкомъ другого совсѣмъ чувства сказалъ.

— У меня товарищъ одинъ — у насъ въ полку — тоже въ прошломъ году женился, безъ приданаго, и вотъ теперь уже тужитъ. Что же это лучше развѣ?...

II.

Года два назадъ я Митеньку видѣлъ въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Онъ былъ одинъ съ товарищами, безъ жены. Они всѣ сидѣли недалеко отъ меня у столика и пили.

— Я на это такъ смотрю, говорилъ Митенька: — плати...

— Но послушай, вѣдь это же...

— Плати... Плати и — баста, стоялъ онъ на своемъ. Ты думаешь, она не понимаетъ своего положенія? Будь, братецъ, покоенъ, отлично понимаетъ...

— Ну, а каково-жъ его будетъ потомъ положеніе?

— Положеніе? Отличное. Выйдетъ въ отставку и будетъ жить себѣ припѣваючи. Пятьдесятъ тысячъ — шутите вы! Это вотъ у насъ привыкли такъ бросать только, а пятьдесятъ тысячъ, я вамъ скажу, великія деньги...

Онъ сказалъ что-то еще, чего я не разслыхалъ, и всѣ дружно расхохотались.

— Да какъ же нѣтъ? Я серьезно говорю, продолжалъ Митенька.

— Циникъ ты.

— Слова вѣдь это все... Я въ слова больше не вѣрю.

— Подавай наличныя?

— Да, вотъ сюда, на столъ,

И онъ постучалъ согнутыми пальцами по столу.

Дѣло изъ дальнѣйшихъ разговоровъ ихъ объяснилось. Рѣчь шла о другомъ ихъ товарищѣ, который тоже хотѣлъ жениться. Онъ былъ по уши въ долгахъ и другого выхода ему не предстояло. Но ему предлагали невѣсту—дочь мусорщика, подрядчика по очисткѣ нечистотъ, дѣвушку совершенно безграмотную и къ тому же урода. Пятьдесятъ тысячь—это приданое, которое за ней давалъ ея отецъ.

Дальнѣйшее обсужденіе вопроса—были соображенія, какъ ему лучше утаить и уберечь эти деньги отъ кредиторовъ. Оставить ихъ у нея—сразу же было рѣшено, какъ абсурдъ, не входящій даже въ соображенія.

— Въ наше время, господа, жениться—это вопросъ, сказалъ, наконецъ, Митенька, поднимаясь со стула, и я вамъ скажу: о-охъ, какой вопросъ...

Всѣ сидѣвшіе тоже поднялись и слѣдуя призыву звонка, отправились въ „театръ“.

Меня на этотъ разъ удивилъ не тольно тотъ авторитетный тонъ, съ какимъ онъ все это говорилъ, но его авторитетъ вообще. Его слушали, какъ опытнаго, бывалаго практичнаго человѣка, соображенія и совѣты котораго не только нельзя не выслушивать, но за которые надо быть еще благодарнымъ, если онъ высказываетъ ихъ и даетъ. Правда, все это были еще мальчики, даже и въ сравненіи съ нимъ, хотя и ему было едва

ли больше тридцати, но ужъ все-таки „мальчики" такого возраста, которые могли бы отвѣчать ему на эти мудрыя его изреченія. Но ему никто ничего не возражалъ и это меня удивляло.

Нынче лѣтомъ, я его встрѣтилъ на одной изъ замосковскихъ желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ что-то не спалось ночью въ вагонѣ. Только-что еще разсвѣтало. Поѣздъ подошелъ къ какой-то станціи, я и вышелъ. Одновременно со мною вышелъ изъ вагона рядомъ высокій мужчина въ штатскомъ платьѣ, но съ ухватками военнаго, которыя всегда такъ выдаютъ ихъ первое время, какъ надѣнутъ они штатское, сморщилъ заспанное лицо—накрапывалъ дождь—поднялъ воротникъ и быстро пошелъ по платформѣ, направляясь въ буфетъ.

— Чаю мнѣ, услыхалъ я.

Я тоже спросилъ чаю и сѣлъ къ столу. Намъ подали его и лакей поставилъ его стаканъ визави со мною.

Когда онъ сѣлъ, и, все еще морщась, началъ размѣшивать ложечкой въ стаканѣ, я тутъ только узналъ его. Онъ тоже одновременно почти вглядѣлся въ меня:

— Боже мой, сколько лѣтъ! Вы куда?

Я сказалъ.

— И я. Вы знаете, меня вѣдь въ ***мъ уѣздѣ выбрали предводителемъ. У меня имѣніе тамъ. Нечего дѣлать, бросилъ службу, ѣду.

— И прекрасно дѣлаете, сказалъ я.

— Людей нѣтъ. Выбирать некого. Всего пять дворянъ въ уѣздѣ осталось, говорилъ онъ. Ну, да вамъ что же это разсказывать, вы сами знаете...

— Да, согласился я. Люди теперь нужны тамъ.

— Вѣрите ли, вѣдь просятъ-то какъ.

— Да какъ же не просить-то.

— Если вы, говорятъ, не согласитесь, не знаемъ кого и выбрать. Ѣду. Бросилъ службу.

— Одни ѣдете или съ женой? спросилъ я.

— Съ женой. Она тамъ въ вагонѣ съ дѣтьми.— Нѣтъ, вѣдь это все идеальное, эти взгляды, продолжалъ онъ, опять возвращаясь къ тому же, т. е. къ своему избранію и бѣдственному положенію уѣзда передъ выборами,—эти идеальничанья всѣ надо теперь оставить. Надо на вещи просто смотрѣть, какъ онѣ есть. Не правда развѣ?

— Конечно. сказалъ я.

— Ну, въ самомъ дѣлѣ. Тянутся, тянутся. Даютъ дѣтямъ образованіе изъ послѣднихъ средствъ, а самимъ ѣсть нечего, имѣнія съ аукціона продаютъ.

— Вотъ поэтому-то и тянутся, сказалъ я, что если не оставятъ состоянія, то хоть образованіе дадутъ...

— Онъ расхохотался.

— Послушайте, сказалъ онъ:—ну, сами знаете, какое у меня образованіе, а вышелъ же въ люди, пробилъ же себѣ дорогу. Не хуже же людей?

Я не зналъ, что ему отвѣчать, но такъ какъ онъ, очевидно, ждалъ моего отвѣта а я чувствовалъ себя крайне не ловко, то я сказалъ ему:

— Да вѣдь не всякому это удается...

— Эхъ, пожалуйста. Оставьте. Повѣрьте, если захочетъ что человѣкъ изъ себя сдѣлать, не распуститъ

себя, всегда своего добьется. Надо только на вещи проще смотрѣть.

— Силы воли я не отвергаю, сказалъ я.

— Да и силы не надо никакой особенной имѣть.

— Такъ что же тогда?

— Проще смотрѣть на вещи.

Я молчалъ.

— Вы не согласны со мною?

— Т. е., я не понимаю, что вы называете: „надо проще смотрѣть на вещи?“

— Проще—и больше ничего.

— Ну, вотъ хоть по вопросу объ образованіи, сказалъ я.

— И по вопросу объ образованіи.

— У васъ есть состояніе и чтожъ вы не дадите своимъ дѣтямъ что ли образованія?

— Не дамъ.

— Это почему?

— А вотъ все потому же. Надо на вещи смотрѣть проще, прямѣе, какъ онѣ есть.

Въ головѣ у меня мелькнуло: „Митенька рузсуждающій“... Онъ продолжалъ:

— Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю, вотъ у меня два сына и два имѣнія—для чего я имъ буду давать это образованіе?.. Ну, т. е. вы буквально ужъ все понимаете такъ, замѣтивъ мое удивленіе, сказалъ онъ, они, все-таки, разумѣется, получатъ образованіе и языки и все, я говорю только про то образованіе, которое дается для карьеры. На что имъ карьера? Будутъ

у себя сидѣть въ деревняхъ, женятся и отличные выйдутъ люди.

— Жаль, все-таки, если способные мальчики...

— А будетъ въ ихъ время спросъ на эти способности, образованіе,—своимъ дѣтямъ пускай они его даютъ. Нѣтъ нынче спроса на него—и не нужно. Надо проще смотрѣть на вещи...

Послышался звонокъ и мы поспѣшили къ вагонамъ.

— Очень радъ, говорилъ онъ, что встрѣтился. Вы на слѣдующей большой станціи выйдете? Жена будетъ очень рада васъ видѣть.

Но я не вышелъ, а видѣлъ и его и ее съ дѣтьми изъ окна вагона. Онъ посматривалъ, очевидно, ища меня глазами. Мнѣ просто не хотѣлось выходить.

Въ нашемъ уѣздномъ городѣ, сосѣднемъ съ тѣмъ, гдѣ онъ былъ выбранъ предводителемъ и примѣнялъ свои „простые взгляды на вещи", была конная ярмарка и я на ней былъ. Гостинницы всѣ были биткомъ набиты, въ корридорахъ толкотня, продаютъ и покупаютъ лошадей, хлѣбъ. Барышниковъ и купцовъ толпа цѣлая. Вдругъ я услыхалъ знакомый голосъ. Оглянулся—„онъ". Въ высокихъ сапогахъ, въ синей суконной поддевкѣ, совсѣмъ какъ кучеръ или лошадиный барышникъ.

— Здравствуйте. Не узнаете? закричалъ онъ мнѣ.

— Узнаю.

— Вотъ батюшко, какъ по нынѣшнему надо ходить и онъ хлопнулъ себя по фалдамъ поддевки.

Барышники, стоявшіе тутъ же, хихикали.

— Вѣрно вѣдь? Правду я говорю? обратился онъ къ нимъ.

— Истинную правду говорите, Дмитрій Васильевичъ, послышалось съ ихъ стороны

— И водочки мы съ ними выпьемъ, и селяночкой на двугривенный закусимъ. Дѣла! Григорій Дмитріевъ, правда?

— Правда-съ.

И ужъ какъ бы къ побѣжденному, обратился онъ ко мнѣ:—Ну что, многоуважаемый, какъ поживаете? На ярмарку пріѣхали? Затѣмъ взялъ меня обѣими руками подъ бока, потрепалъ и сказалъ:—о здоровье нечего спрашивать, вижу, слава Богу.

— Ничего, отвѣтилъ я ему.

— Ничего. Помните только одно: проще, по нынѣшнимъ временамъ, надо смотрѣть на вещи...

— Да я и то смотрю просто.

— Проще, еще проще, какъ можно проще. Григорій Дмитріевъ, правда?

— Правда, Дмитрій Васильевичъ.

— Ну, будьте здоровеньки. А мнѣ надо еще лошадокъ вотъ у него посмотрѣть, да тутъ еще кой-какія дѣлишки и домой пора. Завтра надо еще въ съѣздъ поспѣть...

Но онъ въ этотъ день не уѣхалъ. Ночью до утра у него въ номерѣ шелъ кутежъ съ купцами и барышниками, пѣли арфянки, лакеи носили туда кушанья и бутылки. Только подъ утро все это стихло и онъ уѣхалъ.

— Какъ же онъ говорилъ, что ему надо было вчера же уѣхать. У него съѣздъ сегодня? спрашивалъ я ста-

рика номерного лакея, передававшаго мнѣ утромъ на другой день подробности кутежа, происходившаго всю ночь.

— Доѣдутъ-съ. Вѣдь нонче удобство-съ: по желѣзной дорогѣ, а тамъ до нихъ всего восемь верстъ на лошадяхъ.

— Да ему надо еще въ съѣздъ попасть въ свой городъ.

— Такъ что же-съ? Успѣютъ: отъ нихъ до города пятнадцать верстъ всего... Они на это молодецъ, заключилъ старикъ: надо если поспѣть,—поспѣютъ...

— Просто смотритъ на вещи?

— Просто-съ... Они простой баринъ, не понявъ меня отвѣтилъ старикъ номерной.

Съ нѣжными чувствами.

I.

Какъ-то позапрошлой зимой, только что я сѣлъ утромъ работать, вдругъ звонокъ. Было еще очень рано, часовъ восемь, у меня еще горѣли свѣчи:

— Господинъ Челюскинъ..,

— Кто? Челюскинъ? Какой Челюскинъ?

— Они говорятъ, что васъ знаютъ... Изъ вашей губерніи.

Рѣшительно не могъ я припомнить, что за Челюскинъ, но:—Проси.

Ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ совершенно плѣшивый молодой человѣкъ, сильно поношенный и съ лица, въ сѣренькомъ демисезонномъ костюмчикѣ: непріятно-небрежная улыбка нагло, вызывающе какъ-то играла у него на губахъ.

— Челюскинъ... проговорилъ онъ:—Извините... что

я... такъ рано обезпокоилъ васъ... У меня вотъ тутъ— онъ полѣзъ въ карманъ своего пиджачка—письмо вамъ есть... отъ...

Онъ назвалъ фамилію одного моего хорошаго знакомаго въ провинціи.

— Садитесь пожалуйста, сказалъ я.

Мой знакомый писалъ мнѣ слѣдующее:

„... Извини пожалуйста, что я къ тебѣ пишу по такому странному дѣлу и потомъ еще къ тебѣ, т. е. къ твоимъ занятіямъ, совсѣмъ неподходящему. Но вотъ въ чемъ дѣло. Податель этого письма, г. Челюскинъ братъ жены моего брата. Человѣкъ онъ совершенно никуда негодный. Средствъ никакихъ. Братъ давалъ, давалъ ему денегъ—ничего не выходитъ, никакого толку. Помѣщали мы его тутъ на мѣста—ничего не вышло. Одно, говоритъ, можетъ меня спасти это—Петербургъ. Я къ нему привыкъ, воспитывался тамъ, и безъ него я жить не могу...“

„Но это было давно, т. е. когда онъ жилъ въ Петербургѣ, этому ужъ лѣтъ десять и притомъ тогда у него были средства. Я не думаю, чтобы онъ опять могъ попасть въ тотъ же кругъ да къ тому же у него тамъ вышла тогда какая-то исторія...“

„Еслибы ты ему могъ дать какое нибудь дѣло ну, хоть что нибудь—ты бы явилъ великую милость брату и его женѣ и всѣмъ намъ“.

Я дочиталъ письмо и взглянулъ на сидѣвшаго противъ меня молодого человѣка. Онъ попрежнему улыбался полуиронически, полузаискивающе:

— Чего же мнѣ прикажите ожидать? проговорилъ онъ и улыбнулся еще шире.

Я молчалъ, не спѣшилъ ему отвѣчать.

Какое же рѣшеніе вы постановите?

Сказать ему что я ничего не могу для него сдѣлать, что меня даже удивляетъ, какъ это обращаются ко мнѣ съ такой просьбой?.. Но онъ мнѣ вдругъ показался любопытнымъ. Эта наглая улыбка, наглая развязность, нахальство даже почти—все вѣдь это дѣланное, онъ хочетъ всѣмъ этимъ прикрыть свое убожество, даже вотъ этотъ свой потертый костюмчикъ. Онъ такъ глупо воспитанъ, такъ исковерканъ, что онъ не можетъ быть простъ и естественъ, не можетъ просто придти и сказать: дайте мнѣ какое нибудь дѣло, укажите къ кому обратиться. И потомъ, почемъ онъ меня знаетъ? Онъ знаетъ свою среду—людей своей среды, такихъ же изломанныхъ, исковерканныхъ, съ которыми нельзя говорить иначе, потому что покажись имъ иначе, они примутъ его за человѣка не ихъ круга, а что же для нихъ выше ихъ круга?.. Попробую пригрѣю...

Я, право, не знаю, что вамъ отвѣтить... Какое же мѣсто вы бы желали себѣ найдти? сказалъ я:—И потомъ...

Но онъ меня перебилъ:

— Мнѣ не мѣсто... мнѣ надо войдти въ кругъ людей... которые бы...

— Но вѣдь, позвольте, видя, что онъ затрудняется высказать свою мысль, сказалъ я:—въ тотъ кругъ, въ которомъ вы были, по крайней мѣрѣ вотъ какъ пишетъ

Александръ Петровичъ, вамъ попасть опять будетъ затруднительно нѣсколько... Вѣдь состоянія у васъ теперь...

— Я утратилъ...

Ну, такъ вотъ изволите видѣть.

— Мнѣ только бы... прикоснуться... Тамъ ужъ будетъ мое дѣло...

— А потомъ вотъ эта... Вы читали письмо?

— Читалъ, выговорилъ онъ, но не безъ усилія, я это замѣтилъ.

— У васъ была какая-то...

— Исторія?... Да, но вотъ видите, это самая обыкновенная и ничего въ ней тутъ нѣтъ особеннаго... Это мнѣ нисколько не помѣха... И вовсе не изъ-за нее долженъ былъ уѣхать тогда... Гм... хе-хе... я уѣхалъ просто потому, что у меня ужъ... никакихъ средствъ не было и мои кредиторы...

— Вы можете сказать какая это была „исторія“? спросилъ я.

— Дуэль — ничего больше.

— Дуэль?

— Дѣйствительно, я получилъ оскорбленіе, но я дрался и... я даже убилъ моего противника... Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, ударилъ меня... я его вызвалъ... онъ отказался стрѣлять...

— Т. е. какъ же? вы говорите дуэль была у васъ?

— Да. Во время дуэли онъ отказался стрѣлять въ меня, не захотѣлъ... выстрѣлилъ въ воздухъ...

— А вы?

— А я стрѣлялъ...

— Зная, что онъ... вѣдь вы видѣли, что онъ на воздухъ выстрѣлилъ?

— Видѣлъ.

— И стрѣляли?

— Но вѣдь я долженъ же былъ смыть оскорбленіе?... Я выстрѣлилъ въ него — и прямо въ сердце... Не безъ гордости даже проговорилъ онъ и посмотрѣлъ на меня... Это было, продолжалъ онъ, лѣтъ десять. Конечно, это непріятная исторія, заключилъ онъ, но ужъ видимо для меня, желая попасть въ мой тонъ.

— Непріятная исторія — и только? И васъ это... ничего? Не безпокоитъ?...

— Но помилуйте, чтожъ мнѣ оставалось дѣлать?

— Мнѣ кажется, не стрѣлять...

— Позвольте, всѣ меня будутъ бить и потомъ отказываться стрѣлять въ меня... Чтожъ, мнѣ коллекцію пощечинъ что ли собирать?.. И при томъ если бы секунданты потребовали, чтобы мы второй разъ стрѣлялись?.. Вѣдь онъ бы, можетъ быть, выстрѣлилъ тогда въ меня?... отвѣтилъ Челюскинъ и хитро прищурилъ глазъ.

— Значитъ вы убили его... изъ трусости... вы извините меня, но какъ же иначе понять? Изъ вашихъ словъ выходитъ, что если бы вы знали, что васъ не заставятъ второй разъ стрѣляться, или, что онъ и во второй разъ не выстрѣлитъ въ васъ...

— Тогда я бы не стрѣлялъ...

— Я посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Еще разъ извините, пожалуйста: еще одинъ вопросъ: эта дуэль, и вотъ эти подробности ея были извѣстны, ихъ знали въ „вашемъ“ кругу?

— Конечно.

— И, вы говорите, эта „исторія“ тогда вамъ нисколько не повредила?

— Нисколько. Я вамъ говорю, что я уѣхалъ тогда вовсе не поэтому, а вотъ именно... по матеріальнымъ моимъ затрудненіямъ, отвѣтилъ онъ.

— Но вашъ кругъ ничего значитъ противъ этого не имѣлъ?

— Ничего. Даже напротивъ...

И помолчавъ немного продолжалъ:

— Я, повѣрьте, знаю... и я бы себѣ никогда не позволилъ обратиться къ вамъ... если бы я не сознавалъ... Но... я чистъ, на мнѣ нѣтъ пятна...

Въ голосѣ его слышалась искренная, чистосердечная увѣренность въ своей правотѣ, даже какъ будто съ оттѣнкомъ нѣкоторой обиженности, оскорбленное благородство.

— Мнѣ бы вотъ только... прикоснуться... продолжалъ онъ. — Я понимаю, что это очень трудно мнѣ теперь, безъ средствъ... Но я употреблю всѣ усилія, всѣ мои старанія... я знаю, что это моя послѣдняя ставка и повѣрьте...

— „Что же я долженъ, однако, для него сдѣлать?“ думалъ я: — „Чего онъ отъ меня хочетъ?“ „Чтобы я его ввелъ въ дома моихъ знакомыхъ?“ „Или ему денегъ нужно?...“

— Вотъ извольте видѣть, сказалъ я: — у меня вѣдь нѣтъ этого знакомства... т. е. вотъ вашего-то круга. Отдѣльныхъ представителей его я встрѣчаю иногда въ

томъ обществѣ, въ которомъ я вращаюсь, но и то вѣдь случайно, вопервыхъ, и потомъ, очень рѣдко...

— А позвольте мнѣ полюбопытствовать... фамиліи? Т. е. моихъ знакомыхъ, гдѣ я встрѣчаю?...

— Нѣтъ, вотъ этихъ, хе хе...

Я назвалъ.

— Ахъ ,это Сашка! вдругъ воскликнулъ онъ. — Я знаю... и радостная, счастливая, блаженная почти улыбка освѣтила его старчески изношенное, но молодое все-таки по чертамъ лицо.

Я погасилъ свѣчи — было ужъ совсѣмъ почти свѣтло. Мнѣ хотѣлось при дневномъ свѣтѣ разглядѣть хорошенько это его лицо. У меня есть нѣкоторыя примѣты, по которымъ я узнаю изношенность, распознаю какая она, отчего она произшла...

— Въ этотъ домъ... вы не можете?... Когда у нихъ собираются? заговорилъ опять Челюскинъ... — Это все, что я бы отъ васъ... Что вы могли для меня сдѣлать... Больше мнѣ ничего не нужно.

Я попался, онъ меня поймалъ. Я, конечно, не долженъ былъ говорить ему фамиліи. Но я и не долженъ былъ совсѣмъ распространяться съ нимъ. Мнѣ слѣдовало просто тогда же на отрѣзъ отказать ему во всемъ. Но я не сдѣлалъ этого, началъ съ нимъ тянуть какую-то канитель, наблюдать, изучать его — и вотъ выворачивайся теперь. Нахалъ — развѣ отъ него теперь скоро отдѣлаешься?... Это позднее пониманіе своей ошибки и безцеремонность его, съ которой онъ у меня расположился и, повидимому, на долго, начала, какъ всегда и со всѣми почти это бываетъ, раздражать меня.

— Я не знаю-съ, сказалъ я. — Я, по крайней мѣрѣ такъ скоро не могу. Мы вѣдь, согласитесь... какъ же мы съ вами знакомы? Сейчасъ вотъ только первый разъ я васъ увидѣлъ... и сейчасъ же?... Надо подождать...

— Но, m-r Т., я увѣряю васъ, представивъ меня, вы...

— Все равно-съ. Какъ же это такъ? Помилуйте... и потомъ...

Я посмотрѣлъ на письмо.

— Вы на это не обращайте вниманія, сказалъ онъ, указывая мнѣ глазами на письмо-же. Я знаю его вѣдь, я читалъ. Я взялъ его просто для того, чтобы попасть къ вамъ, чтобы меня приняли, знали бы кто я...

Но я ужъ укрѣпился и стоялъ на своемъ, рѣшившись ни за что ему не уступать. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Какъ же это такъ тащить въ семейный домъ Богъ знаетъ кого... отъ котораго и родные-то не знаютъ какъ отдѣлаться.

Онъ посидѣлъ у меня еще съ полчаса и, наконецъ, сталъ прощаться:

— Вы мнѣ позвольте какъ нибудь опять зайти къ вамъ?

— Хорошо-съ, сухо отвѣтилъ я.

II.

Прошло послѣ этого, т. е. вотъ какъ былъ у меня Челюскинъ (онъ былъ на другой день по пріѣздѣ) и, слѣдовательно, послѣ того, какъ Петербургъ принялъ его, это чадо свое, въ свои объятія, ну, много, если двѣ недѣли.

Былъ рождественскій сочельникъ. У меня въ квартирѣ все мыли, чистили и я, по обыкновенію, на все это время уѣхалъ. Обѣдать я попалъ въ этотъ день въ одинъ старый, уцѣлѣвшій еще отъ „лучшихъ временъ“ французскій ресторанъ. Въ общихъ комнатахъ, когда я вошелъ, никого почти не было. Только въ углу за отдѣльнымъ столикомъ сидѣло трое какихъ-то молодыхъ людей съ ними четвертый, спиною ко мнѣ, плѣшивый старикъ. Я на нихъ не обратилъ никакого вниманія,— они на меня. Я выбралъ себѣ столикъ, сѣлъ и началъ просматривать карточку обѣда. Вдругъ я услыхалъ среди пустоты и тишины, царствовавшихъ въ ресторанѣ, фразу: „Нѣтъ, провинція, если ее культивировать“...

Я долженъ замѣтить, что я очень ревнивъ и внимателенъ ко всему, что слышу о провинціи. Тутъ же я услыхалъ еще фразу, произнесенную съ претензіей на авторитетъ и съ какимъ-то даже апломбомъ: посвященный въ тайны знанія провинціи посвящалъ непосвященныхъ... Не выпуская изъ рукъ карточки, я посмотрѣлъ на нихъ и началъ прислушиваться. Молодые люди, т. е. такъ, тридцатилѣтки, правильнѣе, молодящіеся и одѣтые молодыми людьми, допивали стоявшее передъ ними въ бокалахъ шампанское. Лакей татаринъ принесъ имъ коньякъ, кофе и наливалъ его въ маленькія низенькія пестренькія чашечки. Мнѣ показалось, что вся компанія была уже порядочно таки выпивши. Они путали что-то такое о провинціи, и о Петербургѣ, мѣшали это съ какими-то новостями изъ департаментовъ, съ городскими сплетнями. Чепуха какая-то и я

пересталъ ихъ слушать. Вдругъ произнесъ кто-то фамилію Челюскинъ:

— Послушай Челюскинъ, а ты, чортъ тебя побери, много за это время вытерпѣлъ? А, что?

И я услыхалъ вслѣдъ затѣмъ голосъ Челюскина, отвѣчавшаго въ шутливомъ тонѣ:

— Не хочешь ли испытать?... Имѣніе у сестры громадное. Домъ, представь себѣ, это цѣлый сарай какой-то. И въ немъ, кромѣ ея и ея мужа, никого. Никого!... Кричалъ захмѣлѣвшій очевидно Челюскинъ: — Горничной ни одной порядочной нѣтъ...

— И сколько ты тамъ пробылъ?

— Семь лѣтъ. Семь лучшихъ лѣтъ жизни!... Нѣтъ, кто мнѣ вернетъ ихъ? кричалъ Челюскинъ, А, что?..

На это ему возражали, обвиняя его же въ излишней слабости, довѣріи. Зачѣмъ онъ такъ довѣрился сестрѣ. Что если имѣніе должно было принадлежать ему, зачѣмъ онъ оставлялъ его до сихъ поръ на имя сестры и опять: — А, что?..

У Челюскина, я зналъ уже изъ письма, ничего не было — что у него было, онъ все уже спустилъ. Стало быть этотъ разсказъ, очевидно съ его словъ, о какомъ-то захваченномъ у него сестрою его имѣніи — ложь, выдумка его самого, пущенная имъ въ ходъ для какихъ нибудь поганенькихъ цѣлей, наконецъ, просто, чтобы порисоваться передъ пріятелями.

— Послушай Челюскинъ, опять заговорилъ кто-то: — Ты какъ же теперь? Вы вмѣстѣ съ барономъ живете? Пополамъ?

— Пополамъ. Тамъ, что въ мѣсяцъ расходу: квартира, столъ, прислуга, вся эта мелочь... Тамъ, послѣ, дѣлимъ пополамъ. А, что?

— Но вѣдь онъ не платитъ, у него денегъ нѣтъ. Какъ же это, тебѣ одному придется платить.

— Онъ получитъ.

— Откуда это?

— У него тетка скоро умретъ.

— Онъ у тебя занялъ?

— Пустяки: пять сотъ руб.

— „Что за чертъ"? думалъ я: — „откуда у него-то деньги? Явился онъ тогда ко мнѣ чуть-чуть не оборванный, въ какомъ-то сѣренькомъ пиджачкѣ и вдругъ, черезъ какихъ-нибудь двѣ недѣли пятьсотъ рублей для него ужъ пустяки... Но Челюскинъ это говорилъ такимъ тономъ и потомъ вотъ я вижу ужъ онъ и совсѣмъ иначе одѣтъ...

Наконецъ они позвали лакея, спросили счетъ.

— Челюскинъ, ты за меня заплатишь? А, что?.... услыхалъ я, спросилъ его кто-то, когда татаринъ отошелъ отъ нихъ писать счетъ.

— Хорошо, небрежно отвѣтилъ ему Челюскинъ: что, дескать, объ этомъ толковать, стоитъ ли изъ такихъ пустяковъ.

Въ ожиданіи пока подадутъ имъ счетъ, компанія начала обсуждать куда имъ отсюда ѣхать, куда дѣваться вечеромъ? Перечислялись: театры, оперетка. Кто-то предлагалъ ѣхать на какой-то благотворительный балъ маскарадъ...

— Ахъ, да — позвольте! вдругъ воскликнулъ одинъ изъ нихъ: — вѣдь сегодня сочельникъ... Вы и забыли. Нигдѣ ничего нѣтъ, все заперто.

Компанія сразу такъ и осѣла.

Въ самомъ дѣлѣ. Какъ же это такъ? Куда же это намъ теперь?

Начались разсужденія, какъ это глупо, что вотъ теперь, когда дѣваться некуда, поневолѣ поѣдешь... и т. д., и т. д.

— И завтра будетъ заперто?

И завтра. А. что?..

Татаринъ, между тѣмъ, принесъ счетъ. Они начали вынимать деньги, платить, а такъ какъ вопросъ, куда ѣхать и вообще куда дѣваться сегодня, не былъ еще у нихъ рѣшенъ, то пока велѣли подать еще одну бутылку шампанскаго.

Кто-то предложилъ ѣхать къ Х.

Онъ премилый. У него навѣрно кто-нибудь есть? Ты утромъ у него никогда не былъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, представь у него какой обычай по утрамъ. Какъ онъ проснется, приходятъ его товарищи, другіе офицеры, и они посылаютъ за газетами. Приноситъ цѣлый пукъ, ну, разныхъ, всякихъ тамъ и затѣмъ онъ приказываетъ, деньщику топтать и мять ихъ ногами. Это называется у нихъ „борьба съ прессой“...

Хохотъ, цѣлый взрывъ хохота раздался.

— Это очень мило!

— Очень. А, что?

Потомъ они начали опять обсуждать куда дѣваться? Посѣщеніе X. было почему-то отвергнуто.

— А къ этой... Вотъ что съ тобой тогда была. Какъ ее?..

— Къ Алисѣ?

— Да.

— Челюскинъ, ты поѣдешь? Ну, отчего? Теперь можно. Если бы она не спустила ихъ съ рукъ, она бы тебѣ давно написала.

— Что такое? Отчего онъ не ѣдетъ? Ты отчего не хочешь къ ней ѣхать?—послышались другіе голоса.

Челюскинъ притворно разсмѣялся и началъ:

— Вотъ видите... Мнѣ попалось нѣсколько фальшивыхъ двадцати пяти рублевокъ...

— Ну?

— Т. е. кто ихъ знаетъ, можетъ и не фальшивыя онѣ, только ихъ нигдѣ не брали.

Ты ихъ ей и отпустилъ?

И опять дружный, общій, раскатистый хохотъ.

Наконецъ они на чемъ-то покончили, сговорились, порѣшили куда-то ѣхать и поднялись всѣ разомъ. Разговаривая съ кѣмъ-то изъ товарищей, Челюскинъ прошелъ мимо меня, совсѣмъ возлѣ, къ удовольствію моему, не замѣтивъ вовсе меня.

Метаморфоза, происшедшая съ Челюскинымъ, меня, конечно, заинтересовала: я не могу сказать: удивила, потому что здѣсь, въ Петербургѣ я ужъ давно привыкъ ничему не удивляться, особенно тому, что происходитъ съ господами подобными Челюскину.

— Но какъ, какимъ путемъ, на какой манеръ? думалъ только я:—Мошеничествомъ какимъ? Дутыми векселями? Шулерниченьемъ?

Я терялся въ догадкахъ и ни на чемъ не могъ остановиться.

Петербургъ, конечно, городъ большой, странный, у него могутъ быть странные причуды, странные вкусы, странныя чувства, но что же это такое? Я зналъ также, что этимъ своимъ странностямъ, своимъ причудамъ, своимъ страннымъ вкусомъ онъ всегда, благодаря обилію проживающей въ немъ всякой горечи—оборванной, голодной, несчастной, но жадной, избалованной и развращенной—находитъ удовлетвореніе или, по крайней мѣрѣ ужъ

«Любому чувству суррогатъ»,

по выраженію поэта, всегда можетъ быть къ его услугамъ отысканъ. Но въ качествѣ чего и причемъ тутъ можетъ быть Челюскинъ?

Челюскинъ потребляющій, пожирающій всякіе петербургскіе консервы и суррогаты, Челюскинъ, однимъ словомъ, въ видѣ спроса мнѣ былъ понятенъ, разумѣется но Челюскинъ въ видѣ предложенія—что такое онъ можетъ предложить? это была для меня задача неразрѣшимая и, повторяю, крайне заинтересовавшая меня.

III.

Прошло еще нѣсколько дней. Было такъ должно быть 27, 28 декабря. Я шелъ по Невскому съ однимъ знакомымъ офицеромъ. Вдругъ въ мѣстности, около Полицейскаго моста, я увидѣлъ—они шли на встрѣчу

намъ и были отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ—Челюскина и какого-то еще другого молодого человѣка—блѣдно-прозрачное лицо, остановившаяся улыбка и какіе-то точно потухшіе глаза. Челюскинъ увидалъ меня и тоже распустилъ на лицѣ пріятную улыбку. Но онъ, сверхъ ожиданія, былъ, какъ оказалось, знакомъ и съ офицеромъ, съ которымъ я шелъ. Челюскинъ былъ одѣтъ съ иголочки и весь въ бобрахъ.

— День какой чудный? началъ онъ, пожимая намъ обоимъ руки.

Его спутникъ, блѣдный молодой человѣкъ, стоялъ не въ далекѣ отъ насъ и продолжалъ улыбаться:

— Мы вотъ съ барономъ ужъ съ часъ какъ гуляемъ. Вы не знакомы? Позвольте вамъ представить?

Онъ, назвалъ что-то въ родѣ: баронъ Шпигельциммеръ, Мильхзуппе въ этомъ родѣ. Баронъ улыбнулся еще пріятнѣе и тоже заговорилъ что-то о погодѣ, о пользѣ моціона и проч.

— Эта сидячая, замкнутая жизнь, эти полуночничанія... говорилъ онъ, ломаясь какъ-то передъ нами и растягивая слова, какъ бы стараясь подыскать выраженіе. Почему-то, говоря это, онъ обращался преимущественно ко мнѣ. Чтобы что-нибудь ему отвѣтить, я сказалъ:

— А вы что же, служите и потомъ кутите, полуночничаете вотъ съ... господиномъ Челюскинымъ.

Я не зналъ, какъ его назвать по имени.

— Ха, ха. А, что? Нѣтъ, я не служу. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Мы живемъ только съ нимъ вмѣстѣ. У насъ собираются... А, что?..

Челюскинъ въ это время бесѣдовалъ съ офицеромъ и я услыхалъ, они называли фамиліи многихъ нашихъ же общихъ знакомыхъ.

— „Почемъ же это онъ, Челюскинъ-то, можетъ ихъ знать?“ думалъ я. „Когда же это онъ успѣлъ?“.

Наконецъ онъ обратился ко мнѣ:

— Ну, какъ поживаете?

— Ничего-съ.

— Все тамъ же?

— Т. е. какъ: тамъ же?

— Ну, на дачѣ? И зиму и лѣто?.. Ужасно далеко. Но это имѣетъ и свои достоинства. Эта тишина. Это уединеніе. Я знаю, вѣдь вы любитель деревни... Я на дняхъ буду у васъ. У меня есть къ вамъ маленькое дѣльце... Порученіе. А, что? Вы позволите?

Я что то сухо отвѣтилъ ему.

Онъ мнѣ становился противенъ, хотя и не переставалъ интересовать своей судьбой, т. е. этой своей „карьерой“, которую онъ такъ быстро, на моихъ глазахъ можно сказать, сдѣлалъ въ нѣсколько дней.

— Одно маленькое пустое дѣльце, продолжалъ онъ.

— Да въ чемъ оно? Вы скажите.

— Нѣтъ, теперь еще нельзя. Надо нѣсколько дней подождать. Я къ вамъ, если позволите, утромъ же, такъ, какъ и прошлый разъ.

Я молча кивнулъ головой вмѣсто отвѣта.

Тогда онъ опять обратился къ офицеру:

— Ну, вотъ вы, знатокъ и любитель лошадей,— оцѣните мою послѣднюю покупку, сказалъ онъ и потя-

нулъ его за рукавъ къ краю панели, возлѣ которой стоялъ великолѣпный, длинный вороной рысакъ. Я тоже внимательно обвелъ глазами лошадь. Это была очень картинная, что называется, но ужъ не первой молодости лошадь и потомъ ножки какъ будто ужъ тронуты. Кучеръ мнѣ показался еще подозрительнѣе: какой-то нѣжненькій, тоненькій, съ едва пробивающимися черненькими усиками, съ блѣднымъ, почти матоваго цвѣта лицомъ—мальчишка какой-то, а вовсе не кучеръ. На видъ ему было, ну, самое большее, семнадцать, восемнадцать лѣтъ... Лошадь мотнула головой и руки у него съ возжами такъ и подпрыгнули кверху—совсѣмъ безъ силы...

Когда я обратилъ вниманіе на кучера и оглядѣлъ его, я съ удивленіемъ сталъ смотрѣть на Челюскина и на барона:—Это что еще такое?..

— Очень хорошая лошадь, очень хорошая, говорилъ офицеръ, съ видомъ знатока разсматривая ея „тронутыя“ ножки.

— Ну, оцѣните, спрашивалъ его баронъ.

Челюскинъ въ это время заговорилъ съ кучеромъ:— Тебѣ не холодно? А? Что?

— Ничего, улыбаясь отвѣчалъ кучеръ.

— Мы сейчасъ домой поѣдемъ, точно въ успокоеніе или въ утѣшеніе ему отвѣтилъ Челюскинъ. И обратясь ко мнѣ сказалъ по французски:—отличный кучеръ, я такъ имъ доволенъ.

Я молча смотрѣлъ на него.

— И потомъ я не люблю, терпѣть не могу этихъ

бородачей—этой московской моды. Тамъ у всякой купчихи непремѣнно кучеръ во, съ какой бородой... Точно лопата. И потомъ брюхо съ подушками... безобразіе. А, что?..

Офицеръ осмотрѣлъ лошадь, мы постояли еще немного съ ними, раскланялись и пошли, а они оба сѣли въ узенькія санки и поѣхали. Я въ полъоборота слѣдилъ за ними, т. е. собственно за кучеромъ, какъ онъ справится въ этой толкотнѣ на Невскомъ, въ самый разгаръ, когда „весь Петербургъ" катается на немъ и гоняется. Ничего, справился, выбрался на свою сторону и вѣрно пустилъ лошадь.

— Задача этотъ Челюскинъ сказалъ я офицеру моему спутнику.

— Петербургъ!.. со вздохомъ и смѣясь отвѣтилъ, офицеръ.

— Да, но такъ скоро.

— А вы его давно знаете?

— Да мѣсяца нѣтъ какъ пріѣхалъ онъ и былъ у меня... съ письмомъ отъ своихъ родственниковъ, чтобы я нашелъ ему какое нибудь дѣло.

— Ну и что-жъ вы ему нашли?

— Да ничего не нашелъ. И не искалъ даже.

— Такъ значитъ онъ самъ нашелъ?

— Богъ его знаетъ. Не знаю.

— Какое же такое мѣсто онъ могъ достать? соображалъ офицеръ.

— Не знаю. Я вамъ говорю, что онъ для меня—задача. Я просто понять не могу, откуда это все у

него. Третьяго дня я его у Донона видѣлъ. Цѣлая компанія ихъ была тамъ, онъ за всѣхъ платилъ... Швыряетъ деньгами, роздаетъ взаймы... А этотъ баронъ что за птица? спросилъ я.

— Не знаю. Встрѣчаю я его такъ въ обществѣ. Онъ принятъ, а кто онъ и что онъ за птица—не знаю.

— Я знаю изъ ихъ разговора—тамъ въ ресторанѣ они тогда говорили—что онъ долженъ, въ долгу весь и что Челюскинъ платитъ за него, они вмѣстѣ живутъ.

— Не знаю. И Челюскина-то этого я вчера только первый разъ видѣлъ, меня познакомили въ одномъ домѣ. Да вы знаете NN***? У нихъ въ домѣ...

Мы распространились съ моимъ спутникомъ объ „обществѣ", о томъ, какую только сволочь нельзя въ немъ встрѣтить. Лишь бы только у человѣка было заглавіе „приличное" и довольно, а что такое онъ въ сущности, по существу, к что этимъ заглавіемъ его прикрывается—до этого точно и дѣла никому нѣтъ.

— Ну, вотъ хоть бы эти NN***? Вѣдь у нихъ дочери, взрослыя ужъ дѣвушки. Ну, какже это пускаютъ всякую дрянь? Вѣдь можетъ чортъ знаетъ что выйдти... можетъ сплести потомъ такую сплетню...

Мой спутникъ пожалъ плечами...

— Нѣтъ, это-то еще ничего—дочери, а у нихъ сыновья ужъ большіе, вотъ для нихъ это очень полезное знакомство... И потомъ будутъ удивляться, что изъ скромныхъ, порядочныхъ, воспитанныхъ мальчиковъ, выйдутъ вдругъ негодяи? Откуда? Какъ? Да вѣдь они же видятъ ихъ, встрѣчаются, знакомятся, можетъ еще визитами

мѣняются... Да, у насъ на счетъ этого еще просто какъ-то... Дѣйствительно, только бы заглавіе. . Да позвольте, вдругъ сталъ вспоминать мой спутникъ, его мнѣ вчера представляли, этого вашего Челюскина, подъ... подъ какимъ лишь заглавіемъ?... Ахъ, Боже ты мой. Какъ это я забывать сталъ нынче все?... Да такъ-съ, онъ — вдругъ вспомнивъ, рѣшительно заговорилъ мой знакомый—онъ секретарь какой-то коммиссіи...

Онъ назвалъ коммиссію.

Я пожалъ только плечами.

— Да, да, Это вѣрно, сказалъ мой спутникъ...

IV.

Такъ называемые высокоторжественные дни, какъ напримѣръ Новый годъ, Рождество, первый день Святой и проч., я, въ качествѣ неслужащаго, обыкновенно просиживаю дома. Оффиціальные визиты для меня необязательны, а частные представляются и всегда представлялись мнѣ невыразимо глупыми.

Въ эти дни я всегда сижу дома и провожу обыкновенно самымъ пріятнѣйшимъ для меня образомъ: я въ эти дни всегда убираю и разбираю у себя въ кабинетѣ—очищаю столъ и мою конторку отъ ненужныхъ накопившихся бумагъ, разбираю и рву ненужныя рукописи (свои и чужія), а главное я разбираю и прочитываю накопившіяся (всегда болѣе, чѣмъ въ изобиліи) письма. Мои добрые знакомые знаютъ эту мою слабость и также оставляютъ меня въ покоѣ, не пріѣзжаютъ ни сами съ визитами, ни присылаютъ карточки, за что я имъ всегда очень благодаренъ.

Такъ точно я собрался было, и даже ужь и приступилъ къ этому, провести день и вотъ только что встрѣченнаго нами Новаго года. Я успѣлъ уже разобрать бумаги, т. е. толстыя прочитанныя тетради, рукописи, отложилъ нужное отъ ненужнаго (отвѣялъ плевелы отъ пшеницы), щеточкой очистилъ отъ пыли и сору мѣсто, гдѣ онѣ у меня лежали и куда они, т. е. соръ и пыль, все таки какъ-то забиралась, и только что хотѣлъ было сдѣлать себѣ антрактъ—позавтракать—чтобы потомъ съ большимъ комфортомъ, съ сигарой и помѣстившись въ креслѣ приняться за разборъ и чтеніе писемъ—этихъ выболтанныхъ мыслей—какъ вдругъ раздался довольно громкій, во всякомъ случаѣ увѣренный и нецеремонный звонокъ:

Господинъ Челюскинъ и съ нимъ... баронъ; а фамилію я... извините забылъ.

— И что жъ ты сказалъ? Что я дома?

— Да-съ.

Было ужъ поздно. Въ отворенную дверь изъ кабинета я видѣлъ вошедшихъ гг. Челюскина и вотъ этого барона Шпигельцимера или какъ онъ тамъ назывался. Они прохаживались и топтались на мѣстѣ, очевидно, давали мнѣ время одѣться и встрѣтить ихъ, выйдти къ нимъ и поэтому сами не входили въ кабинетъ.

— Проси, сказалъ я, только извинись, что я не очень здоровъ.

Оба они были одѣты съ иголочки: въ обтяжку, штаны узенькіе, носокъ у батинокъ стерлядкой, галстукъ какой-то невѣроятный—все, какъ предписано гг. Тедески, Флоранами, Пешекомъ, Интомъ и проч. проч.

— Чѣмъ могу служить? встрѣтилъ я ихъ.

— Во-первыхъ, съ новымъ годомъ, проговорили они оба.

И потомъ баронъ отдѣльно:

— Извините, что въ этотъ день...

— Все равно-съ. Я всегда въ этотъ день дома сижу.

— Мы съ васъ начали сегодня наши визиты.

— Я промолчалъ. Мы всѣ сѣли.

— Можно? спросилъ Челюскинъ, вынимая сигару и показывая ее мнѣ.

— Пожалуйста.

Баронъ тоже вынулъ изъ кармана своего сюртука сигару. Я зажегъ свѣчку на столѣ и подвинулъ къ нимъ.

А-а... вотъ видите... началъ Челюскинъ и заикнулся, закуривая и выпуская изо рта дымъ: — дѣло вотъ въ чемъ... Одинъ кружокъ... (опять выпусканіе дыма) высшаго общества... намѣренъ основать одно новое благотворительное общество...

Я молчалъ.

— Вотъ и баронъ принимаетъ участіе, сослался на него Челюскинъ.

Баронъ сказалъ, что-то въ родѣ: о, да... я конечно... это такъ необходимо...

— Кружокъ, составленный изъ лучшихъ фамилій продолжалъ Челюскинъ. Графиня В., графиня Д., княгиня М., баронеса Л... и пошелъ, и пошелъ...

Я слушалъ и только посматривалъ то на того, то на другого, по временамъ переспрашивалъ ихъ: эта княгиня Л., или графиня М. не такая-ли, не жена-ли такого-то.

— Да, да, эта самая, отвѣчали они или пускались объяснять мнѣ ея родословную и родословную ея мужа.

— Дальше-съ, проговорилъ я, когда они оба—они, наконецъ, начали говорить оба — опять нѣсколько позамялись.

— Было-бы желательно, началъ Челюскинъ, нѣсколько призондировать... почву... Вообще, какъ это, съ какимъ сочувствіемъ будетъ встрѣчено обществомъ, публикой... поправился онъ. А, что?...

Онъ уставился на меня.

— Не знаю. Почемъ же я знаю, сказалъ я, смотря на него.

Нѣтъ, я понимаю. Было-бы желательно путемъ печати... путемъ прессы... Эдакій, знаете, пробный шаръ, пояснилъ баронъ и сладко улыбнувшись тоже уставился на меня въ ожиданіи отвѣта.

— Не знаю, повторилъ я. Попробуйте... если это вамъ нужно, интересуетъ васъ.

Мы вотъ, между прочимъ, отчасти и за этимъ къ вамъ... сказалъ баронъ.

Это, во-первыхъ, для васъ новость будетъ, сообщите объ этомъ первые и потомъ мы вамъ дадимъ матеріалъ... продолжалъ дальше за него Челюскинъ.

Меня это немножко даже взорвало, покоробило. Какъ это? Какой-то Челюскинъ заботится о доставленіи мнѣ матеріала. Воображаетъ, что я не найду его безъ него, нуждаюсь я въ немъ очень!..

— Это ни для кого не интересно, сказалъ я.

Они оба удивленно остановились:

— Т. е. какъ?

— Такъ, что это никого не интересуетъ.

Они переглядывались и молчали.

— Да чтожъ тутъ можетъ-то быть интереснаго? Вы извините меня, продолжалъ я. Двумъ, тремъ какимъ-то нервнымъ барынямъ, ничего не дѣлающимъ, отроду ничего, ни копѣйки себѣ, своимъ трудомъ не заработавшимъ, приходитъ въ голову шальная мысль учредить общество поощренія къ труду оставшихся безъ мѣста нянекъ, гувернантокъ, боннъ и проч., и эта затѣя ихъ вы думаете, можетъ кому нибудь, развѣ кромѣ ихъ самихъ, показаться, ну, хоть сколько нибудь интересной?

Они сидѣли молча, улыбались, потупивъ глаза. „Какой ты, однако, профанъ", навѣрно обо мнѣ думали они.

Наконецъ Челюскинъ сказалъ.

— Но въ такомъ случаѣ нельзя-ли просто заявить объ этомъ фактѣ. Знаете, какъ это у васъ пишется: „мы слышали, графиня М. и баронесса Д... началъ было онъ.

— Можно, конечно, сказалъ я.

— Это знаете...

— Понимаю, реклама имъ...

Кому? Графинѣ М? Баронессѣ Д?.. чуть не воскликнулъ Челюскинъ...

— Да. А чтожъ?

Онъ притворно разсмѣялся.

— А вы думаете что имъ не нужно рекламы? Что онѣ въ ней не нуждаются? Да еще какъ нужно-то. Да знаете-ли вы, что они разсылаютъ своихъ протеже по редакціямъ и сами шляются, упрашивая, чтобы объ нихъ объ ихъ затѣяхъ хоть что нибудь напечатали, объ ихъ этихъ...

— Какъ и графиня Д?

— Да ужъ этого я вамъ не могу сказать: Д, Б, К, Л—это все равно. Шляются М, Н, Р, вообще эти вотъ учредительницы-покровительницы...

— И пресса къ нимъ такъ относится?..

— Т. е. какъ?

— М... вотъ такъ, какъ вы говорите?

— Да какже иначе-то?

Они переглянулись и молчали съ кислыми минами.

— Я вамъ, извольте, напечатаю, опять началъ я:— но какой, можете вы мнѣ сказать, интересъ собственно вамъ? Сдѣлать любезность, одолженіе этимъ Б., М., Л? Да?...

— Т. е. Конечно, это будетъ имъ очень пріятно, они увидятъ въ этомъ сочувствіе, начали они оба.

— И вы можетъ хотите, чтобы я еще напечаталъ и ваши фамиліи при этомъ?

— О нѣтъ.

— Отчего? Можно и это.

— Нѣтъ, этого не нужно.

— Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, предложилъ я. Это все можно.

— Нѣтъ, мы должны остаться...

— Въ тѣни, покамѣсть?

— Да. Потомъ, въ числѣ учредителей...

— Да, вѣдь дамы учредительницы?

— У насъ будутъ и мужчины...

Но меня, я не знаю почему, вдругъ взяло какое-то подозрѣніе не подозрѣніе, а такъ, сомнѣніе, голосъ предусмотрительности, и я сказалъ:

— Только вы вотъ что: если хотите, чтобъ я напечаталъ вамъ это извѣстіе, вы напишите мнѣ за общей вашей подписью письмо объ этомъ, въ которомъ вы просите напечатать все это.

— Какъ? вы письмо это хотите напечатать?

— Нѣтъ, не письмо я буду печатать, а свое извѣстіе, вотъ что я буду печатать, чтобы это (и я безъ этого не согласенъ) основаніе для этого было у меня въ вашемъ письмѣ ко мнѣ.

— Но вы его не огласите?

— Нѣтъ, если не будетъ опроверженія со стороны этихъ вашихъ благотворительныхъ дамъ-учредительницъ.

Помилуйте, напротивъ, онѣ будутъ очень благодарны намъ.

— Такъ вотъ садитесь и пишите.

Они усѣлись сочинять, а я смотрѣлъ на нихъ. „Но все-таки чѣмъ они живутъ? Чѣмъ этотъ Челюскинъ живетъ?“...

— Коротенькое вѣдь вамъ письмо?

— Да, да... коротенькое, какое хотите.

— „Не можетъ-же быть, чтобъ они жили, могли ужъ жить хищеніемъ изъ этого общества. Оно вѣдь еще

только предполагается къ учрежденію? А можетъ быть у нихъ ужъ собрано на это сколько-нибудь тамъ денегъ? Мало-ли дуръ и дураковъ и въ Петербургѣ?" думалъ я.

Они, наконецъ, написали.

— Вотъ такъ хорошо? спросилъ Челюскинъ и прочиталъ мнѣ.

— Хорошо, отвѣтилъ я.

Въ это время въ дверяхъ показался мой слуга, старикъ „Павлуша", пріѣхавшій сюда со мною изъ деревни, человѣкъ очень почтенный, преданный мнѣ, не менѣе чѣмъ преданъ ему я, но очень наивный вмѣстѣ съ тѣмъ и ужъ, по старости, забывающій, что я ему часто иногда говорю или чѣмъ совѣтую руководствоваться. Онъ очень радушно и очень громко проговорилъ:—„Фрыштыкъ готовъ".

Мои гости подписали между тѣмъ письмо и стояли у стола, посматривая на него. Мнѣ оставалось только спросить ихъ, не хотятъ-ли вмѣстѣ со мной и они выпить рюмку водки, и я ихъ спросилъ объ этомъ.

— Пожалуй. Я съ удовольствіемъ. Холодъ нынче какой, страхъ, пожимаясь отвѣтилъ Челюскинъ и потеръ руки. Баронъ сдѣлалъ то же самое.

— Пожалуйте, позвалъ я ихъ.

— А вотъ Мишель, онъ теперь, я думаю, замерзъ совсѣмъ, заглядывая въ окна говорилъ, идя впереди всѣхъ, Челюскинъ.

Столовая у меня выходитъ на ту же сторону, гдѣ и подъѣздъ. Челюскинъ увидѣлъ въ окно кучера своего съ лошадью и кивалъ ему, точно въ утѣшеніе, головой.

Баронъ подошелъ тоже къ окну и тоже кивалъ ему. Блѣдный мальчишка-кучеръ съ черненькими, едва пробивающимися на губахъ усиками улыбался имъ оттуда, со двора...

— Да вы пошлите ему туда водки, предложилъ я.— Кусокъ чего-нибудь на закуску.

— Ахъ, вотъ это, если можно, обрадовался Челюскинъ. Онъ такъ озябъ навѣрно. Но только вѣдь онъ водки не пьетъ. Я вижу у васъ вотъ тутъ доппель-кюммель. Онъ его такъ любитъ. Если позволите...

— Сдѣлайте одолженіе.

— А потомъ чѣмъ-бы ему закусить? озирая закуску, говорилъ Челюскинъ.

— А вотъ это что? Это сардинки? Это что? Это тертые рябчики, помогалъ выбирать ему баронъ.

— Онъ колбасики любитъ. . вотъ ему чего... и потомъ кусочекъ сыру... говорилъ Челюскинъ...

Налилъ крошечную рюмку доппель-кюммелю, взялъ два кусочка бѣлаго хлѣба, положилъ на нихъ маленькую колбаску, тоненькій кусочекъ сыру и обратился къ „Павлушѣ“:—Если можно, будьте такъ любезны, вынесите это нашему кучеру. Его зовутъ Мишель, вороная лошадь.

И оба опятъ чуть не кинулись къ окну смотрѣть, какъ онъ будетъ пить и закусывать, когда „Павлуша“ ему вынесетъ.

— Выпилъ?

— Выпилъ!... Ну вотъ теперь согрѣется хоть немного, оба говорили они чуть не въ одинъ голосъ.

Я не знаю, почему-то я разсмѣялся. Они кромѣ всего были еще невозможно глупы въ этой своей нѣжности...

Они оба тоже выпили по маленькой рюмкѣ доппелькюммелю, закусили какой-то рыбкой и начали торопиться уѣзжать, извиняясь, что не могутъ дольше остаться, такъ какъ имъ надо сегодня еще туда-то и туда-то.

Я въ окно смотрѣлъ, какъ они сѣли въ узенькія санки свои. Лошадь могуче дернула, потянула возжи и съ возжами чуть не сорвала съ козелъ кучеренка. Онъ такъ и вытянулъ, бѣдный, руки, едва удержавшись, чтобъ не выскочить изъ-за фартука:

— Вотъ что „Павлуша", сказалъ я: — Ты однако ихъ не пускай въ другой разъ. Не нужно... Когда-бы не пріѣхали — дома нѣтъ. Понимаешь, никогда нѣтъ дома...

ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ.

Надинька вовсе не единственная моя кузина. У меня есть еще и Соничка. Въ то время, когда Надиника „по любви“ вышла за интендантскаго офицера, Соничка была уже давно замужемъ и имѣла дѣтей. Но въ началѣ они ничего, кромѣ огорченія, ей не приносили потому, что мужъ ея въ то время хотя и былъ уже предсѣдателемъ казенной палаты, но потомственнаго дворянства еще не имѣлъ, а слѣдовательно и дѣти были, такъ сказать, полублагородные и ни въ какое „порядочное“ заведеніе, т. е. ни въ Училище Статскихъ Юнкеровъ, ни въ Лошадиное Училище, ни даже въ Жеребячій Пансіонъ (приготовительный къ Лошадиному Училищу) поступить не могли. И, я помню, это ее, бѣдную, ужасно убивало. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ „мы“, ея кузены, были въ этихъ самыхъ заведеніяхъ, манеры оттого имѣли прекрасныя, карьеру удивительную и будущность наша была свѣтла и необозрима, а они, ея дѣти,—Петинька, Ѳединька и

Евлампiй (одно ужь это имя чего стоитъ! Это „онъ“ настоялъ, чтобы дали такое. У него есть богатый братъ и тоже Евлампiй—такъ въ честь его)—самое болшое, если будутъ приняты въ военную гимназiю (все-таки благороднѣе гражданской).

— Господи, когда бы это поскорѣй... говорила бывало она.

— О чемъ это ты, мой другъ?

— Да все о дѣтяхъ. Когда это „его“ произведутъ въ генералы...

— Хочется?

— Вотъ ужь мнѣ-то все равно...

А все-таки... Не говори.

Ей-богу, все равно... Но дѣти, дѣти... Ахъ, они у меня изъ головы не выходятъ!.. Петянькѣ, подумай, ужь девятый годъ. Если еще чрезъ два года „онъ“ не бубудетъ произведенъ, вѣдь мальчику на вѣкъ дорога будетъ закрыта.

— Это какъ же?

— Да вѣдь одиннадцати лѣтъ никуда ужъ не принимаютъ...

Но Богъ смиловался надъ ними. „Онъ“ былъ наконецъ произведенъ. Сейчасъ же разумѣется были приняты всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе тамъ, въ департаментѣ герольдiи придумали приличный гербъ (придумали: въ червленномъ полѣ гусь, стоящiй на одной ногѣ. Внизу два яйца, еще что-то такое). Соничка не теряя минуты, сама поскаала въ Петербургъ хлопотать о принятiи старшаго сына Петиньки въ Училище Стат-

скихъ Юнкеровъ. Я помню, она была въ это время какъ угорѣлая: въ день дѣлала по двадцати визитовъ; какъ серна скакала по лѣстницамъ и однажды, преслѣдуя какого-то нужнаго человѣка, очутилась даже въ „Демидронѣ“.

Но въ концѣ концовъ она всетаки своего достигла— Петинку приняли.

Живо я помню все это, а между тѣмъ этому ужь семь лѣтъ теперь. Ужасно какъ бѣжитъ время!.. По правдѣ сказать, я очень рѣдко навѣщалъ его въ училищѣ. Очень ужь онъ ласковъ былъ, очень ужь много въ немъ этого родственнаго чувства было, а я этого терпѣть не могу: ну, поцѣлуйся съ дядей, покажи, что радъ ему,—а онъ мало этого—все, бывало, какъ-то прижимается и—нѣтъ—нѣтъ—въ плечо поцѣлуетъ.

— Петинька, для чего это ты дѣлаешь?

Что, дяденька?

— А вотъ въ плечо-то?..

— Я васъ люблю...

— Спасибо. Только это, мой другъ, нехорошій пріемъ. Ты брось эту привычку...

И всякій разъ онъ вызывалъ во мнѣ такое непріятное чувство этой своей излишней родственностію... Смотрю я на него бывало, а самъ думаю: „И навѣрно онъ ростетъ на пагубу“... Въ послѣдствіи онъ конечно пересталъ цѣловаться, выправилъ манеры, произношеніе, но никакъ не могъ я его любить—совсѣмъ не лежало къ нему сердце. „Какъ это однако глупо“, сколько разъ думалъ я про себя и дѣлалъ надъ собой усилія полюбить его. „Мало-ли что не нравится, всетаки онъ вѣдь

родственникъ, плоть отъ плоти, кость отъ костей"... Я бралъ извозчика, покупалъ конфектъ и ѣхалъ навѣстить его. Но все эта было ни къ чему... Такъ продолжалось до самаго послѣдняго времени, когда я вдругъ замѣтилъ въ немъ разительную можно сказать перемѣну. Родственныя чувства онъ удержалъ по прежнему, но образъ мыслей усвоилъ себѣ высокомѣрный, особенно при обсужденіи внутреннихъ вопросовъ. Разумѣется, я сейчасъ же это замѣтилъ и поставилъ ему на видъ.

— Все это хорошо, сказалъ я, но эти твоя беззавѣтная рѣшительность вызываетъ во мнѣ опасенія.

Онъ удивился.

— Почему дядя? „Мы" стоимъ на почвѣ строго легальной. Могу васъ увѣрить, увлеченія даже не доступны намъ...

— Совсѣмъ не то. Ты не понялъ меня. Я опасаюсь не за тебя. Ты будешь всегда цѣлъ, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ—но мнѣ страшно за тѣхъ, на кого ты устремишься. При твоей беззавѣтной рѣшительности, ты вѣдь чортъ знаетъ чего можешь надѣлать. Вѣдь ты ни передъ чѣмъ не остановишься... Ты способенъ на какое угодно мѣропріятіе...

Онъ слушалъ это и тихо улыбался.

— Да, наконецъ, сказалъ онъ, но если это требуется... если это въ интересахъ... да, я не остановился бы... И потомъ, по нѣкоторомъ размышленіи, какъ бы нѣчто принявъ во вниманіе, добавилъ: къ тому же и лучшіе органы нашей печати высказываются всѣ почти въ томъ же направленіи...

— Но позволь же, началъ было я...

— Знаете, сказалъ онъ улыбаясь, лучше прекратимъ этотъ разговоръ. Ничего изъ него не выйдетъ. Увѣряю васъ, мы вѣдь не дѣти... Вы сами однажды какъ-то говорили, что теперь дѣтей нѣтъ. И это совершенно вѣрно. Вы такъ и продолжайте смотрѣть. Нынче дѣйствительно дѣтей нѣтъ. Оттого и образовалась такая пропасть между нами, интеллигенціей, и народомъ. Вмѣсто вашего преклоненія передъ нимъ, мы хотимъ надѣлить его, но хотимъ и дисциплинировать его. Всѣ же эти наши преклоненіи передъ народомъ, ухаживанія, поблажки—ничего ему, кромѣ вреда, не приносятъ...

— Да ты понимаешь, что ты говоришь... Въ своемъ ты умѣ? воскликнулъ я. Вѣдь ты Богъ знаетъ что говоришь...

Но онъ и тутъ ни мало не смутился и только сказалъ:

— Вѣдь я вамъ, дядя, говорилъ, что этотъ разговоръ надо прекратить. Ничего изъ него не выйдетъ.

И какъ бы желая смягчить жесткость, принятую имъ относительно моего положенія, тутъ же и вслѣдъ за этимъ началъ горячо проявлять родственныя чувства, цалуя меня и называя милымъ, добрымъ, дорогимъ дядей.

Это было съ его стороны первое, такъ сказать, предостереженіе мнѣ. Дѣйствительно, нѣсколько успокоившись и собравшись съ мыслями, я понялъ, что какой же онъ мальчикъ... Хорошъ мальчикъ, у котораго всѣ вопросы ужъ порѣшены и онъ ждетъ только из-

вѣстной формальности (окончанія курса), чтобы тутъ же, сейчасъ же, во всеоружіи, ни мало не медля, приступить къ водворенію между нами порядка, а въ народѣ — уваженія и довѣрія къ благимъ предначертаніямъ. Кажется ясно, что это за ребенокъ ростетъ!... Онъ ушелъ, а я продолжалъ все размышлять объ немъ: Эдакій еще, можно сказать, щенокъ, а ужъ какой быстрый. И по правдѣ мнѣ даже немного и страшно стало. Вѣдь эдакъ онъ не только народу, но пожалуй и мнѣ, дядѣ своему, и даже своей матери голову свернетъ. На это нечего смотрѣть, что онъ такой ласковый и родственный. Знаю я этихъ родственныхъ и ласковыхъ!...

Это первое съ его стороны предостереженіе я получилъ уже давно, а вотъ недавно онъ далъ мнѣ второе. Сидѣлъ я въ одномъ ресторанѣ и обѣдалъ. Тутъ же, не далеко отъ меня, сидѣли и тоже обѣдали нѣсколько молодыхъ людей, одѣтыхъ необыкновенно свѣжо и изящно. Вначалѣ я было не обратилъ на нихъ никакого вниманія, но вскорѣ разговоръ у нихъ начался громче обыкновеннаго, стали долетать фразы съ словами: народъ, интеллигенція, упорядоченіе и проч. Эти слова надоѣли всѣмъ хуже горькой рѣдьки, но они всегда для меня любопытны въ устахъ молодыхъ людей. Очень любопытно какъ они ихъ вяжутъ. Мы тоже вязали фразы съ этими словами и ничего изъ этого у насъ не вышло. Можетъ у нихъ есть какой нибудь новый узоръ. Можетъ они по немъ что нибудь и свяжутъ... Я началъ всматриваться, вслушиваться. Всѣ очень еще молоды, но въ тоже время на всѣхъ печать необыкно-

венной, можно сказать, даже государстверной, серьезности. Я видѣлъ въ лицо собственно трехъ—четвертый сидѣлъ ко мнѣ спиною, но не было никакого сомнѣнія, что и этотъ точно также солиденъ. Не много погодя онъ зачѣмъ-то обернулся и я не безъ удивленія узналъ въ немъ Петиньку. Онъ тоже меня узналъ, сказалъ что-то своимъ товорищамъ и радостно улыбаясь, всталъ и поспѣшилъ ко мнѣ. Мы поздоровались по родственному.

— Можно, дядя, къ вамъ присѣсть?—сказалъ онъ.

— Что это за вопросъ? Конечно, садись. Вотъ только твои товарищи...

— О, это ничего. Ну, какъ, дядя, вы поживаете?

— Живу--вотъ, какъ видишь... Что же эти въ штатскомъ... т. е. не въ формѣ. Развѣ ужъ вы кончили?

— Третьяго дня, дядя.

— Ну, поздравляю... Хорошо, слава Богу?

— Слава Богу... девятымъ классомъ.

— Это что же, три чина сразу?

— Четыре, собственно.

— И куда-жъ ты теперь, въ сенатъ?

— Нѣтъ, дядя. Время теперь не то. Хочется поближе къ жизни. понимаете, въ какую нибудь коммиссію... Какое нибудь порученіе.

— Что-жъ, и это хорошо. Люди теперь нужны...

Я хотлѣъ еще что-то сказать въ этомъ родѣ, но вспомнилъ, что онъ такой быстрый и замолчалъ.

— А мнѣ, дядя, хотѣлось бы съ вами серьезно поговорить. Теперь здѣсь не мѣсто, конечно, но еслибы

вы сказали, когда мнѣ можно пріѣхать къ вамъ, чтобы не помѣшать вашимъ занятіямъ...

— Какія-жъ у меня особенныя занятія. Пріѣзжай, сдѣлай одолженіе, когда хочешь.

— Напримѣръ, завтра утромъ? По вечерамъ, знаете, хочется на воздухъ и туда и сюда...

— Понимаю. Что-жъ, и утромъ пріѣзжай...

— О многомъ, многомъ хочется поговорить...

— Онъ вынулъ изящную записную книжку и тоненькимъ карандашикомъ началъ что-то записывать.

— Знаете, дядя, продолжалъ онъ, столько дѣла, что если не записывать, можно положительно все перепутать.

— И прекрасно дѣлаешь.

Я все записываю. У меня каждый шагъ, каждая копѣйка, каждая мысль записаны, отвѣчалъ Петинька... Я вижу свой день въ этой книжкѣ, какъ въ зеркалѣ. И это необходимо. У меня все по рубрикамъ, подъ литерами... Вотъ видите буква Р. Но она имѣетъ нѣсколько сочетаній, напр. Р. Р. означаетъ „родственные расходы“, знаете, теллеграммы, письма, маленькіе подарки и проч. Р. С.—„родственные совѣты и т. д.

Я смотрѣлъ ему въ лобъ и невольно думалъ: эдакій серьезный человѣкъ и такими пустяками занятъ. Но онъ точно проникъ мои мысли и сейчасъ же осадилъ меня.

— Вотъ, дядя, оттого вамъ, т. е. вашему поколѣнію, и не удалось ничего, вдругъ сказалъ онъ, что у васъ все было безпорядочно. Были у васъ и мысли, и чувства, но не было порядка — ничего и не достигли...

— Къ чему ты это сказалъ? спросилъ я.

— А вотъ къ тому, что намъ теперь все это исправлять предстоитъ, надо все упорядочить. И вы думаете, это легкая работа?...

Въ это время — онъ продолжалъ перелистывать книжку — онъ остановился на страницѣ, на верху которой стояло большое Э, прикрылъ ее рукою и улыбаясь сказалъ:

Эта литера не имѣетъ рубрики, т. е. правильнѣе имѣетъ одну рубрику—Эротику... Мнѣ, дядя, нѣсколько неловко говорить съ вами объ этомъ, но я хочу сказать только, что я упорядочилъ и эту функцію... Вотъ здѣсь, этой рубрикѣ посвящено три страницы, здѣсь записанъ цѣлый годъ, но вы не найдете никакой другой цифры, кромѣ 5 и притомъ итогъ всѣхъ мѣсяцевъ совершенно одинаковъ... Только держа себя въ этакой уздѣ, можно сдержать и другихъ. Вы разнуздали всѣхъ и все — и себя и народъ — а намъ приходится теперь взнуздывать...

Я не знаю какую бы мерзость онъ мнѣ показалъ еще и какими государственными соображеніями мотивировалъ бы ее, но на мое счастье въ это время между его товарищами стало замѣтно какое-то движеніе, показывавшее ихъ намѣреніе расплатиться и уходить.

— Ну, мнѣ пора, сказалъ онъ. Такъ до завтра, дядя? Можно?

— Хорошо, сказалъ я.

Такимъ образомъ я уже зналъ съ кѣмъ мнѣ придется завтра бесѣдовать. Но я не зналъ объ чемъ бу-

детъ бесѣда и это меня нѣсколько смущало. Ну, если опять объ томъ же? Просто развѣ выгнать его? На кой онъ мнѣ чортъ?..

Онъ пріѣхалъ ровно въ одиннадцать, свѣжій, довольный, нѣсколько утомленный, но однако же безъ явныхъ слѣдовъ распутства. Я все таки спросилъ его откуда онъ?

Я изъ дому, дядя. А что, развѣ что нибудь замѣтно?

Онъ оглянулся на зеркало.

— Нѣтъ. Такъ какъ будто ты мало спалъ сегодня?...

— Да, это пожалуй, улыбаясь отвѣчалъ онъ и раскрылъ свою записную книжку, отыскалъ отдѣлъ эротики и показалъ мнѣ свѣже-написанную цифру 5 руб... Но, тотчасъ же спохватившись, сказалъ: — дядя, вопервыхъ, я не имѣю права отнимать у васъ дорогое время и потомъ его слишкомъ мало, къ сожалѣнію и у меня. Позвольте мнѣ поэтому начать прямо, откровенно, безъ предисловій.

— Говори. Я слушаю, сказалъ я.

— М... М... съ чего бы это начать?.. Вы знаете, что на дняхъ назначена одна административная экспедиція. Есть предположеніе проникнуть въ губерніи... (онъ назвалъ какія именно). Въ числѣ ревизующихъ чиновниковъ ѣду и я... Это собственно не ревизія въ строгомъ смыслѣ слова, — это скорѣе будетъ административный, такъ сказать, набѣгъ, съ цѣлью застать всѣхъ и вся врасплохъ. Это составляетъ пока тайну и если я говорю вамъ, то разсчитывая вполнѣ на вашу скромность...

— Дальше.

— Мнѣ хотѣлось бы, дядя, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы... понимаете, чтобы сразу...

— Выдвинуться, обратить на себя вниманіе?

— Да...

— Я-то чтожъ могу сдѣлать?

— Вотъ видите, дядя, мнѣ бы хотѣлось, вы бы сдѣлали мнѣ громадное одолженіе, если бы помогли мнѣ въ литературномъ, такъ сказать, отношеніи...

Я съ изумленіемъ уставился на него...

— Да, продолжалъ онъ... — Какъ ни фальшиво положеніе, которое, къ сожалѣнію, заняла наша печать, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она все-таки можетъ быть полезна... Я не скрою отъ васъ, на человѣка пишущаго, хотя бы даже и нѣсколько вольно, у насъ смотрятъ... какъ-то... какъ бы это вамъ сказать?...

— Съ опаской... подсказалъ я.

— Нѣтъ... Ихъ не боятся, но они всегда на виду, они всегда скорѣе добьются всего... И мнѣ хотѣлось бы показать себя и съ этой стороны...

Я посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ бы хотѣлось высказаться по какому нибудь вопросу... нѣсколько оригинально и при томъ въ либеральномъ направленіи... конечно, чтобы это было прилично...

Онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на меня.

— Право я не знаю, сказалъ я. Мысль, конечно, хорошая... Но вѣдь я не знаю, въ какомъ же вопросѣ ты компетентенъ? Вѣдь для того, чтобы писать, надо же знать объ чемъ пишешь...

— Вы конечно понимаете, дядя, что я прежде всего слуга порядка, государства, администраціи... Сила и могущество администраціи для меня должны быть прежде всего и выше всего... Я поэтому не могу конечно стоять за развитіе какихъ бы то ни было самостоятельныхъ силъ — все равно, земскихъ, общественныхъ, народныхъ, которыя могли бы, окрѣпнувъ, со временемъ сдѣлаться устойчивыми, съ которыми со временемъ пришлось бы намъ, быть можетъ, считаться...

Онъ опять замолчалъ.

— Дальше. Я слушаю.

— Если бы я выступилъ въ этомъ именно направленіи? Если бы я началъ доказывать, что всѣ эти „опросы народа“ чепуха, что народъ и самъ не знаетъ чего онъ хочетъ, что спрашивать его совершенно не зачѣмъ, что надо...

— Постой. Довольно. Я понимаю, остановилъ я его.. Вопервыхъ, я долженъ тебѣ сказать, что подобную мерзость у тебя ни одна мало-мальски порядочная редакція ни за что не возьметъ, а во вторыхъ, неужели у теба такое начальство, что можетъ поцѣнить такія твои потуги?.. и потомъ какимъ это отъявленнымъ безстыдникомъ надо быть, чтобъ подписаться подъ такой статьей...

— Это почему же, съ удивленіемъ сказалъ онъ. Вы, дядя, я вижу, ничего не читаете. Я не хотѣлъ вамъ только говорить, я это ужъ даже напечаталъ. На-те, читайте...

Онъ вытащилъ изъ кармана 140-й нумеръ газеты

„Проходимецъ“ и указалъ мнѣ на передовую статью. Я началъ ее пробѣгать.

„Что нужно русскому мужику? спрашивалъ Петинька. И что бы онъ отвѣтилъ, если бы къ нему обратились съ вопросомъ: какими средствами онъ полагалъ бы возможнымъ улучшить нынѣшнее свое положеніе? Такіе вопросы весьма нерѣдко высказываются въ нашей печати съ присовокупленіемъ глубокомысленныхъ соображеній, что въ крестьянскомъ умѣ таится великая дума, которая будто бы можетъ разрѣшить наши недоумѣнія надъ многими задачами даже государственной жизни. Недавно заговорили даже весьма серьезно о камомъ-то „народномъ опросѣ“... Я въ изумленіи опустилъ газету.

— И ты не врешь, что это ты написалъ?

— Честное слово...

И у тебя хватило духу написать и показать мнѣ такую мерзость... И этимъ ты пришелъ еще хвастаться...

— Вы, дядя, будьте покойны, сказалъ онъ улыбаясь. Я, конечно, и самъ хорошо понимаю, что это мерзость; но, вопервыхъ, я вѣдь не подписался... и потомъ мнѣ хотѣлось показать себя только со стороны стиля...

И вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ и, заключивъ въ объятія, по родственному поцѣловалъ меня нѣсколько разъ... Я растерялся до того, что не оказалъ ему даже никакого сопротивленія...

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ

ИЛИ КОСТЯ КУЦИНЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ АПЕЛЬСИНЩИКОМЪ.

I.

Недавно я получилъ отъ одного моего знакомаго изъ провинціи письмо, которое, не скажу, чтобы заключало въ себѣ что либо новое или неожиданное для меня—я зналъ что то, о чемъ въ немъ говорится, рано или поздно непремѣнно должно совершиться—но прочитавъ которое, я, тѣмъ не менѣе, невольно воскликнулъ:

— Ого, уже!...

„Многоуважаемый и дорогой сосѣдъ такой-то. Мнѣ крайне неловко и даже тяжело признаться вамъ, но что дѣлать, положеніе Костеньки меня безпокоитъ, и потому рѣшаюсь писать къ вамъ въ надеждѣ, что вы, какъ сами отецъ, поймете мое положеніе и отнесетесь

ко мнѣ снисходительно. Конечно, это увлеченіе съ его стороны и я не думаю, чтобы онъ зашелъ ужъ такъ далеко, что нельзя поправить дѣло, но тѣмъ не менѣе надо спѣшить положить злу конецъ. Молодые люди тѣмъ то преимущественно себѣ и вредятъ, что сдѣлавъ первую ошибку, вмѣсто того, чтобы откровенно и чистосердечно въ ней сознаться людямъ, которымъ они дороже и ближе всего, умалчиваютъ объ ней, надѣясь, что съумѣютъ какъ нибудь сами справиться, и оттого запутываются еще болѣе. Я узналъ частнымъ образомъ, что у Костеньки есть долги и векселя его находятся въ скверныхъ рукахъ. По опыту, такъ какъ я самъ служилъ, я знаю, что кто же не повѣритъ офицеру, но въ то же время, довѣряя ему, эти гнусныя акулы въ концѣ концовъ проглатываютъ свою жертву полностью и только рѣдкимъ изъ имѣвшихъ съ ними дѣло удается отдѣлаться потерей какой нибудь части, большинство же, особенно въ настоящее время, погибаютъ окончательно, чему мы видимъ чуть не ежедневные примѣры. Въ мое время, я помню, въ полку и у насъ былъ апельсинщикъ, который поглотилъ много жертвъ и въ настоящее время съ безстыдствомъ строитъ новые и великолѣпные дома въ Петербургѣ въ то время, когда жертвы его, доведенныя до отчаянія нищетой, или пустили себѣ пули въ лобъ или пали нравственно такъ низко, что обратились въ пропойцевъ и, совершенно обезстыженные, не стыдятся ходить по улицамъ небритыми, оборванными, со спившимися и опухшими лицами, такъ что въ нихъ нельзя и заподозрить нѣкогда блестящихъ и во всѣхъ отноше-

ніяхъ достойныхъ офицеровъ. И всему причиной какой нибудь негодный мѣщанинишка, и понятія не имѣющій о чести и благородномъ званіи. Вотъ, кого бы я уничтожилъ,—такъ это полковыхъ апельсинщиковъ. По нимъ молодые люди учатся легкомысленно дѣлать долги: получая вначалѣ съ угодливостью отъ нихъ деньги, они потомъ приступаютъ къ нимъ (т. е. апельсинщики. Мой знакомый пишетъ не совсѣмъ въ духѣ русскаго языка) съ ножемъ къ горлу и молодые люди, чтобы они имъ не надоѣли и желая отдѣлаться отъ нихъ, охотно и не нодозрѣвая опасности, надѣясь потомъ какъ нибудь заплатить, выдаютъ имъ векселя на двойную, тройную и даже десятерную противъ дѣйствительности сумму, а иногда и болѣе. Почувствовавъ свою жертву у себя въ лапахъ, апельсинщикъ начинаетъ тогда наступать своей жертвѣ на горло и вынуждать ее выдавать ему новые и новые векселя, пока наконецъ, по его соображеніямъ, все состояніе его жертвы находится уже въ его цѣпкихъ и подлыхъ лапахъ, а молодому человѣку остается одинъ исходъ—оставить полкъ, гдѣ, не будь этой акулы, онъ могъ бы продолжать служить съ честью и сдѣлать блестящую карьеру. Такъ точно, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, попалъ въ гнусныя лапы къ апельсинщику и Костенька. Но, благодаря Бога, если свѣдѣнія эти только вѣрны, долгъ Костеньки не превышаетъ пока пятнадцати тысячъ. Не думаю также, чтобы онъ успѣлъ за эти дни увеличиться чрезъ переписку векселей, такъ какъ таковые хотя и выданы по предъявленію, но апельсинщикъ далъ слово ждать до осени, т. е. до уборки

и продажи хлѣба. Впрочемъ, съ другой стороны нельзя поручиться и за то, что этотъ жадный и безсовѣстный человѣкъ, погубившій уже многихъ, не нарушитъ своего слова и не станетъ наступать на горло Костенькѣ и ранѣе обѣщаннаго срока. А съ другой стороны (это уже съ третьей?) и за Костеньку нельзя поручиться, въ виду его легкомысленнаго характера и неопытности въ жизни, чтобы онъ не обратился вновь за деньгами къ этому грязному и низкому человѣку и онъ не ссудилъ ихъ ему вновь, зная, что у Костеньки есть хорошія средства, и такимъ образомъ не запуталъ въ своихъ сѣтяхъ еще болѣе свою жертву. Добрѣйшій и дорогой сосѣдъ, какъ къ отцу, обращаюсь къ вамъ съ моей горячей просьбой, пошлите за Костенькой, или, если можно и найдете болѣе удобнымъ для себя, съѣздите къ нему сами и переговорите съ нимъ, такъ, стороной, о томъ, что вамъ извѣстно, что слухи о его долгахъ доходятъ до меня и это меня очень огорчаетъ и даже тревожитъ, такъ какъ доходы въ настоящее время очень затруднительны, а въ нынѣшнемъ году, особенно по случаю плохихъ видовъ на урожай: рожь хотя съ осени и радовала, но мочливая весна ей очень повредила. Про пшеницу пока ничего нельзя сказать, такъ какъ зелень ея хотя и хороша, но вѣдь это еще пока одна трава и что будетъ—извѣстно одному Богу. Объ овсахъ и говорить нечего, да и прошлогодній овесъ, вслѣдствіе кризиса, продается у насъ по 1 р. 60 к. за четверть и не находитъ покупателей. У Костеньки доброе сердце, и я увѣренъ, это на него подѣйствуетъ, такъ какъ въ

немъ, несмотря даже и на дурные примѣры, не могло заглохнуть чувство. Дорогой и уважаемый сосѣдъ, вы окажете этимъ безцѣнную услугу и мнѣ, отцу, которому больно все это, и молодому человѣку, котораго во время образумите и предупредите. Боюсь затруднить васъ, но вы бы оказали мнѣ еще и другую неоцѣненную услугу, если бы призвали къ себѣ ихъ апельсинщика и ясно дали бы ему понять, что у Костеньки пока еще своего имѣнія нѣтъ, а я могу отказаться и не заплатить его долговъ. Кромѣ того, я могу наконецъ чрезъ Анну Павловну обратиться и къ графу съ просьбой принять участіе въ этомъ дѣлѣ и тогда ему можетъ быть вѣдь плохо. Вообще, если бы вы его хорошенько припугнули, это было бы очень не дурно. Онъ бы тогда пересталъ давать Костенькѣ деньги и такимъ образомъ долгъ бы его не увеличивался. Въ маѣ, дорогой сосѣдъ, буду у васъ въ Петербургѣ, потому что хочу пресѣчь зло въ корнѣ: скупить Костенькины векселя всѣ и такимъ образомъ очистить мальчика. Что дѣлать—это отцовская обязанность, и я не отказываюсь отъ нея. Всѣ мы были молоды. Только одинъ во время остановится, а другой, не найдя своевременной поддержки, погибаетъ, часто изъ за самыхъ пустяковъ. Когда вспомню я объ этомъ, сердце у меня обливается кровью и я не могу передать вамъ, какъ я буду благодаренъ вамъ, если вы исполните эту мою просьбу. Итакъ, дорогой сосѣдъ, еще разъ"... и т. д., и т. д...

Я привелъ нарочно цѣликомъ это письмо, такъ какъ оно, по моему, въ своей безъискусственной простотѣ,

прекрасно рисуетъ отца Костеньки, своего автора. Онъ, Павелъ Константиновичъ, дѣйствительно такой и есть: простоватый, даже просто глуповатый, но съ хитринкой, съ прижимочкой, съ житейской сметкой, съ достаточной готовностью, когда это нужно и въ его интересахъ, и на всякую мелкую и даже крупную подлость, лишь бы ему не грозила при этомъ опасность, не пришлось бы какъ нибудь скандально отвѣчать. Я долженъ здѣсь также прибавить, что состояніе у Павла Константиновича не огромное какое, но хорошее и даже, по нынѣшнимъ временамъ, и очень хорошее: два прекрасныхъ имѣнія, нисколько незапущенныхъ, которыя приносятъ тысячъ сорокъ и даже больше годового дохода. Что такое Костенька — это мы увидимъ дальше сейчасъ. Объ апельсинщинѣ, и даже вообще, что это такое за полковая принадлежность—интендантская, провіантская или банковая ссудно-учетная личность—я и понятія не имѣлъ. Я зналъ и дѣйствительно много слыхалъ про извѣстнаго всему Петербургу мошенника-ростовщика, торговавшаго въ началѣ своей карьеры апельсинами предъ однимъ изъ привилегированныхъ нашихъ учебныхъ заведеній и этимъ положившаго начало своему огромному говорятъ состоянію, но я и не подозрѣвалъ, что на эту же сладкую приманку можно ловить и совершенно взрослыхъ людей, отчего впослѣдствіи, со временемъ, и имъ и ихъ родителямъ причиняется столько огорченій... Во всякомъ случаѣ, для меня полковой апельсиньщикъ былъ новый совершенно типъ и я помимо моихъ отношеній къ Павлу Константиновичу и его сыну

Костенькѣ, ухватился съ радостью за предлогъ познакомиться съ нимъ и понаблюсти въ жизни, въ пріемахъ, вообще въ дѣйствіи, субъекта, уловляющаго въ свои сѣти при помощи такого, кажется не диковиннаго у насъ фрукта, какъ апельсинъ, людей, которымъ со школьной скамьи надоѣли ужъ и устрицы и кокотки и ананасы. Въ этомъ, впрочемъ, предположеніи моемъ, какъ тоже увидитъ ниже читатель, я ошибся. Апельсины тутъ не причемъ:

«.. Не очень много шили тамъ
И не въ шитьѣ была тамъ сила»..,

II.

Мои личныя отношенія къ Куцинымъ (отцомъ) были чисто такъ сказать внѣшнія. Мы сосѣди — и въ этомъ все: и причина знакомства, и просьба его и наши взаимныя другъ на друга права, т. е. права какія?—права на маленькія взаимныя другъ другу услуги, безъ которыхъ никогда, живя другъ съ другомъ бокъ о бокъ, нельзя обойтиться. Но сердце, какъ говориться, у меня никогда къ нему не лежало. Я зналъ и отлично всегда понималъ, что и самъ Павелъ Константиновичъ и его жена самые черствые и сухіе люди, не смотря на видимое ихъ добродушіе, уютность ихъ обстановки, хлѣбосольство, радушіе и проч. до придерживанія старинѣ и старымъ дворянскимъ обычаямъ включительно. Но какъ къ сосѣду, мнѣ приходилось къ нему обращаться и онъ всегда очень охотно исполнялъ мои маленькія поруче-

нія — проѣхать въ мое отсутствіе и посмотрѣть все-ли въ порядкѣ, продать вмѣстѣ съ своей большой партіей и мою маленькую партію хлѣба и т. под. Это накладывало и на меня обязанность, въ свою очередь, исполнять въ его отсутствіе различныя его порученія. Они всѣ большей частью касались Костеньки — съѣздить въ корпусъ, навѣстить его больнаго, переговорить съ кѣмъ нужно на счетъ его экзаменовъ, перевода въ следующій классъ и т. п.

Костенька поэтому былъ для меня человѣкъ ужъ не новый: мнѣ пришлось-таки ужъ порядкомъ повозиться съ нимъ, особенно когда онъ держалъ офицерскій экзаменъ и на этомъ экзаменѣ получилъ три единицы: одну изъ алгебры за неразрѣшеніе предложенной ему его экзаменаторомъ задачи: на одной конюшнѣ стояли двѣ лошади и одинъ козелъ. За одну лошадь было заплачено сто рублей, за другую пятьдесятъ рублей. Что стоитъ козелъ?... Вторую единицу онъ получилъ изъ артиллеріи, когда отвѣчалъ, что уклоненіе у нарѣзныхъ орудій выстрѣла вправо происходитъ „отъ штыка“... Третью единицу я ужъ не помню теперь изъ чего онъ получилъ. Но я очень хорошо помню, что мнѣ тогда съ нимъ пришлось возиться цѣлыхъ двѣ недѣли и я, несмотря на все умѣнье мое умасливать людей и вообще кроткимъ съ ними обращеніемъ приводить ихъ (и даже самыхъ разъяренныхъ) къ добрымъ чувствамъ къ ближнему ихъ, насилу достигъ желаннаго результата. До такой степени экзаменаторы были возмущены имъ и возстановлены противъ него.

— Да помилуйте, говорилъ я экзаменаторамъ и, кромѣ того, кому слѣдуетъ въ этихъ случаяхъ, — онъ могъ оробѣть, спутался и отъ этого отвѣтилъ вамъ Богъ знаетъ что.

— Что вы намъ разсказываете, отвѣчалъ мнѣ экзаменаторъ и тѣ, къ кому въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ обращаться: что это мулютка, что-ли? Вы посмотрите на него только...

— Въ сравненіи съ другими, конечно. онъ малютка, говорилъ я имъ, имѣя въ виду его малый относительно ростъ и необыкновенно розовый цвѣтъ лица и совершенно еще молочные глаза (почти бѣлые, безъ всякаго выраженія).

Пробившись такимъ образомъ совершенно понапрасну нѣсколько дней и не достигнувъ никакихъ результатовъ при помощи краснорѣчія, я обратился потомъ къ ихъ сердцу и заигралъ на струнахъ милосердія, а также обратился и къ насыщенію ихъ другихъ чувствъ, и ужъ насилу-то насилу старанія мои тогда увѣнчались успѣхомъ...

Я помню, когда потомъ, чтобы дѣлать экипировку ему, пріѣхалъ Павелъ Константиновичъ, и увидавъ его одѣтымъ, наконецъ, въ красивую и блестящую форму, заключилъ въ свои объятія и на глазахъ у старика навернулись слезы радости,—онъ обернулся ко мнѣ, бывшему тутъ-же случайно, и воскликнулъ:

— Сосѣдъ! Я знаю кто изъ васъ выдержалъ экзаменъ. Еслибы не ваше участіе и не ваша опытность, этихъ слезъ радости мнѣ не пришлось-бы теперь проливать, а онъ — при этомъ Павелъ Константиновичъ

взялъ сына за рукавъ мундира, прибавилъ: — никогда быть можетъ не надѣлъ-бы его.

И Костя, блестящій своими верхними покровами и съ сіяющей, т. е. раскраснѣвшейся отъ всего этого эпизода физіономіей (странно, глаза у него, все равно, я помню, оставались такими же бѣлыми молочными и безъ выраженія), потянулся, какъ ребенокъ, ко мнѣ и, пожимая мнѣ руки, бормоталъ что-то, тоже какъ ребенокъ, которому подарили дорогую и неожиданную игрушку.

Потомъ мы всѣ втроемъ (Павелъ Константиновичъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы первый (?...) разъ это совершалось при немъ) закатились въ Самаркандъ и тамъ, я помню, мы до того наугощали Костеньку, что онъ пришелъ въ такой ражъ, что, страшно гремя саблей, требовалъ, чтобы изъ Самарканда мы ѣхали куда-то еще дальше. Но отъ сопутствія его туда и Павелъ Константиновичъ и я наотрѣзъ отказались, и даже не мало удивлялись (собственно, впрочемъ, это только Павелъ Константиновичъ, отецъ), что такія мѣста ему извѣстны...

— Ну, поѣдемъ... Ну чтожъ такое? Эхъ, ты какой! говорилъ Костя.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ Богъ знаетъ, что будетъ, отвѣчалъ ему Павелъ Константиновичъ.

— Да ничего не будетъ. Ну, чтожъ такое?...

— Нѣтъ, нѣтъ, стоялъ на своемъ Павелъ Константиновичъ.

На Чернорѣченскомъ мосту, я помню, Костя у насъ

всетаки выскочилъ изъ коляски, вскочилъ на попавшагося ему тутъ извозчика и закатился отъ насъ, оставивъ насъ даже въ нѣкоторомъ родѣ въ недоумѣніи своей предпріимчивостью и такой необузданной рѣшимостью, казалось, въ немъ даже и не по лѣтамъ его развившеюся.

Старикъ, впрочемъ, первый нашелся при этомъ и, глядя на уносившагося впередъ сына своего, сидѣвшаго раскаракой но дрожкахъ съ лихо, на бекрень залупленной фуражкой, восклицалъ:

— Лихой будетъ служака!...

Я уже не могу теперь сказать: пробудилось въ немъ тогда при этомъ воспоминанія собственной своей юности и вспомнилъ онъ, какъ въ свое время онъ самъ тоже послѣ первыхъ вспрысокъ мундира въ тогдашнемъ Самаркандѣ, закатился тоже по такому же адресу, или видъ Кости былъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, что опытный глазъ старика прозрѣвалъ въ немъ будущаго лихого служаку, — только я живо помню всю эту сцену и она и до сихъ поръ, у меня какъ сейчасъ будто передъ глазами.

Павелъ Константиновичъ, уѣзжая, нанялъ сыну квартиру, обставилъ ее, меблировалъ, нанялъ ему даже двухъ лакеевъ „въ чулкахъ“, накупилъ серебра, лошадей, экипажей и положилъ въ годъ двѣнадцать тысячъ жалованья отъ себя.

— Кажется, все хорошо? спрашивалъ — я помню — онъ меня, когда пріѣхавъ съ нимъ на новоселье къ сыну, мы все это осматривали.

— Конечно, хорошо, говорилъ и я.

— Ну, и двѣнадцать тысячъ, я думаю, ему довольно.

— Довольно, находилъ и я.

— Конечно, у нихъ въ полку есть и богаче гораздо молодые люди, ну да вѣдь по одежкѣ протягивай и ножки.

— Разумѣется, соглашался я.

— За всѣми вѣдь не угоняешься.

— Еще бы! Гдѣ же угоняться?

И Павелъ Константиновичъ разсказывалъ при этомъ съ меланхолическимъ выраженіемъ въ глазахъ о томъ, какія дѣйствительно громадныя есть еще у насъ въ Россіи состоянія. Точно ему было жаль, что эти громадныя состоянія будутъ проѣдены и пропиты не его Костенькой, а другими Костеньками и Петеньками, и при этомъ его Костенька будетъ еще пожалуй страдать — отчего не онъ Амфитріономъ при этомъ проѣданіи и пропиваніи...

А Костенька при этомъ стоялъ и помаргивалъ своими бѣлыми глазами, на этотъ раза какъ будто и принявшими какое-то выраженіе, но очень все-таки неопредѣленное и низменное.

Потомъ мы перешли на конюшню и тамъ повторилось то же самое. Намъ выводили лошадей и мы ихъ осматривали.

— Хороша? спрашивалъ Павелъ Константиновичъ.

— Хороша, говорилъ я, обходя и осматривая со всѣхъ сторонъ дѣйствительно великолѣпную сѣрую въ яблокахъ лошадь

— Только вотъ немножко бы ножки потолще.

— Да, потолще не мѣшаетъ, соглашался я.

— Молодежь, вѣдь она какъ ѣздитъ-то? А мостовая у насъ—убійственная, сами вѣдь знаете.

— Да, мостовая дѣйствительно...

— Только на Невскомъ и на Большой Морской.

— Ну, да вѣдь и ѣзда то у нихъ все больше на Невскомъ и на Большой Морской, замѣтилъ, я помню, я.

— А нѣтъ, а набережныя-то?—подсказалъ Костенька.

— Вотъ ноги, такъ ноги, опять вздыхая, вспомнилъ Павелъ Константиновичъ, и сказалъ: вчера я видѣлъ лошадь у князя Петра Петровича... сына этого... знаете?

— Знаю, сказалъ я...

— Удивительныя ноги, повторялъ Павелъ Константиновичъ, и во взглядѣ у него я опять замѣтилъ меланхолію, какъ бы происходящую отъ мысли, что эти удивительныя ноги разобьетъ о мостовую не сынъ его, Костя, а Сережа, сынъ князя Петра Петровича...

Такъ, съ такимъ чувствомъ пересмотрѣли мы всѣхъ лошадей, и когда возвратились опять въ квартиру, то вспомнили, что надо и завтракать, и здѣсь, когда сѣли за завтракъ, начали соотвѣтствующій разговоръ, очень скоро и естественно, въ силу преемственности мыслей, перешедшій отъ лошадей къ кокоткамъ.

— Я не противъ нисколько и очень хорошо понимаю, говорилъ Павелъ Константиновичъ, что молодому человѣку безъ этого нельзя, но я не понимаю ихъ увлеченій „этими женщинами“. Что онѣ могутъ представить изъ себя, чтобы ими такъ увлекаться?

Но тутъ Костенька опять обнаружилъ раннее, по-

видимому, для своего возраста и для насъ неожиданное, совершенно выработанное и прочувствованное, если можно такъ выразиться, міросозерцаніе, которое я по крайней мѣрѣ, слушалъ не безъ любопытства, хотя и его онъ излагалъ безсвязнымъ дѣтскимъ лѣпетомъ.

Въ общемъ Костенька осуждалъ передъ нами увлеченіе кокотками, но допускалъ увлеченіе ихъ какъ бы нѣкоторымъ своего рода спортомъ.

Павелъ Константиновичъ былъ радъ даже такому его взгляду на этотъ предметъ, какъ устраняющему, по-видимому, главную опасность, которой онъ боялся больше всего — привязанности его Костеньки къ одной какой-нибудь женщинѣ или дѣвицѣ этой профессіи. Поэтому онъ даже позволилъ себѣ нѣкоторую, правда грязненькую, попытку указать при этомъ сыну на прелесть частыхъ перемѣнъ въ этихъ отношеніяхъ.

— Все бѣлый хлѣбъ да бѣлый — иногда хорошо и чернаго попробовать, сказалъ онъ и, хитро подмигнувъ, захохоталъ.

Костенька тоже захохоталъ, но ужъ безъ всякихъ подмигиваній, а прямо и непосредственно понятому имъ смыслу намека и примѣра, приведеннаго отцомъ.

Такъ всесторонне, можно сказать, обставивъ сына — и въ отношеніи мебели, лошадей и соотвѣтствующихъ его положенію идей, Павелъ Константиновичъ наконецъ уѣхалъ, оставивъ ему жалованье на три мѣсяца. (Онъ условился присылать ему деньги каждые три мѣсяца впередъ). Послѣ этого я Костеньку видалъ уже рѣдко. Или такъ ужъ гдѣ нибудь въ театрѣ, на улицѣ, въ

ресторанѣ—чаще всего въ ресторанѣ,—но ни самъ у него не бывалъ, ни онъ у меня. Онъ-то еще разъ былъ какъ-то, но не засталъ; я-же къ нему почему-то не собрался, такъ это и затянулось. И вдругъ это письмо...

III.

На другой же день, какъ я получилъ его, я помню, написалъ Костѣ записку, прося его какъ нибудь заѣхать ко мнѣ.

Онъ явился.

— Что такое?

— Вотъ, Костя, въ чемъ дѣло... И я ему разсказалъ, что его отецъ имѣетъ извѣстіе объ его долгахъ, что это его очень тревожитъ, что онъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы самъ написалъ ему обо всемъ откровенно и т. д.

— Пустяки, сказалъ Костя.

— То есть какъ:—пустяки, что вы должны, или...

— Пустяки вообще, перебилъ онъ меня и уставился на меня своими бѣлыми глазами.

Онъ наканунѣ должно быть былъ пьянъ и теперь пріѣхалъ ко мнѣ прямо, какъ всталъ только, умылся и одѣлся. Волосы на головѣ были еще мокрые, височки прилизаны,—лицо не розовое, по обыкновенію, а пунцовое, съ двумя мутными, какъ два плевка, глазами на немъ.

— Какъ вы опухли весь, сказалъ я, по праву ста-

раго моего попечительства объ немъ, разсматривая его, затянутаго и зашитаго въ разноцвѣтное яркое сукно.

— Ха, ха, разсмѣялся онъ.

— Вы должно быть много кутите?

— Много.

— Это не хорошо.

— Да? А я такъ нахожу, что это хорошо... И какъ бы желая перемѣнить разговоръ, сказалъ: — Вѣдь это вы конечно все по порученію папы?

— Конечно, по порученію вашего батюшки.

Онъ усмѣхнулся какъ-то въ бокъ—и скверно усмѣхнулся—звякнулъ шпорами, всталъ и проговорилъ тѣмъ гнуснымъ, противнымъ голосомъ, которымъ говорятъ эти господа, желая выразить не то презрѣніе къ трактуемому вопросу, не то ко всему и ко всѣмъ вообще.

— Такъ вотъ... вы... можете теперь... написать батюшкѣ... что призывали меня къ себѣ... задали мнѣ головомойку...

Онъ еще разъ—т. е. не разъ, а нѣсколько разъ—звякнулъ шпорами, перегнулся весь какъ то въ таліи и пошелъ отъ меня, оставивъ во мнѣ странное по себѣ впечатлѣніе—не то жалости къ нему, не то досады на себя, что я такъ глупо согласился впутаться въ эту исторію.

Но за то я увидалъ, что Костенька ужъ теперь не тотъ, какимъ онъ былъ годъ или съ чѣмъ нибудь годъ назадъ, когда мы ѣздили съ нимъ и кляньчили у экзаменаторовъ и у кого намъ было нужно о замѣнѣ единицъ изъ алгебры, артиллеріи двойками, тройками

и проч., такъ какъ родъ оружія, выбранный имъ, не требовалъ никакихъ познаній ни въ артиллеріяхъ, ни въ алгебрахъ...

Онъ, я помню, очень скоро и тогда возмужалъ, какъ только „выдержалъ“ экзаменъ; но теперь онъ былъ уже не только мужественъ, но наглъ и нахалъ, способный на какую угодно пакость и при томъ еще пакость, которую онъ совершитъ съ апломбомъ, рисуясь ею и съ увѣренностью ожидая себѣ поощренія и одобренія за нее. Развитіе въ этомъ отношеніи Костеньки сдѣлало большіе шаги.

Вначалѣ я хотѣлъ было написать Павлу Константиновичу, что его порученія я хотѣлъ было выполнить и вызывалъ къ себѣ для этого его сына, но что вотъ какой отъ всего этого получился результатъ. Потомъ я раздумалъ, и такъ какъ онъ объ увѣдомленіи о томъ, что послѣдуетъ отъ моей бесѣды съ Костенькой, не просилъ, то я и оставилъ все это до его пріѣзда: пріѣдетъ, молъ, все это увидитъ самъ и порадуется—спѣшить поздравлять его не съ чѣмъ...

Такъ я и бросилъ это дѣло. Прошло съ мѣсяцъ, Вдругъ однажды утромъ, когда я только что всталъ, является Павелъ Константиновичъ.

— А я прямо къ вамъ съ вокзала—сейчасъ только пріѣхалъ... Надоѣдать вамъ хочу... Ну, что?

— Да ничего.

— Нѣтъ, а видѣли его? Получили вы мое письмо?

— Получилъ. Видѣлъ.

— Ну, что?

— Да ничего, вамъ говорю...

— Правда вѣдь?

— То есть что?

— Что я вамъ писалъ? Объ векселяхъ про апельсиньщика...

— По всей вѣроятности правда... Только вотъ что, Павелъ Константиновичъ, отъ этой исторіи я устраняюсь. Я ни во что вмѣшиваться не буду. Вы ужъ меня пожалуйста увольте, сказалъ я.

Онъ съ недоумѣніемъ и тревожно посмотрѣлъ на меня.

— Что такое?

— Да, ничего, такъ.

— Нѣтъ, было что нибудь? Онъ вамъ непріятность какую нибудь сдѣлалъ?

— Непріятности онъ мнѣ никакой не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать... А такъ, я не хочу ввязываться въ это дѣло.

Павелъ Константиновичъ помолчалъ, подумалъ и опять спросилъ меня:

— Да что такое?

— Ничего, вамъ говорю. Только дѣло это не подходящее мнѣ вовсе. Вы теперь сами тутъ на лицо. Все можете сами теперь здѣсь узнать и, если нужно, устроить... Я-то тутъ при чемъ буду?..

— Вы меня пугаете.

— Ничего, увѣряю васъ, опаснаго и даже вообще ничего я не знаю. Я хочу только стоять въ сторонѣ отъ всего этого.

Онъ посидѣлъ у меня еще сколько-то времени, передалъ мнѣ кой-какія порученія моихъ родныхъ, и ужъ не заговаривая со мною вновь о сынѣ, простился и уѣхалъ, сообщивъ свой адресъ и прося побывать у него какъ нибудь на дняхъ.

Я обѣщалъ.

IV.

Дня черезъ три, тоже утромъ, я къ нему заѣхалъ. Знакомый деревенскій лакей сообщилъ мнѣ, что у Павла Константиновича сидитъ „по дѣлу“ Иванъ Гурьянычъ.

— Кто?

— Иванъ Гурьянычъ.

— Не знаю. Чтожъ, онъ никого не принимаетъ?

— Да васъ то, помилуйте... Вы ужъ... Какъ же... свой... говорилъ лакей, принимая у меня пальто.

Я застал дѣйствительно дѣловую и вмѣстѣ трогательную сцену. За самоваромъ въ гостиной большаго номера хорошей французской гостинницы, поджавъ ноги на диванчикѣ сидѣлъ въ халатѣ Павелъ Константиновичъ — это его была любимая поза, — а рядомъ, тутъ же въ креслѣ, высокій, худощавый, черный, лѣтъ тридцати пяти мѣщанинъ или купецъ въ синей поддѣвкѣ и въ высокихъ сапогахъ.

При моемъ появленіи Павелъ Константиновичъ издалъ крикъ радости и началъ выправлять изъ халата ноги, чтобы встать съ дивана, а черный мѣщанинъ или

купецъ сталъ застегивать нижнiе крючки своей поддѣвки, очевидно ужъ нѣсколько фамильярно разстегнутые имъ во время душевнаго чаепитiя и душевнаго разговора. Когда я сталъ здороваться съ Павломъ Константиновичемъ, мѣщанинъ тоже всталъ и съ любопытствомъ посматривалъ на меня.

— А мы вотъ все съ Иваномъ Гурьяновичемъ толкуемъ здѣсь... позвольте представить... Иванъ Гурьяновичъ... А это, указывая на меня, сказалъ Павелъ Константиновичъ, — нашъ сосѣдъ, нашъ хорошiй знакомый.

Я протянулъ мѣщанину руку, и тотъ безсильно какъ то, не пожалъ ее и даже не взялъ ее въ свою, а коснулся ея холодной и влажной своей ладонью и такими же холодными и мокрыми пальцами. Я нервно отдернулъ свою руку.

Оба они—и Павелъ Константиновичъ, и мѣщанинъ—замѣтили это движенiе. Мѣщанинъ началъ тереть руки ладонь объ ладонь, а Павелъ Константиновичъ улыбнулся мнѣ, какъ бы прося о снисхожденiи къ нему.

— Вотъ все толкуемъ... Чаю не хотите ли?... А вы, Иванъ Гурьяновичъ?—началъ Павелъ Константиновичъ, когда мы наконецъ всѣ втроемъ усѣлись.

И я, и Иванъ Гурьяновичъ выразили желанiе получитъ по стакану чаю.

— Иванъ Гурьяновичъ, началъ Павелъ Константиновичъ, вотъ на счетъ Костенькина дѣла... Вотъ что вы знаете... Объ векселяхъ... И въ голосѣ у него было столько и заискивающаго передъ нимъ, к неловкаго, и конфузливаго передо мною, что мнѣ самому сдѣлалось неловко за него.

Иванъ Гурьяновичъ смотрѣлъ на меня въ это время съ выраженіемъ: что это, молъ, они передо мною комедію ломаютъ, условлено у нихъ, или это случайно вышло, въ стачкѣ противъ меня?...

Я промолчалъ, ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ, батюшка, молодежь-то нынче какая... подавая мнѣ стаканъ съ чаемъ, опять проговорилъ Павелъ Константиновичъ и добавилъ, подвигая Ивану Гурьяновичу блюдечко съ лимономъ:—лимонцу, Иванъ Гурьяновичъ, свѣженькаго...

Иванъ Гурьяновичъ, ничего не отвѣчая, взялъ ложечкой съ блюдечка ломтикъ лимона и положилъ къ себѣ въ стаканъ. Вообще, я замѣтилъ, и по манерѣ себя держать и вообще, что это птица ужъ бывалая, видала виды, и его ничѣмъ не удивишь, ко всякому обществу и ко всякому обращенію онъ привыкъ и умѣетъ себя держать, когда гдѣ какъ нужно.

— Толкуемъ мы вотъ все съ Иванъ Гурьяновичемъ... опять началъ Павелъ Константиновичъ.

— Да-съ... проговорилъ наконецъ мѣщанинъ, и помѣшивая ложечкой въ стаканѣ, упорно смотрѣлъ въ него...

Павелъ Константиновичъ подмигнулъ мнѣ на него.

Я молча разсматривалъ его.

— Да, да... сказалъ Павелъ Константиновичъ—знаете сколько долженъ Костенька?

Нѣтъ, сказалъ я.

— Шестьдесятъ тысячъ!

Я такъ и ахнулъ.

— Въ годъ-то?! невольно сорвалось у меня.

— Да, вотъ какъ разъ годъ теперь.

Иванъ Гурьяновичъ не шевельнулся при этомъ, точно это мы говорили при немъ о совершенно постороннемъ для него предметѣ.

— Да куда же это? сказалъ я,

— Ну, вотъ подите же, проговорилъ Павелъ Константиновичъ.

Иванъ Гурьяновичъ пересталъ мѣшать ложечкой чай, слегка крякнулъ, откинулся къ спинкѣ стула и сталъ смотрѣть на насъ спокойнымъ, равнодушнымъ взглядомъ.

— Это вотъ онъ все Ивану Гурьяновичу долженъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, намъ тридцать три тысячи только, по спѣшилъ отвѣтить мѣщанинъ.

— Нѣтъ, всего, вообще всего долга у него безъ чего-то шестьдесятъ тысячъ, пояснилъ мнѣ Павелъ Константиновичъ; — каретнику за кареты и коляски, портному, началъ перечислять онъ.

— Каретнику? Да вѣдь у него же свои лошади...

— Ну, все равно тамъ, сказалъ Павелъ Констанновичъ.

— Для француженокъ... пробурчалъ мѣщанинъ совершенно равнодушнымъ, нѣсколько даже ироническимъ тономъ.

— Вотъ предлагалъ Ивану Гурьяновичу пятнадцать тысячъ — не беретъ, сказалъ Павелъ Константиновичъ.

— Невозможно этой суммой удовлетвориться никакъ, проговорилъ мѣщанинъ.

— А вы сколько же хотите? спросилъ я.

— Тамъ вотъ написано-съ, кивнувъ мнѣ на лежавшую на столѣ бумажку, отвѣтилъ Иванъ Гурьяновичъ.

Павелъ Константиновичъ молча подалъ мнѣ листокъ почтовой бумаги весь исписанный цифрами и числами.

— Двадцать семь тысячъ хочетъ получить, какъ бы въ поясненіе мнѣ, къ тому, что я читаю, сказалъ Павелъ Константиновичъ.

Иванъ Гурьяновичъ ничего не отвѣтилъ.

Я прочиталъ листокъ и положилъ опять на столъ.

— И дадено вѣдь много-съ, сказалъ мѣщанинъ.

— Да вѣдь не столько же, конечно.

— Не столько-съ.

— Ну, такъ что же...

— Да вѣдь надо нажить-то-съ? Вѣдь это они имъ родной сынъ, а я то изъ чего же-съ хлопоталъ для нихъ, рисковалъ? отвѣтилъ Иванъ Гурьяновичъ.

— Вы сколько давали ему?—спросилъ я

— Да сколько тамъ ни дадено — это все равно-съ теперь. Я только пятнадцати тысячъ за этотъ долгъ не могу взять.

— Ну, Павелъ Константиновичъ вамъ прибавитъ.

— Да это ужъ само собою разумѣется—увѣренно, не допуская сомнѣній, какъ бы о совершенно ужъ рѣшеномъ вопросѣ, сказалъ мѣщанинъ.

— Сергѣй Николаевичъ, вѣдь вотъ тоже вы говорите: прибавить, заговорилъ Павелъ Константиновичъ: — прибавить, но сколько-же? Двадцать семь тысячъ я не могу за него платить. У меня такихъ и денегъ нѣтъ.

— Да я вѣдь не настаиваю вдругъ, разомъ, сказалъ Иванъ Гурьяновичъ.

— Нѣтъ-съ, это ужъ надо покончить разомъ, отсѣчь, проговорилъ Павелъ Константиновичъ, вздохнувъ и взглянувъ на меня.

— Конечно ужъ разомъ, сказалъ я.

— Все равно-съ, хоть разомъ... Это еще пріятнѣе и для меня, согласился съ нами Иванъ Гурьяновичъ.

— Ну, сколько же вы хотите, если всѣ разомъ?— опять спросилъ я.

— Двадцать семь тысячъ... Какъ сказано... Если разомъ...

— Это невозможно! рѣшительно воскликнулъ Павелъ Константиновичъ и хотѣлъ было уже подняться, встать, но, какъ всегда это бываетъ съ нерѣшительными людьми, сейчасъ же что-то сообразилъ и остался на своемъ мѣстѣ.

— Когда срокъ имъ?—спросилъ я—векселямъ?

— Одному черезъ двѣ недѣли, отвѣтилъ Иванъ Гурьянычъ.

— Большой?

— Десять тысячъ...

— А тѣмъ?

— Разные. Черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Одинъ есть по предъявленію...

— Большой по предъявленію-то?

— Пять тысячъ, равнодушно отвѣтилъ Иванъ Гурьянычъ.

— Павла Константиновича нервно передернуло. Онъ

хотѣлъ было опять встать и опять остался сидѣть на своемъ мѣстѣ.

Иванъ Гурьяновичъ спокойно посматривалъ на насъ, слегка барабаня по столу пальцами правой руки.

V.

Прошло послѣ этого дней пять. Я ѣхалъ по Невскому и меня кто-то окликнулъ. Я обернулся и увидалъ тоже на извозчикѣ Павла Константиновича,—радостный, сіяющій:

— Ростовщика то этого—фюить!

Павелъ Константиновичъ даже показалъ рукой, какъ дѣлаютъ фюить.

Но мнѣ показалась радость эта ужъ что-то очень наивной.

— Это кто же, вы устроили? спросилъ я Павла Константиновича.

— Я, отвѣчалъ онъ торжествующе—глаза горятъ, губы нервно подергиваются.—Да нѣтъ-съ, это вѣдь невозможно. Мальчикъ... Ну, увлекся... А это, помилуйте, чтожъ такое? Костя увѣряетъ, что онъ больше пятнадцати, ну, самое самое, говоритъ, большое шестнадцати тысячъ не бралъ отъ него—это же не тридцать три!.. Я поѣхалъ къ графу вчера и говорю...

— А фюить-то вы какъ же устроили?

— Ну, вотъ его теперь и фюить.

— А еще это не совершилось?

— Нѣтъ... Ну, да это все равно, будетъ.

Что-то не вѣрилось мнѣ, чтобы этотъ фюить былъ примѣнимъ, даже могъ быть примѣнимъ къ Ивану Гурьянову — не шло это къ нему, къ лицу это ему даже не шло.

— Ну-съ, а векселя-то какъ-же? сказалъ я.

— Векселя должны отобрать...

— Но тоже еще не отобрали?

— Нѣтъ. Пока еще у него.

Во мнѣ окончательно укрѣпилась увѣренность, что мой другъ только тѣшитъ себя надеждой, даже просто мечтой. Какъ это такъ, въ самомъ дѣлѣ, эдакій опытный, прожженый, несомнѣнно составившій ужъ себѣ вольныя или невольныя связи человѣкъ и вдругъ такъ легко попадается, опростоволосится?..

— Ну, очень радъ, поздравляю съ побѣдой, сказалъ я.

Я торопился куда-то и мнѣ некогда было съ нимъ останавливаться и болтать. Мы разстались.

Прошло еще нѣсколько дней. Утромъ однажды встаю, —говорятъ, отъ Павла Константиновича его человѣкъ пришелъ и дожидается меня.

— Что, Ермилъ?

— Павелъ Константиновичъ больны... Приказали просить, чтобы вы зашли къ нимъ.

— Что съ нимъ такое?

Ермилъ — довѣренное лицо у Куциныхъ въ домѣ, бывшій еще ихъ крѣпостной, знаетъ всѣ привычки Павла Константиновича, —его, однимъ словомъ, все. Онъ все

знаетъ, даже и то, что ему не говорятъ, все соображаетъ, все понимаетъ, даже лучше своихъ господъ.

— Да, вотъ, все это-съ... съ векселями этими.

— Да вѣдь кончено ужъ, сказалъ я. Павелъ Константиновичъ говорилъ мнѣ, что все ужъ...

— Какое, помилуйте, кончено, съ фамильярной развязностью возразилъ Ермилъ, развѣ можно это такъ кончить? Больше только раздразнили человѣка—теперь и слышать не хочетъ ничего. Соглашался ужъ было за двадцать тысячъ отдать всѣ, а теперь какъ потревожили его—всѣ, говоритъ, подавайте, копѣйки одной не спущу...

— А молодой баринъ у васъ?

— Нѣтъ-съ, они одни.

— Я пріѣду, хорошо, скажи, Ермилъ.

Павла Константиновича я засталъ въ самомъ удрученномъ состояніи. Боленъ онъ ничѣмъ не былъ, но былъ хуже, чѣмъ больной.

— Вотъ, батюшка, началъ онъ, когда я взошелъ: —довѣряйте такъ обѣщаніямъ... Себѣ только напортилъ... И Костеньку поставилъ въ фальшивое положеніе...

— Его-то какъ же?

— Всѣ товарищи къ нему... „Онъ“ на всѣхъ представилъ. „А, говоритъ, со мной такъ хотите поступать, такъ вотъ я же вамъ покажу“. Взялъ и представилъ... Все перевелъ на какихъ-то людей—чортъ ихъ знаетъ, кто такіе—говорятъ, это наши векселя, мы ихъ учитывали и никакого Ивана Гурьянова и не знаемъ... Я теперь ужъ не знаю и къ кому обращаться. Все новые, въ новыхъ рукахъ теперь Костенькины векселя...

— И ни на какую сдѣлку не идутъ?

— И ни-ни. Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, позвольте получить сполна... Сегодня срокъ десяти тысячному векселю, да еще вотъ другой онъ протестуетъ по предъявленiю въ пять тысячъ...

Павелъ Константиновичъ указалъ мнѣ на валявшiяся на столѣ у него повѣстки нотарiуса, очевидно, любезно и своевременно присланныя ему сыномъ.

Онъ былъ совсѣмъ убитый. Мнѣ даже немножко жалко его стало.

— Да вы ужъ не очень-то отчаявайтесь, вѣдь это не такъ же ужъ скоро. Ну, пока протестуютъ, пока тамъ подадутъ въ судъ... утѣшалъ я его.

Онъ безпомощно моталъ головой. Какъ всѣ слабохарактерныя люди, особенно когда ихъ плутню раскусываютъ и они попадаются впросакъ, любятъ преувеличивать и свое несчастiе и сейчасъ же прикидываются угнетенными жертвами. Несчастiя, въ сущности, для Павла Константиновича не было никакого — онъ терялъ всего лишь какихъ-нибудь десять, двѣнадцать тысячъ лишнихъ, заплатить которыя для него было плевое дѣло, но ему хотѣлось хоть, въ утѣшенiе себѣ, поплавать по крайней мѣрѣ въ этомъ воображаемомъ своемъ несчастiи. Я понялъ это и началъ его утѣшать — ему больше ничего и не было нужно.

— Вотъ, мой другъ,мой дорогой сосѣдъ, говорилъ онъ, вотъ и при всемъ добромъ желанiи, а навредишь иной разъ только.

— Да вѣдь не хотѣли вы этого сдѣлать, намѣренiя у васъ этого не было...

— Боже мой, да что же я врагъ что ли сыну своему..

— Ну, въ томъ-то и дѣло. Несчастіе ужъ просто...

— Эдакое несчастіе... Эдакое несчастіе... И все потому, что положился, понадѣялся, повѣрилъ...

Онъ протомилъ меня по крайней мѣрѣ съ часъ у себя—все не пускалъ—такъ что я чуть и самъ не сталъ изнывать.

Прошло еще съ недѣлю. Что дѣлалъ въ это время Павелъ Константиновичъ и сынъ его Костя, какъ они боролись съ апельсинщикомъ Иваномъ Гурьяновымъ и вообще въ какомъ положеніи было все это дѣло — я ничего не зналъ.

VI.

Нѣсколько дней спустя, я съ кѣмъ-то пріѣхалъ обѣдать на Черную рѣчку въ Самаркандъ.

Въ Самаркандѣ въ этотъ день — это было въ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ, теплыхъ первыхъ весеннихъ дней, которые такъ всѣхъ обманываютъ, смѣняясь вдругъ чисто осенними холодами—былъ огромный съѣздъ. Весь дворъ былъ биткомъ набитъ колясками, каретами, „собственными“ дрожками и дрожками пріѣхавшихъ на лихачахъ. Татары—прислуга съ ногъ сбилась. По корридору была бѣготня. Цыганы и цыганки, необычныя въ это время фигуры въ Самаркандѣ, ходили тутъ же, визжали и

басили, подвывая, такъ сказать, публику на заказъ. А публика, пригрѣтая теплымъ весеннимъ солнцемъ, такъ и валяла.

Хозяинъ, извѣстный татаринъ Романъ, стоя на верхней площадкѣ, едва успѣвалъ принимать гостей и распредѣлять ихъ по кабинетамъ. Слышалась милая, „любезная сердцу“ французская рѣчь, бряцанье и ляскапье сабель, звонъ и звяканье шпоръ, гунявый, противный говоръ, которымъ выучилась говорить наша „золотая молодежь“ — вся эта, по выраженію Некрасова,

„Безличная сволочь салоновъ“.

Тутъ были, казалось, въ полномъ сборѣ всѣ эти футляры чести, великолѣпные, но совершенно безъ содержанія, пустые, и, по большей части, пустые даже и въ томъ смыслѣ, что ужъ все проѣли и пропили и теперь пріѣхали пить и ѣсть или на чужой счетъ, или въ надеждѣ, что, быть можетъ, дадутъ имъ хоть въ послѣдній разъ въ кредитъ....

Сидя на балконѣ, мы видѣли, какъ показывались то въ томъ окнѣ, то въ другомъ знакомыя и всѣмъ извѣстныя женскія и мужскія лица; въ отворенную въ корридоръ изъ нашего кабинета дверь мы видѣли, какъ они кучками проходили мимо насъ, глупо смѣясь глупымъ своимъ разсказамъ, ломаясь и показывая видъ, что имъ и не вѣсть какъ уже весело.

— Па-аслушай, Пьеръ...

— А-а? Что?

И вдругъ противный, дѣланный, короткій смѣхъ чортъ знаетъ чему: пожалѣть бы надо, что сказалъ этакую глупость, а онъ еще подчеркиваетъ и смѣется ей самъ же.

Мнѣ сразу, вдругъ иногда, въ эдакихъ случаяхъ дѣлается страшно скучно. Я слушаю, слушаю, и вдругъ мною овладѣваетъ страшно гнетущая скука не скука, жалость объ нихъ, щемящее какое-то чувство, и я на цѣлый день разстроилъ себя. Такъ было и этотъ разъ. Я пріѣхалъ пообѣдать съ человѣкомъ, котораго искренно люблю, давно не видалъ и думалъ провести вечеръ, болтая и вспоминая съ нимъ наше общее прошлое, и налетѣлъ на этотъ необычайный ихъ съѣздъ.

— Что это у васъ такое собраніе сегодня? спросилъ я подававшаго намъ обѣдъ татарина.

— Господинъ Куцинъ какъ бы что-то въ родѣ пикника дѣлаютъ. На пятьдесятъ человѣкъ заказъ... И кромѣ того такъ гости... Погода хорошая, объяснилъ татаринъ.

— Куцинъ? Какой? Молодой?—удивился я.

— Молодой.

— Вы развѣ знаете его?—спросилъ меня мой другъ.

— Какъ же! Еще бы! Сосѣди мы съ нимъ. Да и такъ я этого душку знаю.

— По какому же случаю, не знаешь?—опять спросилъ я татарина.

— Не знаемъ-съ. Говорилъ, кажется, наслѣдство получилъ, отвѣтилъ татаринъ.

Когда мы уходили изъ Самарканда, въ одномъ кабинетѣ изъ корридора я увидѣлъ Костеньку, окруженнаго цѣлой ватагой. Вокругъ огромнаго стола, занятаго закусками, сидѣли, стояли, кричали, жевали, хохотали. Онъ тоже меня замѣтилъ, выскочилъ ко мнѣ въ корридоръ и сталъ звать къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну, такъ посидѣть... Выпьемъ чего нибудь... Да вы гдѣ же сидѣли? Эдакая досада, я не зналъ... А я сегодня справляю мой мальчишникъ...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Т. е. какъ же мальчишникъ—женитесь вы что ли?

— Ха, ха, ха... Нѣтъ. Я называю только такъ, мальчишникомъ. Сегодня мы съ отцомъ покончили наконецъ съ нашими векселями — я теперь чистъ, всѣ ихъ онъ заплатилъ... Ну и я далъ ему слово, ха, ха, больше не дѣлать долговъ... Даже, ха, ха, больше не кутить,.. Покутимъ сегодня и ужъ шабашъ... ха, ха...

— И Павелъ Константиновичъ съ вами? спросилъ я.

— А, нѣтъ, папа уѣхалъ на музыку въ Павловскъ, отвѣтилъ Костя и опять принялся звать меня въ кабинетъ къ себѣ.

Когда я, разставшись наконецъ съ Костей, догналъ моего друга, тотъ началъ разспрашивать меня дальше объ немъ:

— А такъ не глупый мальчикъ?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Знаете, сколько этотъ мальчикъ надѣлалъ долговъ въ одинъ годъ?—сказалъ я—шестьдесятъ тысячъ! Одному своему апельсинщику долженъ тридцать тысячъ!

Мой другъ съ удивленіемъ спросилъ:

— Какому апельсинщику?

Оказалось, онъ также, какъ и я въ началѣ, и понятія не имѣлъ никакого о томъ, что такое апельсинщики и какое ихъ при полкахъ назначеніе.

Мнѣ пришлось объяснить ему, и мы всю дорогу до до-

му протолковали по этому случаю и на эту тему. Я разсказалъ ему, разумѣется, со всѣми подробностями Костину исторію и исторію полученія его родителемъ первыхъ его векселей, этихъ въ своемъ родѣ первыхъ фіялокъ, которыя дѣти извѣстнаго возраста и извѣстной среды обыкновенно подносятъ черезъ извѣстный срокъ своимъ родителямъ,..

Прошло еще нѣсколько дней — два или три — я сидѣлъ у Кюба и, послѣ завтрака, курилъ сигару и отъ нечего дѣлать посматривалъ въ окно. Къ подъѣзду подъѣхала коляска и изъ нея вышли двое молодыхъ людей извѣстнаго фасона — поджарые, тощіе, съ тоненькими шейками, съ узенькими головками, сапоги стерлядками — и извѣстнаго типа:

...«Вѣковой пустоты
И наслѣдственной праздности дѣти»..

Вышли и рысью почти вбѣжали въ ресторанъ. Наискосокъ отъ меня былъ пустой столъ, они за него и сѣли.

Черезъ минуту я услыхалъ странный и подозрительный для меня ихъ разговоръ, который они вели громко, совершенно не стѣсняясь, такъ что слышалъ его не одинъ я, а всѣ, кто тутъ были. Вотъ этотъ разговоръ:

— Понимаешь, говорилъ одинъ: — ну, чортъ же его зналъ, что это онъ, ха, ха...

— Да вы-то какъ туда попали? Оттуда, изъ Самарканда?

— Ну-да.

— Всѣ?

— Ну-да.

— И Костя ничего не подозрѣвалъ?

— Да понимаешь, онъ былъ увѣренъ, что старикъ его въ Павловскѣ, на музыкѣ, ха-ха.

— Ха-ха-ха...

— Нѣтъ, да что же это Марья Степановна-то? Вѣдь она же его должна была знать.

— Не знала, въ томъ-то и дѣло. Первый разъ онъ у нея. Никогда онъ прежде у нея не бывалъ...

— А это вотъ намедни при немъ, помнишь, мы говорили, онъ слышалъ, запомнилъ--онъ еще спрашивалъ, гдѣ это—и теперь, думаетъ, они закатились, будутъ все по островамъ путаться, а я тутъ этимъ временемъ-то и воспользуюсь... ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха... Нѣтъ, она все-таки виновата... Она должна же смотрѣть за порядкомъ. Вѣдь эдакъ выйдетъ у нея когда-нибудь исторія, ну, и закроютъ...

— А вы только значитъ вошли?

— Только-только. Понимаешь, ну, двухъ минутъ не прошло. Ты понимаешь, если бы мы входя услыхали крикъ, драку, мы бы повернули сейчасъ назадъ... И его, исколотили бы. Это его счастье, что мы то ужъ вошли...

— Вошли и вскорѣ слышите?..

— Нѣтъ, вошли... я тебѣ говорю, минутъ черезъ пять, даже меньше, минуты черезъ двѣ... Пьеръ — ты знаешь его привычку—сейчасъ на диванъ съ ногами и кричитъ:—Марья Степановна, мой другъ! Ну, та только что подошла къ нему, онъ началъ ей заказывать, мы тутъ тоже смѣемся, болтаемъ... Сережа карточки фотографическія разсматриваетъ, тоже себѣ заказываетъ и вдругъ слышимъ крикъ... Она сейчасъ туда кинулась.

— А вы сидите, не выходите?

— Нѣтъ, какъ же можно.

— По чему же вы узнали?

— Костя. Самъ Костя и налетѣлъ. Я, знаешь, вѣрю въ предопредѣленіе... Отворилъ въ корридоръ онъ дверь и видитъ вдругъ...

— Бьютъ ужъ?

— Да ужъ раза два ударилъ его... Ну да ты самъ понимаешь, много ли старику нужно... Костя увидалъ, сейчасъ къ намъ и ни слова не можетъ выговорить. А мы слышимъ, кричитъ кто-то: штатскаго бьютъ!... Тутъ Базиль взглянулъ и видитъ...

— Вы всѣ сейчасъ и выскочили?..

— Ну, разумѣется... Ахъ, я тебѣ скажу, что это за сцена была—встрѣча отца съ сыномъ!...

— Воображаю!

— Нѣтъ, этого вообразить нельзя. Это надо было видѣть. Вѣдь всѣ мы его знаемъ; сегодня еще утромъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать на мальчишникъ, всѣ мы были у него, поздравляли его съ окончаніемъ дѣла Костинкина, звали его съ собою; но онъ отказывался, говорилъ, что ужъ онъ усталъ, отсталъ отъ всѣхъ кутежей, будетъ намъ только всѣмъ въ тягость, будетъ мѣшать... что онъ лучше поѣдетъ на музыку въ Павловскъ... и вдругъ — встрѣча въ эдакомъ мѣстѣ... у Марьи Степановны!..

— Вышли вы и что-жъ онъ? А Жоржъ?

— Да ужъ тутъ-то Жоржъ увидѣлъ, понялъ... Вѣдь и его положеніе тоже—исколотилъ отца своего товарища!.. И всѣ это видѣли!..

-- Да за что?

— Ну, понимаешь, Жоржъ выпивши... видитъ штатскій... ну, это его, понимаешь...

— Я этого представить не могу, какъ они не были знакомы!

— Ну, представь, ни разу не встрѣчались. Жоржъ вѣдь, впрочемъ, третьяго дня только пріѣхалъ...

— И прямо на такую исторію!

— Лучше, я тебѣ скажу,—вѣдь эдакое несчастіе— Костя написалъ даже ему записку, приглашалъ на мальчишникъ и мы его ждали.

— Отчего же онъ не пріѣхалъ туда?

— Выѣхалъ съ утра, домой не заѣзжалъ такъ записки и не видалъ.

— Ну, а разскажи, какъ же ихъ помирили потомъ?

— Ну, Жоржъ извинялся, разумѣется... Костя его хотѣлъ сейчасъ же вызвать... Ну, потомъ это такъ всѣ сейчасъ же обратили въ шутку... Ну, какая же тутъ возможна дуэль — это огласилось бы, всѣ узнали... а теперь это—недоразумѣніе и больше ничего. Да и самъ старикъ сейчасъ же, какъ только оправился, потребовалъ, чтобы все было кончено.

— А самъ-то тоже помирился съ Жоржемъ?

— Сейчасъ-же! Тутъ же...

— Чортъ знаетъ что!.. А жаль, что я не былъ съ вами. И преглупѣйшимъ образомъ я этотъ вечеръ провелъ: — Обѣдалъ у Донона, тамъ эти старики.. скука съ ними... Потомъ поѣхалъ въ Павловскъ—чортъ знаетъ за чѣмъ и самъ теперь не знаю... Мнѣ ужасно досад-

но... Ну, а потомъ какъ же вы всѣ вмѣстѣ и съ старикомъ на Каменный и къ Фелисьену?

— Всѣ вмѣстѣ, — и Костя, и старикъ, и Жоржъ въ одну коляску сѣли. Жоржъ не зналъ просто, какъ ему загладить только эту исторію.

— Ну, дали другъ другу конечно слово не говорить никому.

— Ну, разумѣется...

— А вотъ ты первый же... ха-ха-ха...

— Ну, да вѣдь послушай... Я на тебя надѣюсь... И ты, пожалуйста, Ѳедькѣ не говори — это главное — Ѳедька въ ссорѣ съ Костей и радъ этой сплетнѣ будетъ.

— Да я ужъ отъ тебя отъ третьяго слышу эту исторію. Вчера у А — хъ разсказывали... Сегодня у Б—выхъ разсказывали, потомъ у В — ихъ разсказывали... Ты ужъ четвертый, а не третій... успокоивалъ его слушатель.

— Ужасная исторія! восклицалъ разсказчикъ.

— Ужасный случай, соглашался съ нимъ и слушатель.

Пріятели затѣмъ начали обсуждать что-то совершенно ужъ постороннее, я всталъ и уѣхалъ, очарованный въ буквальномъ смыслѣ слова такой удивительной и совершенно ужъ неожиданной провиденціальной развязкой эпопеи борьбы Куциныхъ съ апельсинщикомъ.

БАБА.

Зналъ я одного молодого человѣка, моего сосѣда по деревнѣ, князя Мышонкова. Лѣтъ десять назадъ, онъ кончилъ курсъ въ „Училищѣ Статскихъ юнкеровъ“, и пріѣхалъ на лѣто къ себѣ въ имѣніе отдохнуть. Вскорѣ по пріѣздѣ я съ нимъ и познакомился.

Сельцо Мышонково я не знаю кому прежде принадлежало—отцу его, матери, дядѣ; но только „сельцо“ это было очень маленькое, десятинъ триста, четыреста за надѣломъ крестьянъ. Когда-то, должно быть, это было большое имѣніе, потому, я помню, лѣтъ десять назадъ въ немъ, при такомъ микроскопическомъ количествѣ десятинъ, была очень обширная усадьба, съ садомъ (старымъ, запущеннымъ, но однако же тогда еще не вырубленнымъ), надворными постройками и даже оранжереями, которыя, впрочемъ, кажется, ужъ „не

дѣйствовали", и проч. Вообще затѣяно все было на большую ногу, видно было, что здѣсь когда-то жизнь была широкая.

А можетъ было и такъ: у князей Мышонковыхъ были прежде гдѣ-нибудь еще другія имѣнія, съ которыхъ получались большіе доходы, а это „сельцо" имъ лишь почему-нибудь понравилось, они здѣсь поселились, и доходы съ тѣхъ, другихъ имѣній, здѣсь только проживались. Это встрѣчалось тоже прежде очень часто.

Но въ описываемое время у князей Мышонковыхъ, или, по крайней мѣрѣ у той ихъ отрасли, представителемъ которой былъ пріѣхавшій молодой человѣкъ, этихъ „другихъ имѣній" уже не было.

Чрезъ „сельцо" Мышонково, т. е. собственно черезъ принадлежащія князьямъ Мышонковымъ „земли", тянулась огромная мочежина, та самая, которая начиналась у насъ въ имѣніи, потомъ проходила черезъ имѣніе нашего сосѣда, потомъ еще черезъ имѣніе одного помѣщика и, наконецъ, черезъ имѣніе Мышонкова и тамъ уже, гдѣ-то пропадала. Въ этой мочежинѣ каждую весну и осень, какъ только прилетали и улетали дупеля и бекасы, съ утра и до вечера шла настоящая канонада. Съѣзжались сюда знакомые и незнакомые помѣщики верстъ за сорокъ и за пятьдесятъ. Останавливались гдѣ-нибудь съ собаками и егерями въ избахъ у мужиковъ и дня по три, по четыре, а иногда и по недѣлѣ и больше охотились, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, безданно-безпошлинно, сколько душѣ угодно. Это все было очень еще недавно, и я помню на этой

мочежинѣ я сдѣлалъ много интересныхъ знакомствъ и наблюденій, которыя такъ годились мнѣ впослѣдствіи...

На этой мочежинѣ я познакомился и съ княземъ Мышонковымъ, вскорѣ по пріѣздѣ его.

Я шелъ съ однимъ сосѣдомъ—мы возвращались уже съ охоты и шли не по самой мочежинѣ, а бережкомъ—какъ намъ на встрѣчу показался вдали высокій господинъ въ сѣренькомъ пиджачкѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Поравнявшись съ нами, онъ у кого-то изъ насъ попросилъ закурить папироску и, посматривая на наши ягтажи съ дичью, выразилъ удивленіе, что мы столько настрѣляли, тогда какъ онъ проходилъ почти цѣлый день и не видалъ даже „ни одной дичи".

Мой сосѣдъ посмотрѣлъ на него и потомъ, взглянувъ ему на ноги, улыбнулся и сказалъ:

— Да какъ же вы ходите — въ ботинкахъ и безъ собаки—по берегу?

— По берегу, отвѣтилъ тоже улыбаясь молодой человѣкъ.

— Такъ что-жъ удивительнаго, что вы ничего и не видѣли?

— Но все-таки могли бы пролетѣть, я бы видѣлъ... Ужасно досадно, что нѣтъ у меня собаки...

— Вы здѣшній? спросилъ я его.

— То-есть какъ?

— Ну, живете здѣсь, или пріѣхали только на охоту?

— О, нѣтъ. Я здѣшній. Я здѣсь живу. Вотъ мое имѣніе, указалъ онъ рукой на виднѣвшуюся вдали усадьбу и вслѣдъ затѣмъ проговорилъ:—князь Мышенковъ.

Это былъ довольно высокій молодой человѣкъ, съ тѣмъ безцвѣтнымъ прыщеватымъ бѣлобрысымъ лицомъ, которое ни о чемъ не говоритъ: ни объ умѣ, ни о сердцѣ, ни даже о породѣ, и которое вы встрѣчаете, особенно въ Петербургѣ, каждый день разъ посту на улицѣ. Худой, даже тощій, неловкій, близорукій, какой-то развинченный, онъ нисколько не походилъ даже на бывшаго воспитанника училища статскихъ юнкеровъ, что, впрочемъ, въ моихъ глазахъ ни мало не роняло его, а напротивъ, представилось мнѣ настолько любопытнымъ, что я даже заинтересовался имъ.

— Значитъ, мы сосѣди, продолжалъ онъ. — Какое здѣсь огромное сосѣдство! Сегодня, я видѣлъ, здѣсь ходили и стрѣляли по этому болоту человѣкъ двадцать. Это очень милое обыкновеніе собираться всѣмъ вмѣстѣ по вечерамъ. А? что?

Мы объяснили ему, что это вовсе не обыкновеніе и что эти двадцать человѣкъ, которыхъ онъ тутъ видѣлъ, вовсе не сосѣди, а пріѣхали просто сюда на охоту, такъ какъ теперь „высыпка“ дупелей...

— Да-а? удивился онъ. — И какъ же это — такъ, безъ спросу, кто хочетъ, пріѣзжай—и можетъ стрѣлять?

— Пріѣзжай и стрѣляй. У насъ такъ принято. На всѣхъ хватаетъ.

— Но это наша статья дохода. Мы можемъ отдавать право охоты у насъ. Вотъ мой другъ князь — онъ назвалъ какую-то фамилію—въ Петербургѣ, большой охотникъ, у него арендовано много мѣстъ для охоты и онъ платитъ за это огромныя деньги, сказалъ Мышенковъ.

Мы отвѣтили ему опять, что это у насъ здѣсь не принято, что это, можетъ, тамъ, въ Петербургѣ, а здѣсь, у насъ, все дѣлается по душѣ, по обычаю, да и нѣтъ такихъ, которые бы стали арендовать для этого болота.

Мы поболтали еще сколько-то и разошлись, онъ — въ свою сторону, мы — въ свою.

Дня черезъ три я опять былъ на охотѣ на мочежинѣ и опять встрѣтилъ кньзя Мышенкова. Онъ ужъ, какъ знакомый, издали крикнулъ мнѣ.

— Ну, что, какъ? Удачно сегодня стрѣляли?

Онъ опять былъ на берегу, безъ собакъ, въ ботинкахъ и съ ружьемъ. Мнѣ это показалось даже страннымъ: ходитъ человѣкъ по берегу и ждетъ, чтобы дупеля сами къ нему вылетали.

— Да что же это вы такъ... ходите тамъ, отвѣчалъ я: — вы идете сюда.

— Не могу—сапоги не готовы. Эти обѣ ваши собаки?

— Мои обѣ.

— И у васъ еще есть?

— Есть, отвѣтилъ я.

— Много?

— Еще двѣ.

Собаки тянули къ берегу, гдѣ онъ былъ, и я приблизился.

— Съ этими собаками вы и прошлый разъ ходили, а тѣ двѣ что у васъ дѣлаютъ?

— Ничего не дѣлаютъ. Съ ними иногда поваръ ходитъ.

— Съ обѣими?

— Да. Иногда съ одной. А что?

— Я хотѣлъ у васъ спросить: — не продадите ли вы мнѣ одну изъ нихъ?

Я вышелъ къ нему на берегъ, поздоровался и сказалъ, что не продаю собакъ, а такъ, охотиться ему я, пожалуй, уступлю на лѣто: — только съ условіемъ — не бить, добавилъ я.

— Какъ, совсѣмъ? А если она не будетъ слушаться?

— Будетъ ужъ, не безпокойтесь, не горячитесь, только вѣрнѣе стрѣляйте.

— Я совсѣмъ не умѣю... Я только еще учусь, сказалъ онъ. Я первый разъ въ деревнѣ. Т. е. я бывалъ въ Петербургѣ: вотъ, въ Парголовѣ, въ Лѣсномъ, но это развѣ деревня? А совсѣмъ, какъ есть въ деревнѣ, я первый разъ. А? Что?

Онъ стоялъ, смотрѣлъ на меня бѣлесыми своими глазами и улыбался. — А? Что? — повторилъ онъ.

Я тоже разсматривалъ его.

— Не знаю ужъ, что вамъ сказать, отвѣтилъ я. Вамъ въ такомъ случаѣ надо себѣ егеря взять и съ нимъ ходить, пока выучитесь.

— Вы говорите? А гдѣ егеря достать?

— Да тутъ кой у кого есть изъ сосѣдей.

— У васъ нѣтъ?

У меня нѣтъ.

— Вы куда идете? Туда? — онъ указалъ въ мою сторону — или сюда? и онъ указалъ въ свою сторону.

— Сюда, отвѣтилъ я.

— Значитъ, намъ по дорогѣ?

— Только я вѣдь пойду опять по болоту.

— Ну, да, ну, да, конечно, вдругъ, оживляясь, сказалъ онъ — въ одну только сторону? Я буду идти и учиться, смотрѣть, какъ вы будете стрѣлять... А куда вы эту дичь дѣваете? вдругъ опять неожиданно, точно вспомнивъ, спросилъ онъ.

— Ѣмъ, дарю...

— А гдѣ ее здѣсь можно покупать?

— Не знаю. Мужики иногда приносятъ. Хотите я вамъ вотъ сегодня что настрѣлялъ подарю. Вы любите?

— Ахъ, очень вамъ благодаренъ, нѣтъ, зачѣмъ же, опять непомѣрно какъ-то воодушевляясь, заговорилъ онъ. Вамъ можетъ себѣ надо, а вы мнѣ уступаете... Это такъ великодушно, но мнѣ право совѣстно... Вотъ что, въ такомъ случаѣ...

Онъ сказалъ и остановился въ раздумьи.

— Вотъ что въ такомъ случаѣ... мы вмѣстѣ эту дичь съѣдимъ. Вы сдѣлаете мнѣ это удовольствіе, эту честь, зайдете ко мнѣ послѣ охоты? У меня есть отличное бордо, я съ собою изъ Петербурга привезъ... Такъ? А? Что?

Мнѣ рѣшительно было все равно. Дрожки мои бѣговыя ѣхали за мною, часомъ или двумя раньше или позже я буду дома — ничего не составляло и я согласился. На моихъ даже дрожкахъ онъ и поѣхалъ домой, что-то такое вспомнивъ, о чемъ ему надо распорядиться еще съ утра. А я пошелъ опять въ мочежину стрѣлять, съ тѣмъ, что, пройдя всю ее, на обратномъ пути, заѣду къ нему ужинать — ѣсть вотъ этихъ самыхъ дупелей и пить его „бордо“.

Я прошелъ мочежину дальше обыкновеннаго, всю до конца, и когда попалъ къ Мышонкову, были ужъ совсѣмъ сумерки. Въ вечернемъ небѣ, въ противоположной сторонѣ отъ догорающей зари, вырисовался блѣдно-золотой мѣсяцъ и уже свѣтилъ. Былъ дивный, теплый весенній вечеръ. Съ деревни долетали послѣдніе звуки засыпающей жизни — не ясные, отрывочные. Гдѣ-то тамъ далеко, въ полѣ, рѣзко кричали коростели.

Князя Мышонкова я засталъ на крыльцѣ—балкончикѣ флигеля, въ которомъ жилъ прежде его управляющій,—одного передъ столомъ совсѣмъ уже накрытымъ, съ двумя свѣчками въ стеклянныхъ колпакахъ.

Онъ былъ, повидимому, очень радъ мнѣ; извинился, что такъ незатѣйливо просто принимаетъ меня.

— Я живу, вотъ, какъ видите, еще не обзавелся, да едва ли и буду обзаводиться, сказалъ онъ,

— Для чего-жъ вамъ? Вѣдь вы вѣроятно на лѣто только будете пріѣзжать? отвѣтилъ я.

— Ничего еще не знаю. Хотя скорѣе, думаю, проживу здѣсь весь этотъ годъ, т. е. и зиму... Ну, что-жъ, будемъ сейчасъ ужинать? Который часъ? Девять, десятый. Хотите? Вы устали, проголодались?

Я сказалъ, что ничего не имѣю противъ этого.

— Фіона! крикнулъ онъ.

Извнутри флигеля послышался голосъ: сейчасъ.

Но Мышенковъ, не дожидаясь, самъ исчезъ куда-то. Я остался одинъ на крылечкѣ. Прошло минутъ пять. Вдругъ на порогѣ оттуда, извнутри флигеля, показалась высокая красивая молодая баба съ засученными по локоть ру-

кавами и, смотря на меня, какъ бы сама съ собой, въ недоумѣніи проговорила: А гдѣ же баринъ?... Почти одновременно съ нею въ темнотѣ, со стороны двора, послышался голосъ Мышенкова.

— Готово если, — несите, давайте.

И вслѣдъ затѣмъ я увидалъ его самого, входящаго по ступенькамъ на крыльцо съ двумя бутылками въ каждой рукѣ.

— Куда это вы столько? проговорилъ я.

— А вотъ мы попробуемъ. Я привезъ съ собою порядочный запасъ. Вѣдь я одинъ, продолжалъ онъ, ставя бутылки на столъ: знакомыхъ у меня никого нѣтъ. Я, и вотъ Фіона, сказалъ онъ, указавъ глазами на дверь, въ которой она только-что исчезла.

Фіона начала таскать на тарелкахъ разныя колбасики, сардинки, паштеты въ жестянкахъ, сыры и проч. Она все это приносила, ставила на столъ, улыбаясь, взглядывала на насъ глазами „съ поволокой" и опять уходила, „точно лебедь уплывала".

Наконецъ, столъ былъ весь уставленъ этими тарелками.

— Теперь ужъ, кажется, больше некуда ставить, сказаль я.

— Это я вѣдь все привезъ съ собою. Это все свѣжее, все кушайте не опасаясь, пожалуйста, говорилъ Мышонковъ. — Фіона! А водка гдѣ же?

— Ахъ, водки!.. воскликнула Фіона и манерно застыдилась своей разсѣянности.

— Сейчасъ, я забыла.

Мы выпили съ нимъ по двѣ, по три рюмки водки,

закусили всѣми этими закусками, Фіона принесла дупелей, которые оказались очень хорошо изжаренными, откупорила бутылки съ виномъ, отошла къ дверямъ и, взявшись одной рукой за косякъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ бабы, спросила:

— Ну, теперь, Василій Николаевичъ, мнѣ можно сходить?

— Да, но только поскорѣй возвращайся.

— Я сейчасъ, духомъ сбѣгаю.

— Не такъ какъ намедни.!.

И затѣмъ, обратясь ко мнѣ прибавилъ: — Вѣдь вы знаете, я одинъ здѣсь совсѣмъ.

— Вотъ только съ Фіоной?..

Онъ разсмѣялся.

— Ну, да...

Я просидѣлъ у него съ часъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы навсегда и совсѣмъ поселиться въ деревнѣ, что къ службѣ, петербургской, въ канцеляріяхъ, онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго призванія, что вообще онъ не хочетъ идти по общей, такъ сказать, дорогѣ, а хочетъ присмотрѣться, пожить тутъ, поѣздить по Россіи и тогда ужъ за что нибудь приняться.

Дня черезъ два онъ былъ у меня. Я далъ ему собаку, еще пары двѣ дупелей, онъ обѣдалъ у меня и уѣхалъ.

Время отъ времени мы продолжали съ нимъ видаться; но ни я у него больше не бывалъ, ни онъ у меня.

Вдругъ, въ концѣ ужъ сентября, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ спрашиваетъ, чрезъ сколько мѣсяцевъ, послѣ просрочки, земельныя банки продаютъ заложенныя въ нихъ имѣнія?

Я отвѣчалъ, что, кажется, послѣ стольких-то мѣсяцевъ, но что навѣрно не знаю, не могу поручиться.

На другой день онъ пріѣхалъ самъ. Это было утромъ, я собрался ѣхать въ поле на охоту за зайцами.

— Ахъ, я васъ задерживаю? сталъ онъ извиняться: — Вы въ какую сторону? Поѣдемте вмѣстѣ. Вы мнѣ дорогой все разскажите, и я васъ потомъ отъ себя избавлю.

Но мнѣ ѣхать приходилось какъ разъ въ его сторону, и когда онъ узналъ, то сталъ просить заѣхать обѣдать послѣ охоты къ нему.

Изъ его разсказовъ я увидалъ, что ему хотя со стороны банка на этотъ разъ и не грозило никакой серьезной и близкой опасности, но онъ, тѣмъ не менѣе, былъ какой-то совсѣмъ растерянный, повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ, задумывался. Я поѣздилъ по полю, объѣхалъ десятка два окладинъ—обыкновенный притонъ зайцевъ въ это время — ничего не нашелъ — бываютъ такіе дни — и когда стало ужъ смеркаться, пріѣхалъ къ нему въ усадьбу.

Онъ жилъ все въ томъ же флигелькѣ — домъ, попрежнему, стоялъ запертый съ закрытыми ставнями. Черезъ крылечно я взошелъ въ большія просторныя сѣни, потомъ, налѣво, въ комнаты, гдѣ онъ помѣщался. Я сталъ снимать съ себя кожанъ, а онъ прошелъ прямо дальше и я услыхалъ голосъ Фіоны, которой онъ что-то говорилъ, а та ему отвѣчала, возражала.

Войдя въ эту вторую комнату, я увидалъ ее и не узналъ. Она была ужъ въ копотѣ, широчайшемъ, розовомъ, съ откидными рукавами, и очевидно, только что ее онъ разбудилъ — одна щека красная, лицо заспанное, и она щурилась, не могла смотрѣть на свѣчку, которую онъ зажегъ.

— Ахъ, здравствуйте,—сказала она, увидавъ меня, схватилась за воротъ копота и со смѣхомъ кинулась мимо меня къ дверямъ.

Я посмотрѣлъ на него. Онъ стоялъ и улыбался.

— Вы смѣетесь? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, что-жъ такое? Это такъ обыкновенно... Ну, а что вы все это время дѣлали? Читали что? Писали? Вы говорили тогда, помните за ужиномъ, что хотите попробовать писать что-то? сказалъ я, желая перемѣнить разговоръ о Фіонѣ.

Но это его поставило, кажется, еще болѣе въ неловкое положеніе. Онъ какъ-то неловко пожимаясь и смѣясь, сказалъ мнѣ, что, по правдѣ, признаться, все это время онъ проспалъ:

— Что думалъ и хотѣлъ сдѣлать — ничего не сдѣлалъ. Я хочу въ Петербургъ съѣздить, вдругъ объявилъ онъ. На одинъ только мѣсяцъ. Съѣзжу, а потомъ опять сюда...

— Ну, вотъ, что я вамъ говорилъ, сказалъ я.

— О, нѣтъ, живо возразилъ онъ. У меня тамъ дѣло одно есть, а потомъ непремѣнно, сюда пріѣду. Я тутъ все оставлю...

Какая-то дѣвочка, лѣтъ тринадцати, пришла и на-

чала накрывать на столъ. Потомъ явилась и Фіона— разодѣтая въ шелковое платье, на рукахъ браслетки и стала приказывать что-то этой дѣвочкѣ. Я продолжалъ разговаривать съ княземъ, но все-таки услыхалъ раза два какъ эта дѣвочка назвала ее Фіоной Егоровной:— Фіона Егоровна, три прибора? Фіона Егоровна, тарелки глубокія сюда ставить?

Когда кушанье было подано, Мышенковъ сказалъ мнѣ указывая на Фіону, стоявшую у своего, третьяго прибора:

— Вы ничего не будете имѣть противъ нея?

— Помилуйте.

Мы сѣли втроемъ обѣдать, Фіона наливала супъ, дѣвочка подавала.

Въ этихъ случаяхъ всегда бываетъ какъ-то неловко. Потомъ привыкнешь и ничего, но въ началѣ не знаешь, какой завести разговоръ. Фіона же, напротивъ, чувствовала себя довольной, уснула передъ обѣдомъ и была, что называется, въ ударѣ.

— Ну, ты, однако, меньше, болтай, остановилъ онъ ее раза два. Вотъ ты бы лучше посмотрѣла, чтобы намъ не подали, какъ намедни, недожаренныхъ карасей.

— Не безпокойтесь, прожарятъ, спокойно отвѣтила она ему.

Зачѣмъ онъ собирался въ Петербургъ, какое тамъ у него дѣло, я, разумѣется, не спрашивалъ и, посидѣвъ немного послѣ обѣда, уѣхалъ къ себѣ домой.

Съ Фіоной я прощался за руку, что ей очень по-

нравилось, а у него на лицѣ вызвало улыбку,—и я не скажу, чтобы ироническую, скорѣе тоже пріятную.

Князь Мышенковъ для меня теперь представлялся совсѣмъ яснымъ также, какъ и его романъ съ Фіоной. А все-таки онъ броситъ ее, рѣшилъ я: это не въ его, все-таки, и натурѣ, и не въ его воспитаніи.

Настала зима. Какъ-то мнѣ надо было проѣзжать (я эту зиму всю жилъ въ деревнѣ) мимо Мышенкова, и я изъ любопытства, подозвалъ кого-то изъ стоявшихъ въ усадьбѣ у конюшни и спросилъ, вернулся ли баринъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А ждете когда?

— Ничего неизвѣстно. Не пишутъ ничего.

— А что Фіона? помолчавъ немного, спросилъ я.

— Ничего-съ, улыбаясь отвѣтилъ онъ. Дома.

Но онъ мѣсяца черезъ три, однако, вернулся. Я зналъ объ этомъ, хотя мы съ нимъ не видались.

Къ веснѣ вдругъ прошелъ слухъ, что сельцо Мышенково описано за долги и будетъ скоро продаваться. Мнѣ сказалъ это одинъ сосѣдъ, и я не мало этому подивился. Какіе же могутъ быть у него долги? Живетъ скромно, кутежей никакихъ. Развѣ старые какіе нибудь?..

Потомъ прошелъ слухъ, что онъ боленъ и очень серьезно, каждую недѣлю два раза ѣздитъ докторъ изъ города...

У меня какъ-то выбрался свободный денекъ, и я поѣхалъ навѣстить его.

Я не узналъ Мышенкова. Онъ былъ совсѣмъ измозженный какой-то, худъ—однѣ кости да кожа. Глаза, эти бѣлесовые, ничего не выражавшіе глаза, теперь выражали страшное какое-то страданіе, боль, ежеминутно напоминающую о себѣ. Онъ хотѣлъ было приподняться, когда я вошелъ къ нему, но не могъ и на лицѣ у него изобразилось неизъяснимое страданіе. Онъ схватился обѣими руками за руку Фіоны, закрылъ глаза стиснулъ зубы и такъ и замеръ. Я простоялъ по крайней мѣрѣ съ минуту, пока у него припадокъ этой боли утихъ нѣсколько и онъ медленно, какъ бы опасаясь новаго приступа, разжалъ пальцы, выпустилъ Фіонину руку и открылъ глаза.

Я осторожно подошелъ къ нему и поздоровался:

— Что это съ вами? спросилъ я его.

— Не знаю.

— Давно?

— Второй мѣсяцъ.

— Докторъ что-жъ говоритъ?

— Онъ самъ ничего не знаетъ, капризнымъ, жалкимъ голосомъ отвѣтилъ онъ мнѣ.

Фіона тоже измѣнилась за это время—вѣроятно отъ безсонныхъ ночей, отъ всей этой возни и хлопотъ вокругъ больнаго. Она вопрошающе посматривала на меня и раза два или три вздохнула и показала мнѣ на него глазами.

Я также молча, и чтобы онъ не замѣтилъ, пожалъ плечами.

Такъ я просидѣлъ у него съ часъ, простился, и обѣщалъ еще заѣхать провѣдать его.

Провожая меня, въ дверяхъ, Фіона сказала мнѣ:

— А вѣдь насъ-то продаютъ. Надняхъ совсѣмъ продадутъ. Это все, все до ниточки переписано. Я ужъ свое все, платьишко какое, вещи къ своимъ на деревню перетаскала.

— Да за что? За какіе долги?

— Да онъ и самъ не знаетъ. Тамъ какіе-то петербургскіе... Что я съ нимъ теперь буду дѣлать? заключила она.

Помочь я ему ничѣмъ не могъ, такъ я и уѣхалъ, недовольный, что напрасно только разстроилъ себя на цѣлый день.

Черезъ мѣсяцъ или черезъ два я услыхалъ, что сельцо Мышонково продано съ аукціона, и ужъ тамъ сидитъ „новый помѣщикъ", а мой знакомый князь, больной, еле начавшій только поправляться, уѣхалъ въ Москву.

— А Фіона? спросилъ я.

— Фіона съ нимъ уѣхала.

— „Точно сонъ какой: былъ человѣкъ и нѣтъ его, пропалъ на вѣки"... подумалъ я.

Но судьбѣ угодно было, чтобы я встрѣтился еще разъ съ этой парой и къ тому же при удивительной обстановкѣ...

II.

Два года тому назадъ я былъ проѣздомъ въ Москвѣ. Мнѣ нужно было отыскать одного моего земляка, начинающаго писателя, котораго я хотѣлъ пригласить на лѣто поѣхать вмѣстѣ со мною въ деревню. Онъ жилъ на Тверской, гдѣ-то недалеко отъ генералъ-губернаторскаго дома, но номеръ, или, какъ принято это въ Москвѣ, фамилію домовладѣльца я забылъ. Поэтому, я отправился на память отыскивать домъ, и въ немъ, въ меблированныхъ комнатахъ, моего знакомаго. Домъ я очень скоро нашелъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ — старинной, желѣзной, какія до сихъ поръ еще не перевелись въ Москвѣ — заглядывая на-право и на-лѣво съ площадокъ въ каждомъ этажѣ въ глубокіе, какъ зіяющія пропасти, настежъ открытые темные длинные корридоры. Домъ во всѣхъ пяти этажахъ былъ занятъ меблированными комнатами, наполненными самымъ разнообразнымъ населеніемъ, и гдѣ жилъ мой знакомый, въ какомъ этажѣ и корридорѣ, я доподлинно не зналъ. Я прошелъ уже второй, третій этажъ, спрашивая объ немъ встрѣчавшихся мнѣ на лѣстницѣ жильцовъ, говорившихъ мнѣ лаконически: „выше“, и когда сталъ подниматься въ четвертый этажъ, на площадкѣ я увидѣлъ женщину, которая стояла, налегши всѣмъ тѣломъ на рѣшетку и смотрѣла внизъ, съ лѣстницы, въ трехъ-четырехъ-этажную пропасть.

— Ахъ, вдругъ проговорила она, поднялась и встала предо мною.

Я очень далекъ былъ въ это время мыслями отъ воспоминаній о томъ, что было шесть, семь лѣтъ назадъ, но я сразу узналъ кто была эта женщина.

— Вы какъ? продолжала она. Вотъ ужъ неожиданно-то.—Къ кому вы?

Это была Фіона.

Она разцвѣла за это время. Передо мною была особа того сорта, которыми такъ изобилуютъ у насъ уѣздные и даже губернскіе города и которыхъ соціальное положеніе—жены лавочниковъ, управляющихъ господскими имѣніями, пріѣхавшія изъ деревни за покупками въ городъ, поподьи, дьяконицы и проч. Она была, что называется, баба „кровь съ молокомъ", на видъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлая, румяная, глаза съ поволокой и вообще не безъ нѣкотораго особеннаго, свойственнаго этимъ особамъ, городскаго шика. Платье на ней было изъ лѣтней бумажной матеріи съ множествомъ оборокъ и очень солидныхъ размѣровъ турнюромъ.

Я поздоровался и выразилъ тоже удовольствіе свое, что вижу ее въ такомъ цвѣтущемъ, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ состояніи.

— Ну ужъ какое состояніе, когда мы какъ цыгане какіе изъ города въ городъ переѣзжаемъ, отвѣчала она.

— Но, однако, видъ... Слава Богу, кажется.

— Жарко... Фу!.. жара какая, проговорила она и начала махать себѣ на грудь и на шею носовымъ платкомъ.—Вотъ городъ-то: и купаться негдѣ, говорила

она какъ бы сама съ собою.—Вы къ кому же? Мы ужъ тутъ двѣ недѣли живемъ, дожидаемся и всѣхъ знаемъ...

— Кто это мы? Вы и... началъ я и остановился.

— И князь, сказала она. Мы тутъ въ седьмомъ номерѣ стоимъ.

— Вы все вмѣстѣ, и онъ здѣсь? воскликнулъ я, потому что ужъ давно по чему-то въ мысляхъ порѣшилъ, что они разстались другъ съ другомъ.

— Все вмѣстѣ, отвѣтила она. Да кудажъ онъ дѣнется? безъ ногъ, безъ рукъ, куда-жъ ему?..

— Все боленъ?

— Да вотъ пойдемте, загляньте, онъ радъ будетъ вамъ.

Мы вошли въ зіяющую темную пропасть корридора—она впереди, я за ней. Пахло не смотря на лѣто и открытое окно въ концѣ корридора, сыростью и тѣмъ особеннымъ запахомъ, который никогда не переводится въ этого рода меблированныхъ комнатахъ, въ Москвѣ.

— Вы къ кому же? повторила она вопросъ.

Я сказалъ.

— Ахъ Боже мой, да это рядомъ съ нами. Мы стоимъ въ седьмомъ номерѣ, а ихъ осьмой. Молодой человѣкъ, сочинитель? Очень даже хорошо знакомъ, бываетъ у насъ и я у него... Я ему даже свою жизнь всю разсказала... Ахъ, Боже мой, вотъ какая неожиданность. Такъ это вашъ знакомый? Только его сейчасъ нѣтъ, добавила она. Онъ приходитъ обыкновенно въ три часа обѣдать, а теперь еще только два. Черезъ

часъ онъ будетъ. Вы посидите у насъ, а онъ тѣмъ временемъ подойдетъ... Вотъ и нашъ номеръ, проговорила она, останавливаясь передъ низенькой довольно грязной дверью, на которой былъ прибитъ лоскутъ бумаги и на немъ выведена чернилами крупная цифра семь.—Войдите, милости просимъ. Не взыщите только, живемъ по походному, проговорила она, приглашая меня взойти въ комнату.

Прямо противъ двери, у окна, сидѣлъ въ креслѣ князь Мышенковъ въ одномъ нижнемъ бѣлье, въ туфляхъ на босую ногу, непричесанный, съ заспаннымъ лицомъ и всматривался въ меня, когда я входилъ въ комнату.

— Не узнаете? здравствуйте, сказалъ я.—Все еще не узнаете?

Я назвалъ свою фамилію.

— Извините. У насъ такой тутъ безпорядокъ... заплетая языкомъ, заговорилъ онъ и началъ прикрываться халатомъ.

Я замѣтилъ, что онъ все дѣлалъ—натаскивалъ на себя халатъ, прикрывался—лѣвой рукой: правая не дѣйствовала и онъ все перекладывалъ ее лѣвой рукой.

— Да вотъ встрѣтилъ сейчасъ, сказалъ я, указывая на Фіону. Я забылъ, какъ ее зовутъ по отчеству.

— Представьте себѣ къ кому они шли? въ осьмой номеръ, къ Александру Евгеніевичу. Это ихъ знакомый оказывается, заговорила Фіона.—Я вышла это отъ жары на площадку и смотрю внизъ. И ни къ чему мнѣ, вижу кто-то поднимается, идетъ на верхъ и ужъ

совсѣмъ они поднялись, я глядь, вижу знакомый и узнала ихъ...

Князь слушалъ, кисло улыбаясь, и когда она кончила, указалъ ей глазами на стоявшія передъ нимъ на столѣ грязныя тарелки съ какими-то объѣдками и промычалъ:—убери.

— Это мы сейчасъ закусывали, сказала Фіона, и начала собирать грязные, желѣзные поломанные вилки и ножи, всѣ въ темныхъ пятнахъ отъ огуречной кислоты, уксусу, горчицы, мазки которой были на всѣхъ тарелкахъ.

— И скатерть,—все возьми, сквозь зубы проговорилъ князь.

Фіона огрызнулась на него.

— Да сейчасъ. Не могу же я все разомъ.

Ей очевидно хотѣлось говорить, разсуждать, а онъ ее заставлялъ, вмѣсто этого, собирать и убирать съ глазъ долой остатки ихъ неприглянднаго завтрака.

— Боленъ я... вотъ... видите,—обратился ко мнѣ князь и показалъ на свою правую руку.—И нога тоже, —добавилъ онъ.

— Давно это съ вами?—спросилъ я его.

— Третій годъ.

Фіона, убиравшая скатерть, проговорила.

— Меньше бы пили,—ничего бы и не было.

Князь съ презрительной гримасой ухмыльнулся.

— Да нечего!.. Правду говорю, — подтвердила Фіона.

Я сидѣлъ и рѣшительно не зналъ, объ чемъ съ ними говорить. Я проклиналъ и эту встрѣчу съ Фіоной на лѣстницѣ, и себя, зачѣмъ я зашелъ.

— Чаю хотите? проговорилъ князь.

— Ну, вотъ, въ жару-то—вмѣшалась Фіона:—вѣдь выдумаетъ что! Пивца холодненькаго, у насъ тутъ на ледникѣ? Живо принесутъ—продолжала Фіона.

— Мнѣ некогда, благодарю васъ, я вѣдь на минутку; мнѣ еще надо во много мѣстъ,—говорилъ я, и хотѣлъ уйти, но Фіона остановила, сказавъ, что вѣдь Александръ Евгеніевичъ сейчасъ, вотъ-вотъ придетъ; сію минутку теперь.

— Электричествомъ надо... совѣтуютъ доктора,— сказалъ князь, показавъ глазами на правую руку и уставился на меня.

— А вы развѣ не пробовали еще?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Непремѣнно попробуйте.

— Вотъ, какъ, если здѣсь, въ Москвѣ, удачно кончится... тогда,—сказалъ князь...

Я посмотрѣлъ на него.—Да, непремѣнно попробуйте, навѣрно поможетъ.

Въ дверь кто-то постучалъ. Фіона, сидѣвшая у стола и набивавшая папироски—я замѣтилъ, она курила—вскочила, сказавъ: сейчасъ, и поспѣшила къ двери. Я думалъ, не Александръ Евгеніевичъ ли ужъ мой. Но, нѣтъ, послышался чей-то женскій голосъ и смѣхъ.

— Это артистка. Ея подруга, — прислушиваясь проговорилъ князь.

Фіона возвратилась и тоже сказала.—Это артистка, у насъ тутъ въ пятомъ номерѣ пріѣзжіе артисты живутъ.

И затѣмъ, обращаясь уже спеціально къ князю, добавила: Шталь пріѣхалъ и совсѣмъ-то пьяный, забрался въ пустой номеръ и его не выведутъ никакъ оттуда. Ругается съ Кларой.

Фіона сказала это и разсмѣялась. Князь равнодушно посмотрѣлъ на нее. Чтобы что нибудь сказать, я спросилъ Фіону.

— Кто это Шталь?

— Артистъ тоже... съ своей душенькой... Также вотъ, какъ мы живетъ. Запиваетъ. Когда запьетъ— бѣда.

Она проговорила это и пошла за перегородку, откинувъ одной рукай вверхъ, на палку, часть драпировки—полотнище грязнаго вылинявшаго ситцу,—причемъ я увидалъ двѣ жиденькихъ, неубранныхъ желѣзныхъ кровати, валявшееся на полу грязное бѣлье, желѣзное ведро, сломанный умывальникъ. Фіона подошла къ сундуку, открыла его и опустилась передъ нимъ на колѣни.

Князь какъ уставился на меня своими мутными глазами, такъ и продолжалъ смотрѣтъ, не произнося ни слова.

— „Господи, зачѣмъ это я тутъ сижу? Мое это мѣсто? Что мнѣ дѣлать тутъ?“.. думалъ я...

Фіона между тѣмъ, я видѣлъ, достала изъ сундука что-то розовое, развернула—мнѣ показались панталоны —потомъ опять скатала въ свертокъ, встала и пошла, пряча отъ насъ свою ношу и въ то же время улыбаясь.

— Все по хозяйству,—проговорила она.

Но не утерпѣла и, держа руку со сверткомъ за спиной, продолжала:—да какъ же, проситъ, нельзя же отказать.

— Что такое?—проговорилъ князь.

— Что такое?—передразнила его Фіона.
— Сейчасъ все вамъ надо знать. Трико—вотъ что. У нея, у Клары, сегодня представленіе, а сокровище-то ея, пьяный, взялъ да чѣмъ-то все ея трико облилъ. Оно желтое все и стало... Да мое ей негодится—она полнѣй меня.

— Вотъ еще разорветъ, — промычалъ князь.

— Разорветъ! — Фіона опять передразнила его. — А я это на что? Слѣпая я развѣ, не увижу? Увижу, что не лѣзетъ ей и не дамъ. Мнѣ самой тоже нужно, —закончила она, ухмыльнулась и вышла въ корридоръ.

— Я только хотѣлъ спросить у князя: зачѣмъ ей „самой“-то нужно трико, какъ Фіона отворила опять дверь и весело позвала меня.

— Ну, вотъ, дождались: и Александръ Евгеніевичъ пришелъ.

Въ дверяхъ корридора я увидѣлъ фигуру моего знакомаго, всталъ и началъ желать князю скораго выздоровленія отъ леченія электричествомъ.

— Долго пробудете здѣсь? Заходите, — приглашалъ меня онъ. — Угощать — ужъ извините—нечѣмъ. Такъ, посидѣть только.

Я сказалъ, что ѣду сегодня или самое позднее завтра, но, что если успѣю, съ удовольствіемъ зайду еще разъ его навѣстить.

Фіона, прощаясь со мною въ коридорѣ, тоже звала заходить къ нимъ. Мой знакомый удивленно смотрѣлъ на меня.

— Вы какъ же это къ нимъ попали? Вы знакомы развѣ? — спрашивалъ онъ меня, когда мы вошли съ нимъ въ его комнату.

Я разсказалъ какъ.

— Это удивительные люди, — продолжалъ онъ. — И оба — и онъ и она. Особенно ужъ она...

— Да, что они тутъ дѣлаютъ?—сказалъ я.

— Вы развѣ не знаете? Они вамъ развѣ не говорили?—удивился мой знакомый. — Она вѣдь первая бѣгунья... Бѣлкина— вѣдь она же и есть. Вотъ на афишахъ...

Я ничего не понималъ.

— Какая бѣгунья?

— Да вотъ, что бѣгаютъ. На бабьихъ бѣгахъ. Вы развѣ не читали въ газетахъ? Въ Петербургѣ у васъ еще этого нѣтъ, а тутъ, въ Москвѣ, у насъ ужъ второй годъ...

Я смутно припоминалъ, что что-то такое читалъ объ этомъ безобразіи.

— Устраиваютъ бѣга... такіе круги, продолжалъ онъ, и пускаютъ на нихъ бабъ — онѣ и бѣгаютъ, какъ лошади. Которая первая прибѣжитъ—первый призъ, вторая—второй призъ... Бабъ по пяти, по семи пускаютъ... Публики масса собирается... Первый разъ, когда бѣжали бабы,—тысячъ пятнадцать было народу, вся Москва была.

— Ну, и на этихъ бѣгахъ она отличается?

— Первая... Бѣлкина, извѣстная Бѣлкина—это она и есть.

— Но вѣдь за это же онѣ, бабы, гроши получаютъ, сказалъ я.

— О, нѣтъ. То есть отъ антрепенера, конечно, гроши, но потомъ въ ихъ пользу публика собираетъ. Особенно купцы. Въ прошломъ году, когда она въ первый разъ бѣжала — ну, да и по своему, она красивая, нравится купцамъ — такъ, кажется, она чуть не цѣлую недѣлю пропадала съ ними, все возили, угощали ее. Что-то около тысячи рублей она тогда съ собой привезла...

— И на это живутъ они?

— А потомъ, какъ въ Москвѣ это привилось, и въ провинціи пошло. Я не помню, куда они отсюда тогда поѣхали. И тамъ она всѣхъ обогнала, вездѣ первые призы побрала... Ну, конечно, тамъ столько не выручила она, какъ здѣсь, а все таки существовать могли... Вотъ и теперь пріѣхали на бѣга. Надняхъ вѣдь будутъ здѣсь бабьи бѣга... Вотъ вы увидите, если поживете въ Москвѣ... Вы на сколько пріѣхали?..

Я сказалъ.

А то бы вы увидали... Какъ же, это знаменитость московская, кончилъ мой знакомый.—Да вы давно ихъ знаете?..

— Я разстался съ ними, — сказалъ я, — шесть-семь лѣтъ и вотъ сейчасъ только опять встрѣтился.

— Двѣ недѣли какъ они ужъ тутъ.

Мой знакомый, очень впечатлительный молодой че-

ловѣкъ, началъ передавать мнѣ ихъ исторію, съ ихъ словъ, конечно, за эти шесть-семь лѣтъ и у него выходила цѣлая драма, которой на самомъ дѣлѣ, зная дѣйствующихъ лицъ, не могло, по моему, быть и я улыбался, слушая его.

— Нѣтъ, это вѣрно. Вы вотъ улыбаетесь, не вѣрите? А это на самомъ дѣлѣ все было такъ,—подтвердилъ онъ.

— Да вѣрю, я не сомнѣваюсъ, что это было все. Но только они-то, а ужъ особенно она — онъ на нее главнѣйше и указывалъ въ своемъ разсказѣ — ничего этого, такъ какъ вы разсказываете, не пережили...

— Т. е. какъ это?

— А очень просто—не перечувствовала этого, стало быть и не пережила...

Мы начали спорить. Мой юный другъ „заступался" за какую она ни на есть „героиню драмы", Фіону, предполагая, что я ее виню въ погибели князя, какъ увлекшагося ею, на которую онъ разорился и дошелъ до такого состоянія.

Я постарался разсѣять всѣ его сомнѣнія на этотъ счетъ.

— Нѣтъ, — сказалъ я. Ни она его не увлекала, ни онъ на нее не разорялся.

— Но они мнѣ сами разсказывали.

— Врутъ.

— Помилуйте, когда она и сознается, подтверждаетъ.

— Что же она подтверждаетъ?

— Ну, говоритъ, что онъ тратился на нее...

— Дура она, не понимаетъ, что говоритъ, а онъ вретъ... И потомъ онъ навѣрно разсказывалъ, что имѣніе у него продали и онъ остался такъ?

— Да.

Жилъ онъ съ нею всего годъ въ имѣніи, началъ разсказывать я. И имѣніе это было всего триста десятинъ... Красная цѣна ему была тридцать тысячъ... И продано оно было по иску какого-то ростовщика изъ Петербурга, которому онъ задолжалъ еще чуть ли не тогда, когда былъ въ училищѣ, и когда онъ ее и въ глаза еще не видалъ... Она-то тутъ при чемъ же? Онъ и тысячи рублей на нее не истратилъ. Ну, хорошо, положимъ тысячу, двѣ, но не болѣе же.

— Ну, вотъ видите, сказалъ мой знакомый: — это все для меня новыя совершенно подробности. Т. е. я зналъ ихъ исторію, но вы иначе мнѣ освѣтили...

— Въ томъ-то вотъ и дѣло.

— Но согласитесь всетаки, шесть лѣтъ провозиться съ больнымъ человѣкомъ, выносить его ласки, капризы, содержать его—это... продолжалъ онъ.

— Подвигъ. Огромный подвигъ... Я этого не отрицаю, сказалъ я.

— На это способна только русская женщина!

— Не знаю... Я не наблюдалъ другихъ, но русскихъ — да, между русскими я знаю много такихъ.

— Т. е., оно конечно, поправился мой знакомый, мы знаемъ и по исторіи и по литературѣ, что и у другихъ народовъ... черта эта общечеловѣческая, свойственна женщинамъ всѣхъ націй.

— Я тоже такъ думаю, сказалъ я.

— Вамъ смѣшно... Вы вотъ смѣетесь...

Въ это время кто-то постучалъ въ дверь и послышался Фіонинъ голосъ: можно?

— Войдите. Ну вотъ вы сами разспросите-ка ее, сказалъ мой другъ.

Фіона начала съ того, что она на минуточку и ей надо сказать пару словъ мнѣ...

— Князь проситъ васъ, какъ будете уходить отсюда, такъ чтобы зашли къ намъ. Ему что-то сказать вамъ надо...

Мой знакомый подставилъ ей стулъ и началъ просить присѣсть. Фіона стала отговариваться.

— Отчего же?—спросилъ я.

— О, да вы не знаете какой онъ, князь-то. Онъ подозрительный. Сейчасъ и Богъ знаетъ что подумаетъ.

— Ужасно вѣдь ревнивый, сказалъ мой знакомый. Въ прошломъ году онъ мнѣ такую сцену сдѣлалъ...

Но Фіона, однакожъ, сѣла съ нами.

— Да вы развѣ давно ужъ, еще съ прошлаго года знакомы?—спросилъ я.

— Давно. Какъ они тогда пріѣхали въ Москву, такъ тоже попали сюда, въ эти номера, и тоже вотъ въ этотъ же номеръ, со мною рядомъ. Какъ же, я и при дебютѣ Фіоны Егоровны присутствовалъ, апплодировалъ ей. Помните, тогда сказалъ мой знакомый и обратился къ Фіонѣ: когда вы первый разъ бѣжали, а я вамъ еще хлопалъ?

— Ужъ тутъ, батюшка, я тогда никого не видала.

Только въ головѣ одно, бѣгу и думаю себѣ:—ну, какъ бы только Господь донесъ меня прежде всѣхъ. Эти двадцать пять рублей-то мнѣ бы получить...

Фіона даже вздохнула при этомъ.

— Да кто же васъ надоумилъ бѣгать-то? Первый разъ вамъ кто же посовѣтовалъ?—спросилъ я.

— А сама, никто... Стояли мы вотъ тутъ, также вотъ въ этомъ седьмомъ номерѣ, какъ и теперъ, прожились всѣ, все заложили... А въ корридорѣ, въ концѣ, тамъ, въ одиннадцатомъ номерѣ, вотъ гдѣ и теперь, эти же самые артисты стояли. Знакомы мы были. Билетики они мнѣ давали даровые на входъ въ садъ. Ходила я туда. Вѣдь скука, одурь возметъ цѣлый день-то сидѣть тутъ въ номерѣ. Дѣла никакого не знаю... Вотъ только разъ я была тамъ, въ саду-то, а на столбахъ афишки наклеены и на нихъ это самое изображено, т. е. вотъ какъ бабы-то будутъ бѣгать. Я это замѣтила.—Прихожу уже вечеромъ, т. е. ужъ ночью, конечно, домой и думаю себѣ: „Господи, да какъ же это бабы и вдругъ бѣгать въ эдакомъ видѣ будутъ...

— А вы въ какомъ же видѣ бѣгаете? Въ трико?

— Въ трико... То есть оно есть юбочка, только это для публики... Вотъ только на утро я и спрашиваю Клару—она по канату тамъ ходитъ... Вы видѣли ее, вотъ что входила-то, когда вы у насъ сидѣли... трико-та у меня спрашивала:—Какъ же, говорю, это на афишкахъ у васъ выставлено, что въ четвергъ бабы будутъ бѣгать, что же это, настоящія, говорю, бабы будутъ, или ряженыя только?—Клара-то мнѣ и гово-

ритъ:—нѣтъ, настоящія. Да и вы не хотите-ли? Это, говоритъ: кто хочетъ, это изъ публики... Я и взяла себѣ въ голову: дай попробую, да и только. Ну, хочу, попробовать и сама съ собою не совладаю. Судьба ужъ это что-ль моя была, предчувствіе мнѣ такое было, назначено мнѣ по этой дорогѣ, не знаю. Только вотъ хочу-хочу... А въ дѣтствѣ-то, да и потомъ ужъ большая, въ дѣвкахъ когда была, у насъ въ деревнѣ, въ Мышонковѣ противъ меня бѣжать никто не могъ, никто меня не могъ догнать...

Фіона опять вздохнула.

— Ну-съ.

— Ну, только вотъ почувствовала въ себѣ я эту охоту, къ вечеру, какъ Кларѣ идти туда на представленіе, я и говорю ей: узнайте, молъ, какъ это и что, на какихъ, молъ, условіяхъ ихъ—бабъ-то—будутъ пускать. И что имъ за это полагаться будетъ? Хорошо, говоритъ, завтра скажу. Утромъ зайдите... Захожу утромъ, а она и говоритъ:—ничего, говоритъ, не нужно. Трико есть? Башмаки есть? Юбочку покороче сошьемъ и больше ничего и не нужно... Да говоритъ, васъ ужъ и записали... Сказала она это, ну, меня тутъ страхъ побралъ. Какъ это, думаю, я побѣгу, да при всѣхъ, да еще въ этакомъ одѣяніи? А Клара-то—она хорошая дѣвушка—увидала, что я оробѣла, успокоивать меня сейчасъ. Трико на меня свое старое примѣрять, юбченку сейчасъ шить, корсажикъ этакій—знаете, вотъ которые надѣваются для бѣговъ?..

— Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ я.

— Вы развѣ ни разу не видали бѣговъ?

— Нѣтъ, ни разу.

— Это теперь заведено... Въ провинціи тоже во многихъ городахъ...

Фіона начала перечислять города, гдѣ она бѣгала и отклонилась отъ разговора. Мнѣ хотѣлось знать именно отъ нее самой о ея дебютѣ, и я сказалъ:

— Ну, разсказывайте-ка дальше... Какъ же вы собирались и побѣжали потомъ.

— Ну, вотъ, собралась я, т. е. все это Клара дала мнѣ, сшила, устроила — завтра идти... Какъ я теперь ему, князю-то, скажу объ этомъ? А онъ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ даже...

— Знали тогда, поправилъ ее мой знакомый. Всѣ тогда тутъ въ корридорѣ знали, что вы побѣжите. Дня за два знали.

— Да. Знали, да не онъ. Вы знали, всѣ знали, а онъ не зналъ. Онъ когда ужъ узналъ-то? На другой день, когда я дома не ночевала... утромъ ужъ онъ узналъ. Слышитъ, всѣ говорятъ — онъ и узналъ въ чемъ дѣло. Вѣдь онъ заявку тогда на меня подавалъ...

— Что вы безъ его согласія бѣжали? Да онъ-то какое же право имѣетъ? — сказалъ я.

— Нѣтъ, не то совсѣмъ. Не объ этомъ... Съ бѣгу-то тогда меня прямо купцы съ собой угощать увезли, ну я и пропуталась съ ними почитай цѣлую недѣлю...

И какъ бы въ свое оправданіе Фіона добавила:

— Да вѣдь какъ же, сами поймите, суютъ деньги въ руки, шампанскаго кричатъ... Вѣдь я тогда почти

тысячу рублей съ собой-то привезла. Безъ двадцати рублей тысячу...

— Ну и онъ ничего потомъ? Князь-то? Какъ-же вы съ нимъ встрѣтились-то?—спросилъ я.

— Ничего... тихо отвѣтила Фіона. Ну, извѣстно, сначала-то поругалъ... А потомъ ничего... Тутъ это мы всѣ долги заплатили, выкупили все...

— А черезъ недѣлю опять были бѣга,—сказалъ мой знакомый...

— Да. Опять я выиграла, первая пришла къ колокольчику...

— А потомъ вы въ провинцію уѣхали?—спросилъ я.

— Потомъ въ провинцію. И тамъ тоже.

— Все первою приходите?

— До сихъ поръ еще всегда первой... Разъ только чуть-чуть я не отстала. Бѣгу это я и мнѣ ни для чего, смотря на другихъ-то бабъ—на себя ужъ привыкла надѣяться,—вдругъ, глядь, а одна-то впередъ и забрала, да вѣдь сколько, шаговъ на десять!... Я сейчасъ собрала духу, что было, да какъ пошла, пошла, ну, та и отстала.

— За флагомъ осталась?

— Вонъ гдѣ оставила!...

Фіона махнула рукой въ сторону.

— Да, тоже спеціальность,—сказалъ мой знакомый.

Фіона промолчала. Потомъ вздохнула и сказала:

— Такъ вотъ мы и живемъ. Бѣгаю пока... Теперь въ славѣ... пока еще никто не обогналъ... Зайдите же, вдругъ сказала она, поднимаясь со стула. Онъ объ чемъ-то спросить васъ хочетъ...

Я сказалъ, что непремѣнно зайду.

Фіона ушла. Мы съ моимъ пріятелемъ потолковали еще сколько-то времени объ этой удивительной парѣ, условились, какъ ѣхать намъ въ деревню, и когда черезъ часъ или около того я зашелъ къ Мышонкову въ сосѣдній номеръ, Фіоны тамъ ужъ не было, а князь спалъ, сидя въ креслѣ. Я окликнулъ его раза два, онъ не отвѣтилъ,--такъ я и уѣхалъ.

Я не знаю, гдѣ они теперь...

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Н. П. КАРБАСНИКОВА.

С.-Петербургъ, Литейный пр. № 48.

